

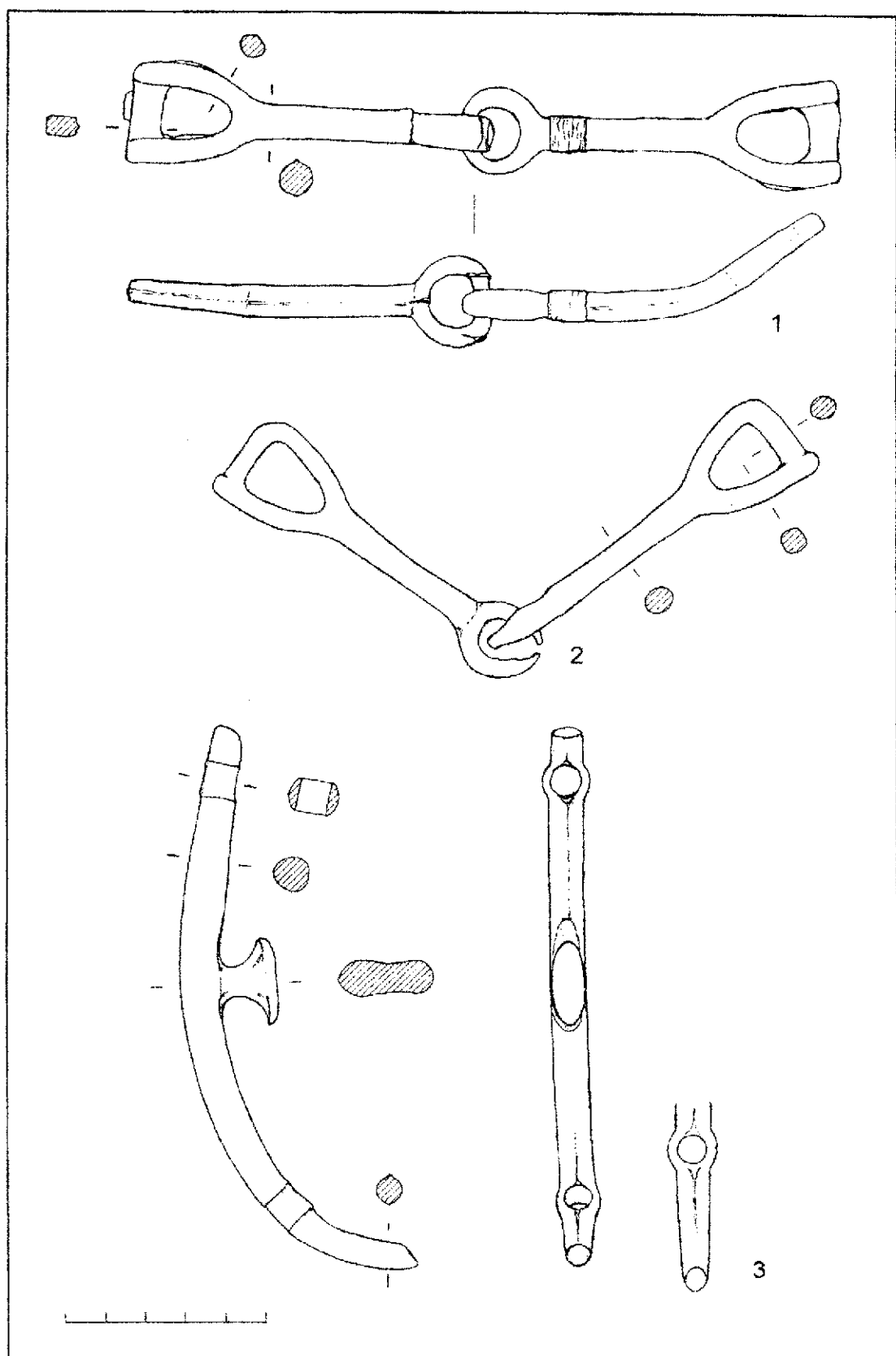

Рис. 5. Вакулиха-1. Бронзовые удила и псалий, найденные отдельно.

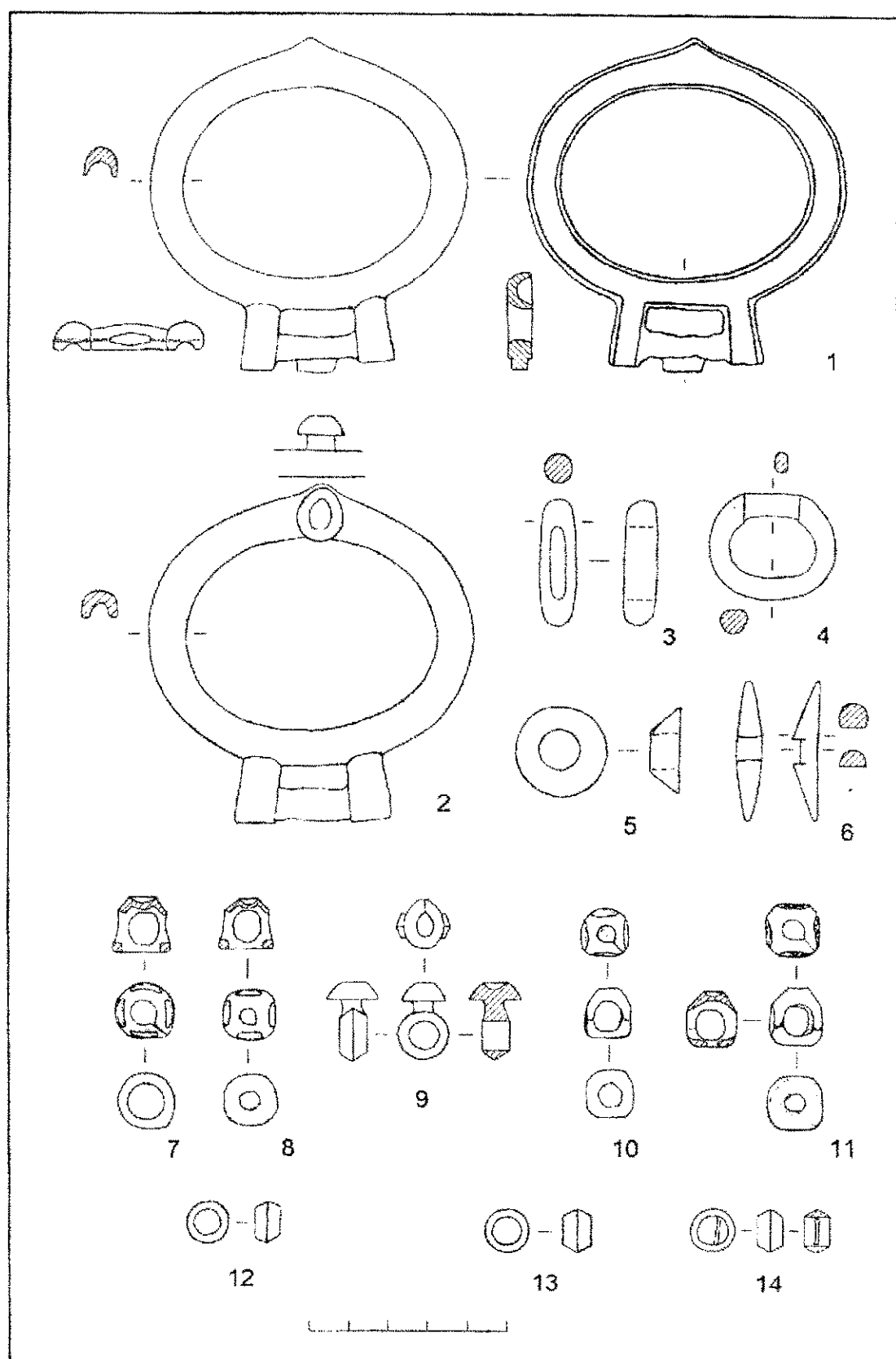

Рис. 6. Вакулиха-1. Бронзовые принадлежности срун.

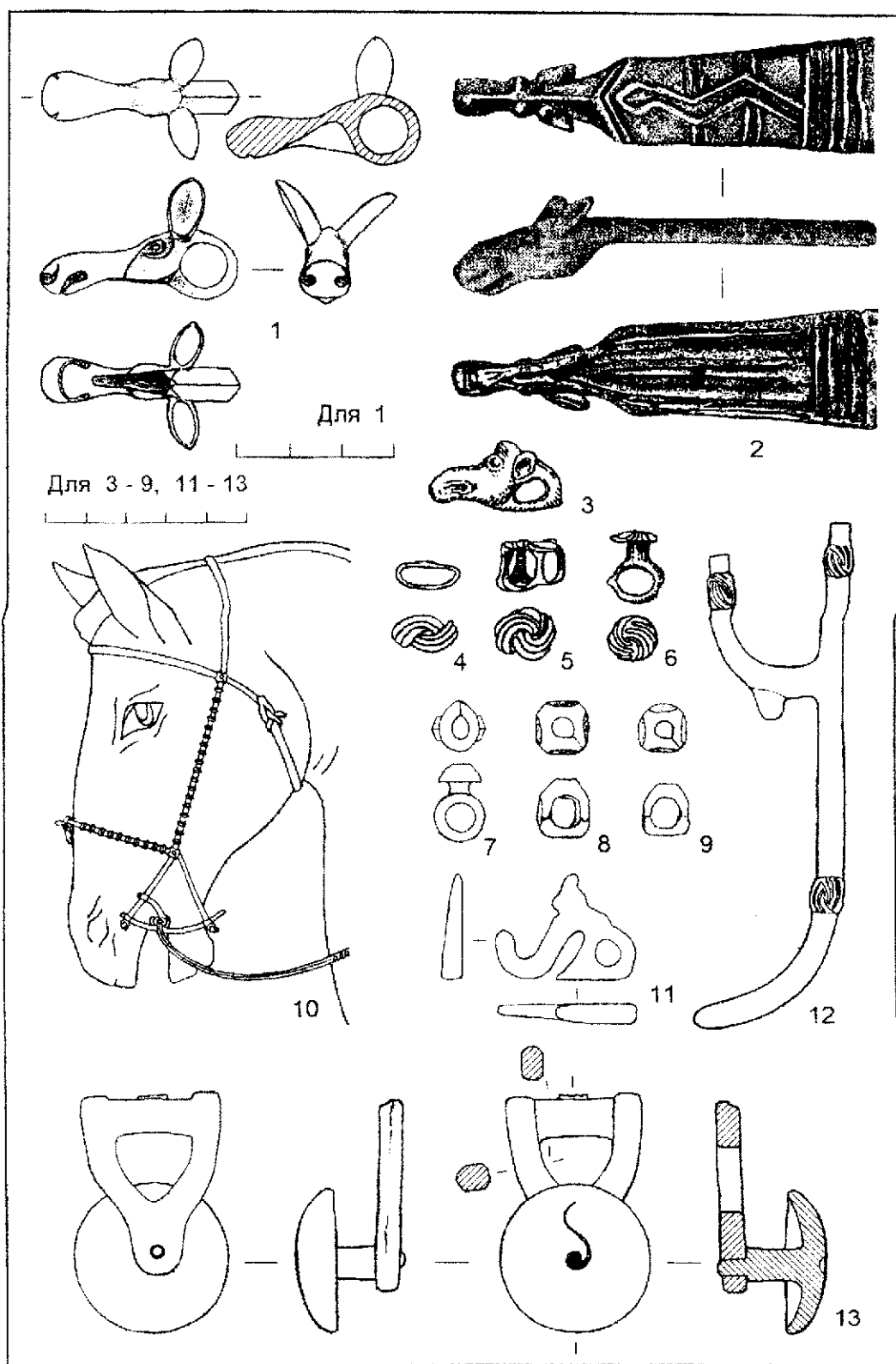

Рис. 7. Изделия из Вакулихинского клада, выполненные в сако-сибирском художественном стиле, и некоторые аналогии им: 1, 7-9, 11-13 — Вакулиха-1; 2 — Сейминский могильник (Киселев, 1949; Бадер, 1970); 3-6 — Уйгарак, к.47 (Вишневская, 1973); 10 — реконструкция автора.

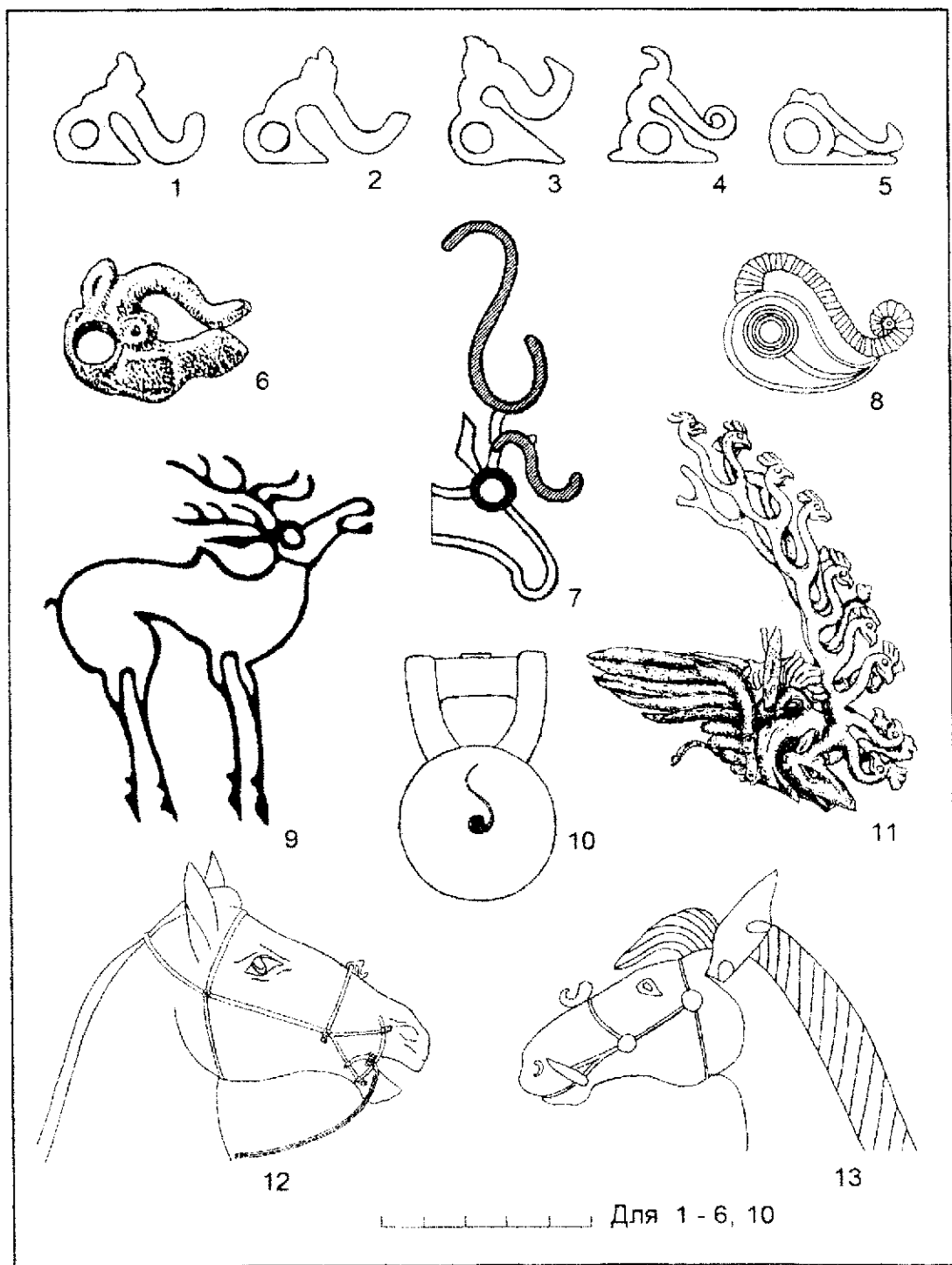

Рис. 8. Бронзовые уздечные подвески-наносники в виде переднего отростка рога оленя, их семантика и употребление:
 1-5 — подвески-наносники из уздечных комплектов с У-образными псалмиями (1 — Вакулиха-1, 2 — Машенка 1, 3 — Каракол, 4 — Алды-Бель-1, 5 — Хемчик-Бом III);
 6 — Тасмола-1, к. 19 (Кадырбаев, 1966); 7 — фрагмент рисунка на бронзовом зеркале из Усть-Бухтармы, штриховкой показана последовательность нанесения изображения (Марсадолов, 1982);
 8 — Амударьинский клад (Кузьмина, 1977); 9 — фрагмент изображения на оленьем камне из кургана Аржан (Грязнов, 1980); 10 — Вакулиха-1; 11 — Второй Пазырыкский курган (Мартынов, 1984); 12 — реконструкция автора; 13 — фрагмент изображения на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (Артамонов, 1973).

Фото 1. Бронзовая подвеска в виде головы лося до реставрации.

Фото 2. Бронзовая подвеска в виде головы лося после реставрации.

55. Псалий двудырчатый с Т-образным крючком в центре для вдевания в кольцо удила (513/I-55; рис. 5.-3). Аналогичен псалиям первого комплекта. Различия состоят в ином оформлении круглых отверстий и завершений стержня, в большем изгибе длинного конца. Стержень и крючок псалия заметно изношены от трения об удила.

56-57. Две бляхи-обоймы для перекрестья ремней узды (513/I-47,48; рис. 6.-10,11). Аналогичны бляхам № 15-16. При общем сходстве все четыре обоймы имеют незначительные индивидуальные отличия.

58. Обломок от ножки и основания подобной же бляхи-обоймы для перекрестья ремней узды (513/без №).

59-96. Кольца-пронизки от ремней узды — 38 целых экземпляров (513/I-51; рис. 6.-13). Все ребристые, немного разных форм и размеров, с отверстиями диаметром 7-8 мм. Аналогичны кольцам № 17-45. Как и среди находок рыбаков, в одной из пронизок встречен древесный уголек.

97-98. Обломки от двух таких же колец-пронизок (513/I-52).

99. Кольцо-пронизка с внутренней перемычкой (513/I-50; рис. 6.-14). Отличается от остальных тем, что внутри имеет приваренную бронзовую проволочку сечением менее 1 мм, которая делит отверстие на две неравные части.

100. Уздечная подвеска-наносник в виде головы лося (513/I-46; рис. 7.-1). Изделие было покрыто толстым слоем рыхлых окислов (фото 1). Детали изображения стали видны лишь после реставрации (фото 2), проведенной в 1988 г. сотрудниками ИИФиФ СО АН СССР Э.А. Скорыниной и Г.К. Ревуцкой, за что приношу им глубокую благодарность.

Петля подвески выполнена в виде ребристого кольца-пронизки. Изгиб окружности плавно превращен в загривок лося. От кольца отходит гипертрофированно-узкая, продолговатая морда животного с перехватом в средней части и расширением к поздням и рту. Похоже, нет ни одной детали изображения, чьи пропорции не были бы искажены по сравнению с реальным животным. Вместе с тем, художнику удалось создать цельный, выразительный и легко узнаваемый образ. Подлинное мастерство автора миниатюры проявилось в характерном для скифо-сако-сибирского звериного стиля подчинении изображения заданной форме предмета. В этой связи можно упомянуть о некотором сходстве рассматриваемого изделия с несколько

более поздними подвесками-«костыльками», которые Н.Л. Членова считает принадлежностью конского убора [Членова, 1967, с. 78, табл. 17.-35,36 «костыльки», табл. 17.-38 — наносник; Членова, 1995, с. 94-96, рис. 2.-5. Сравн.: Смирнов, 1961, с. 96, рис. 55.-8, рис. 44.-5; Вишневская, 1973, табл. XV-5; Абдулганеев, 1994, рис. 1.-5].

О технологии производства вакулихинской подвески отчасти можно судить по литейному шву, который сохранился и хорошо виден только внутри кольца пронизки: кольцевой чуть выступающий прилив проходит по середине плоскости отверстия. По-видимому, подвеска-«костылек» отливалась в двусторончатой форме, а уши лося, возможно, были предварительно изготовлены отдельно.

Особенностью наносника является наличие глубокой продолговатой выемки правильной формы, сделанной в нижней части морды при отливке. Имело ли это углубление какое-то практическое значение, связано ли оно с методами изготовления, либо его появление вызвано какими-то другими причинами — не ясно.

В этой связи обращают на себя внимание стилистические параллели с объемной скульптурой Урала и Карелии эпохи бронзы, где глубокая впадина между ветвями нижней челюсти считается характерной чертой художественной трактовки головы лося. Этот признак наблюдается не только на изделиях из дерева, рога и камня [Эдинг, 1940, с. 45, 54, 76-77, рис. 45, 52], но и на навершии одного из знаменитых бронзовых кинжалов Сейминского могильника, рукоять которого была увенчана головой лося [Эдинг, 1940, с. 76-77, рис. 74-75; Киселёв, 1949, с. 69, табл. XI.-3,4; Бадер, 1970, с. 111-112, 116, рис. 50].

Глубокий желобок между ветвями нижней челюсти является устойчивой художественной чертой, одним из тех стилистических признаков, которые даже позволяли говорить об особой «школе», возникшей в эпоху бронзы в Олонецком крае [Эдинг, 1940, с. 54]. Глубокую продолговатую выемку в нижней части изображения лося из Вакулихи-1 можно рассматривать как далёкий отголосок иконографической традиции предшествующего периода.

Возможно, появление такой художественной традиции было определено своеобразием морфологии животного. В отличие от других оленей у самцов и самок лосей под горлом находится мягкий кожаный вырост — «серьга», имеющая в профиль форму треугольника или вытянутого колбасовидного образования.

Длина «серьги» составляет 20–25, реже 35–40 см, иногда достигает полуметра и более. У трёх-четырёхлетних животных она достигает максимального развития, а затем отпадает на некотором расстоянии от основания, так что остаётся своеобразная «борода» [Филонов, 1983, с. 5–6, рис. 2]. Не исключено, что разделка пространства между ветвями нижней челюсти лося первоначально производилась художниками эпохи камня и бронзы для прикрепления «серьги», изготавливавшейся отдельно.

Стилистически подвеска из Вакулихинского клада тяготеет к зооморфной пластике эпохи бронзы. Изображение лося находит близкие аналогии в художественном литье из Сейминского могильника [Эдинг, 1940, с. 76–77, рис. 74–75; Киселёв, 1949, с. 69, табл. XI.–3,4; Бадер, 1970, с. 111–112, 116, рис. 50]. Схожи гипертрофированные пропорции головы: сужение продолговатой морды в средней части и расширение к ноздрям (рис. 7.–1,2). Художник как бы заостряет внимание зрителя на чертах образа, действительно присущих животному, но в природе выраженных не столь выпукло. Применительно к вакулихинской подвеске это замечание относится и к оформлению ноздрей в виде запятых, так как ноздри лося имеют именно такую форму.

Сопоставление с зооморфной пластикой эпохи бронзы позволяет выделить на вакулихинской подвеске те изобразительные приёмы, которые отличают её от художественных изделий предшествующего периода и вводят в круг образцов сако-сибирского искусства. К таким особенностям, имеющим, по-видимому, хронологический характер, наверное, можно отнести моделирование части объёма (в районе верхних ветвей нижней челюсти и вокруг глаз) с помощью расположенных под разными углами прямых плоскостей, что позволило в плавном контуре изображения контрастно показать рельеф отдельных участков (фото 2).

В первой краткой публикации, посвящённой находкам из Вакулихи-1, я назвал изображённое на подвеске животное лосихой [Бородаев, 1993, с. 151]. Затем это определение стало повторяться в литературе [Тишкин и др., 1996, с. 197; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 4, 29]. Однако после консультаций с зоологами требуются некоторые коррективы.

Лось — самый крупный представитель семейства современных оленей. Рога у лосей имеют только самцы. У взрослых особей рога ежегодно начинают расти весной (обычно в апреле-мае), в августе они достигают полного

развития и окостеневают. К концу сентября быки очищают рога от кожи, а с ноября по февраль (в основном в декабре-январе) сбрасывают их [Филонов, 1983, с. 8–15]. По мнению специалистов, в период, когда самцы сбрасывают рога, определить пол по общему облику животного трудно [Филонов, 1983, с. 7], а только по морде, видимо, вообще невозможно. Вполне вероятно, что на вакулихинской подвеске изображён самец лося в пограничный период между ежегодными циклами зарождения, развития и исчезновения рогов.

Оленьи рога у первобытного населения Сибири традиционно ассоциировались с идеей цикличной смены жизни и смерти; круговоротом развития, гибели и нового возрождения; с идеей воскресения через уничтожение. Не случайно в скифо-сибирском искусстве главной деталью при изображении оленя обычно являются рога. В этой связи необходимо вернуться к подвеске-наноснику № 47 из Вакулихинского клада.

Подвески, аналогичные находке из Вакулихи-1, найдены на Алтае и в Туве. Они неизменно встречаются только с уздечными комплектами, в которых присутствуют У-образные псалии [Машенка-1: Шульга, 1997, с. 194, рис. 15; Дёмин, Шульга, 1995, с. 101, рис. 2; Каракол: Кубарев, 1997, рис. 2; Алды-Бель-1: Грач, 1980, рис. 83.–1,2; Хемчик-Бом-III: Грач, 1980, рис. 110.–4, рис. 109.–1]. Очевидно, население употребившее сбрую этого типа, понимало семантику изображений на таких подвесках, занимавших среди украшений узды центральное место.

Археологи подобные изделия либо публикуют без комментариев, либо видят в них изображение хищной птицы [Кузьмина, 1977, с. 136, табл. XIV.–49], уже получившее название «сакского орла» [Шульга, 1997, с. 196, рис. 15–17, 21]. Мне представляется, что более продуктивна иная линия сопоставлений (рис. 8). Для сравнения можно указать на более реалистичные изображения, встречающиеся в Казахстане [Кадырбаев, 1966, с. 314, 316, рис. 7.–1; Артамонов, 1973, с. 32, № 31; Марсадалов, 1982, с. 31, 32, рис. 1, 2], в Средней Азии [Кузьмина, 1977, с. 136, табл. XIV.–49 (бляха опубликована в перевернутом виде, рогом вниз, под названием «головка хищной птицы»)] и в Южной Сибири [Грязнов, 1980, рис. 29.–2; Руденко, 1953, табл. LXXXIV.–4; Мартынов, 1984, с. 22, рис. 5].

На основании изучения оленьих камней М.П. Грязнов пришел к выводу, что древний художник начинал рисовать оленя на каменистом столбе с глаза, к которому добавлял за-

тем остальные детали фигуры [Грязнов, 1978, с. 227–230]. Показательны в этой связи изображения оленей на зеркале из Усть-Бухтарминского могильника. Исследование этого изделия Л.С. Марсадоловым подтвердило правильность заключения М.П. Грязнова: первоначально мастер вырезал на литейной форме круглый глаз животного, а затем «пририсовывал» к нему туловище, нос, рога и ухо. Из перечисленных частей изображения наиболее значимой, безусловно, являлись рога. По наблюдению Л.С. Марсадолова «S-образное окончание рога и его передний отросток исполнены по отдельности, а затем прямой линией и перпендикуляром к ней соединены с глазом» [Марсадолов, 1982, с. 31, рис. 1, 2].

Голова оленя на зеркале из Усть-Бухтармы (рис. 8.–7), как мне кажется, даёт ключ к пониманию символики рассматриваемой серии уздечных подвесок. При всем смещении зооморфных и растительных мотивов, подвеска из Вакулихи-1 и ей подобные, вероятно, изображают рог, а семантика их связана с этим символом [Мартынов, 1984, с. 21–23]. Обращает на себя внимание устойчивость художественной схемы раннесакского искусства: показанный в виде кружка глаз и отходящий от него S-образно изогнутый передний отросток рога, на котором характерным бугорком-запятой обычно намечено зарождение следующего отростка.

Круглый глаз, сразу от которого начинается рог, — довольно характерный изобразительный приём раннесакского искусства. Правильность предложенной трактовки рассматриваемой серии уздечных подвесок подтверждает золотая бляха с аналогичным сюжетом из Амударьинского клада. Рог на ней показан весьма натуралистично, поперечными желобками отмечены его годовые кольца (рис. 8.–8).

Таким образом, семантика подвесок из Вакулихинского клада, возможно, во многом тождественна: изображение головы лося (олени) в художественной традиции предшествующей эпохи (рис. 7.–1); изображение основных сакральных элементов образа оленя — глаза и переднего (первого) рога с зарождающимся следующим отростком (рис. 7.–11; рис. 8.–1), по принципу парциальной магии «*pars pro toto*» («часть как целое»); наконец, изображение условного знака в виде круглой точки и отходящего от неё S-образного завитка (рис. 7.–13; рис. 8.–10) — магического символа, который мог нести ту же смысловую нагрузку.

Выше уже говорилось о предположительной связи подвески в виде головы лося из Вакулихи-1 с подвесками-«костыльками» несколько более позднего времени. Вероятно, «костыльки» являлись предельно схематичными по изобразительной форме оберегами, восходящими смысловой основой к зооморфным космическим персонажам.

Завершая описание находок, необходимо отметить, что многие из них требуют реставрации (удаления слоя рыхлых окислов с последующей консервацией), однако для проведения таких работ Змеиногорский музей не имеет средств. Между тем, реставрация не только предотвратила бы дальнейшее разрушение бронз, но и позволила бы уточнить некоторые детали технологии изготовления, особенности употребления обнаруженных изделий. Например, о способе использования U-образных псалиев, наверное, могут что-то рассказать следы их сработанности и характер затертостей.

В 1930 году рисунки узды из кургана под Солонечным белком были опубликованы в работах С.И. Руденко и М.П. Грязнова. Первый изобразил псалии разветвлениями вниз [Руденко, 1930, рис. 4.–2], второй показал рогулькой вверх [Грязнов, 1930, с. 10–11, рис. 87], что в дальнейшем закрепилось в названии — «U-образные псалии». Долгие годы узда этого типа не встречалась археологам в рабочем положении, надетой на оставленного в могиле коня. Такая находка была сделана П.И. Шульгой в 1993 году при раскопках могильника Машенка-1. В комплексе бронзовых удили с U-образными псалиями, обнаруженном *in situ*, псалии были вставлены в удила развилкой вниз, а не вверх [Демин, Шульга, 1995, с. 101, рис. 2]. Анализ затертостей у основания среднего отростка псалиев из Вакулихи-1, наверное, мог бы дать ответ на вопрос: насколько распространен был такой способ крепления. Пока же представляется верным замечание В.Д. Кубарева, допускающего употребление U-образных псалиев в обоих положениях [Кубарев, 1997, с. 9].

Подведем итоги. Какая-то часть Вакулихинского клада, безусловно, лежит на дне Гилевского водохранилища. Однако компактное расположение бронз в береговом обрыве (на отрезке около полутора метров) и почти полное отсутствие крупных вещей среди находок на пляже позволяет считать, что собранные в 1987–88 гг. на местонахождении Вакулиха-1 бронзовые изделия составляют преобладающую часть Вакулихинского клада. К числу явных потерь относится двудыр

чато-крюковидный псалий, парный с № 55, и, возможно, удила этого уздечного комплекта. Остальные утраты, вполне вероятно, ограничены мелкими принадлежностями верховой сбруи.

Алдыбельские сбруйные «клады» Тувы всегда связаны с погребением человека и расположены на площади, занятой надмогильным сооружением, вблизи от южного борта могильной ямы [Грач, 1980, с. 127; Боковенко и др., 1988, с. 220]. В могильнике Кок-Су-1 на Южном Алтае остатки узды с бронзовыми удилами и двудырчато-крюковидными псалиями также лежали под камнем в юго-восточном секторе кургана неподалёку от края могильной ямы [Сорокин, 1969, с. 249–250, рис. 1]. Близкие по типу «приклады» снаряжения верхового коня из Горного Алтая [Каракол: Кубарев, 1997, с. 6–7, рис. 1] и северо-восточного Прибалхашья [Котанемель: Кадырбаев, 1975, с. 127–128, рис. 1], хотя и располагались вне погребальной камеры, но находились уже внутри могильной ямы — за южной стенкой каменного ящика (Каракол) или на восточной плите его перекрытия (Котанемель), в обоих случаях в районе ног погребённого.

Работы 1987–88 гг. на местонахождении Вакулиха-1 не прояснили характер памятника, но дают основание утверждать, что в радиусе пяти метров к северу и западу от «клада» никаких следов перекопа по материке не прослеживалось. Это ещё не означает, что на исследованной площади пляжа не было погребения — оно могло находиться выше уровня материка и к моменту находки бронз оказаться полностью размытым.

Однако весьма вероятно, что в отличие от подобных сбруйных «прикладов» Тувы, Горного Алтая и Прибалхашья, Вакулихинский клад не был непосредственно связан с расположенным рядом захоронением. Такая особенность сближает рассматриваемый комплекс с Камышинским кладом, происходящим из соседнего Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области [Арсланова, 1974, с. 77–81, рис. на с. 79; нельзя, впрочем, исключать, что это остатки разрушенного погребения], и особенно с кладом, найденным в окрестностях с. Алгабас на левом берегу р. Биже в Талды-Курганской области Казахстана [Акишев, 1978, с. 38–41, рис. 1–5]. Алгабасский клад (комплекс Биже) залегал на глубине 0,7 м. Подобно Вакулихинскому кладу, он состоял из четырёх-пяти уздечных наборов раннесакского времени, дополненных парой зооморфных наверший, кото-

рые, вероятно, также входили в состав конской упряжи. Никаких погребений рядом с местом находки обнаружено не было, ближайший курган располагался на расстоянии 90 м.

Вероятное отсутствие непосредственной связи Вакулихинского клада с захоронением позволяет провести параллель с восточно-европейскими всадническими кладами конца VIII–VII вв. до н.э. Последние в основном содержат наборы уздечных принадлежностей новочеркасского типа [Махортых, 1992, с. 25–27], то есть в общих чертах по составу аналогичны публикуемому комплексу. Удила и псалии из Вакулихи-1 отличны от двукольчатых удил и трёхпетельчатых псалиев рассматриваемых европейских памятников. Однако любопытно, что одна из подвесок (№ 48), не имея аналогов в Сибири и Казахстане, внешне схожа с привесками в удилах новочеркасского типа и близка подвеске-застежке, встреченной в одном из новочеркасских комплексов [Лермонтовский разъезд: Иессен, 1954, с. 122–123, рис. 12].

В литературе сформулировано предположение о том, что восточноевропейские клады конской упряжи VIII–VII вв. до н.э. — это клады готовых изделий и металлического сырья, принадлежавшие торговцам-посредникам, а зарытие кладов именно в VIII–VII вв. до н.э. свидетельствует о дестабилизации в этот период политической обстановки [Махортых, 1992, с. 26–27]. В такую схему Вакулихинский клад явно не вписывается: наличие в пронизках древесных угольков как будто определённо свидетельствует о ритуальном характере оставления вещей с какой-то обрядовой целью. Отметим в этой связи, что Алгабасский клад (комплекс Биже) также связывается с сакским ритуалом жертвоприношения по принципу магического сопричастия («часть вместо целого»). По мнению исследователей, найденные там комплекты конской сбруи могли заменять в обрядовом ритуале жертву реальных коней и колесницы [Акишев, 1978, с. 57, 63].

Впрочем, возможна и другая линия сопоставлений с восточноевропейскими древностями новочеркасского типа: учитывая находку мелких древесных угольков, нельзя полностью исключать, что в Вакулихе-1 было совершено погребение по обряду трупосожжения [Сравни.: Граков, 1977, с. 166–167, рис. 114].

У-образные или трехдырчато-коленчатые псалии являются довольно редкой находкой. Кроме трех пар из Вакулихи-1, мне известно еще лишь шестнадцать подобных уздечек из

пятнадцати пунктов. Находки локализуются на Алтае и в Туве. География распространения алтайских комплектов верховой сбруи с У-образными псалями такова: могильник Мельничная сопка на окраине Змеиногорска [Aspelin, 1877, p. 65, fig. 287; Бородаев, 1986, с. 96–97; Демин, 1989, с. 36], могильник Карамышево в 7 км западнее Змеиногорска [Алехин, Кирюшин, 1996, с. 12–13], «окрестности Змеиногорска» [Грязнов, 1947, с. 13, рис. 3.–3], местонахождение (могильник?) Гилёвский мост, неподалеку от плотины Гилевского водохранилища, примерно в 25–30 км западнее Змеиногорска [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 29, 41, рис. 45], находка с Западного Алтая [Грязнов, 1947, с. 13, рис. 3.–10], местонахождение (могильник?) Маяк-1 близ с. Харлово на р. Чарыш, примерно в 70 км от Змеиногорска [случайная находка 1996 г.: Шульга и др., 1997, с. 128], одиночный курган Кондратьевка-XXI из близлежащего к Змеиногорску Новошуйбинского района Казахстана [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 29], курган 1 могильника Машенка-1 в верховьях Чарыша [Демин, Шульга, 1995, с. 101, рис. 2], курган 2 под Солонечным белком [Адрианов, 1916; Руденко, 1930, с. 143–144, рис. 4.–2; Грязнов, 1947, с. 12–13, рис. 3.–9; Руденко, 1960, табл. XVIII.–2], курган в с. Каракол в Горном Алтае [Кубарев, 1997, с. 7–9, рис. 2.–12, 14] и находка «на стройке Чуйского тракта между сел Быстрянское и Суртайское», переданная в начале 1932 г. в Бийский музей десятником М.Е. Богаевым [«Суртайка» по Н.Л. Членовой: Членова, 1973, с. 114–116, рис. 44; Бородаев В.Б., 1986, с. 96–98; Членова, 1994, с. 20–21, рис. 3.–1, 3; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 42.–3, 4]. В Туве подобные уздечные комплекты встречены в могильниках Алды-Бель-1, курган 21, клад 1 [Грач, 1980, с. 125, рис. 83–1], Хемчик-Бом-III, курган 1, 2, погребение 1 [Грач, 1980, с. 128] и «клад» вблизи погребения 2 [Грач, 1980, с. 127, рис. 109.–1], Ортаа-Хем-III, курган 10 [Самбу, 1970, с. 182–183], а также по соседству с этими памятниками в могильнике Баданка-IV на р. Ус [Боковенко, 1987, с. 46–47; Боковенко и др., 1988, с. 220].

Территория распространения У-образных псалиев узка и необычна. Семь комплектов происходят из пяти пунктов Змеиногорского микрорайона с радиусом 15–20 км. Возможно, близко к этому кругу памятников местонахождение «утраченной находки с Алтая», хранившейся в Семипалатинском музее [Грязнов, 1947, с. 13, рис. 3.–10]. Территориально к Змеиногорскому микрорайону при-

мыкают и находки, сделанные близ с. Харлово на Чарыше и в Новошуйбинском районе Казахстана. Еще пять комплектов происходят из четырех могильников Улуг-Хемского микрорайона с радиусом 40–50 км. Четыре остальные уздечки найдены в Горном Алтае (Солонечный белок, Каракол) и его северных предгорьях (Машенка-1, Чуйский тракт между сел Быстрянское и Суртайское). Расстояние между Змеиногорским и Улуг-Хемским микрорайонами превышает по прямой 700 км. Наличие двух небольших по площади и значительно отдаленных друг от друга ареалов распространения трехдырчатых коленчатых псалиев, по-видимому, является следствием и отражением каких-то демографических процессов, происходивших на юге Западной Сибири в раннескифское время. Одним из возможных и наиболее вероятных объяснений следует признать предположение о миграции какой-то родовой группы древних кочевников. Учитывая, что среди раннетагарских бронз У-образных псалиев нет, а в Змеиногорском микрорайоне, несмотря на слабую археологическую изученность территории, этот тип численно преобладает, представляется, что подвижка населения происходила в восточном направлении: из алейско-чарышского междуречья на северо-западной кромке Алтайских гор — в верховья Енисея, на Улуг-Хем.

Такой вывод как будто подтверждается и типологическим анализом форм У-образных псалиев. Являясь хронологически более поздними по сравнению с двудырчато-крюковидными [Марсадоллов, 1985, с. 13; сравн.: Вишневская, 1973, табл. XXVI.–1], коленчатые псалии, по-видимому, возникли на их основе: Т-образный выступ посередине стержня был заменен изогнутым отростком, но часть крючка сохранилась, превратившись в шип. Коленчатые псалии, у которых форма шипа и расстояние от него до основного стержня соответствуют двудырчато-крюковидным, представляются типологически более ранними (Вакулиха-1, Гилёвский мост, Карамышево, комплект из окрестностей Змеиногорска, Машенка-1, более крупный псалий из Суртайки и, может быть, комплект из Ортаа-Хем III, опубликованный рисунок которого не совсем ясен в деталях).

Однако при пропускании ремня узды через два верхних отверстия коленчатого псалия необходимость в шипе как фиксаторе исчезла, он начинает превращаться в рудиментарный декоративный элемент, располагается на отростке все дальше от основного

стержня (Мельничная, меньший псалий «Суртайки», Каракол, Алды-Бель-I, Хемчик-Бом-III), становится короче (меньший псалий «Суртайки»), превращается иногда в чуть заметный бугорок (Солонечный белок) или исчезает вовсе (утраченный комплект из Семипалатинского музея).

Если намеченная линия эволюции форм У-образных псалиев верна, то в Змеиногорском микрорайоне мы наблюдаем в основном более ранние типы, а в Улуг-Хемском микрорайоне преобладают позднейшие производные. Таким образом, здесь тоже фиксируется движение в восточном направлении.

На наш взгляд, об этом же говорит и тот факт, что двудырчато-крюковидные псалии — вероятные прототипы коленчатых — имеют западный ареал распространения, ограниченный на востоке находкой из кургана 42 могильника Кок-Су-I в Горном Алтае [Сорокин, 1969, с. 250–251] и двумя случайно обнаруженными изделиями из Минусинской котловины (по сведениям Н.А. Бокоренко: ГИМ, 85/366–3474, 3476).

Большая степень сходства уздечных комплектов с У-образными псалиями, их малочисленность и узкая территория распространения как будто говорят о том, что они бытовали в течение относительно короткого отрезка времени (может быть, около полувека или немногим более), где-то в пределах от рубежа VIII–VII вв. до н.э. до начала VI в. до н.э. Время оставления вакулихинского «клада», по видимому, можно ограничить VII в. до н.э.

В недавно изданной монографии о культуре населения Горного Алтая в раннескифское время Ю.Ф. Кирюшиным и А.А. Тишкиным обобщён значительный массив археологических источников этого периода с территории Горного и отчасти Рудного Алтая. Подводя итоги своему научному труду, авторы приходят к выводу, что, вероятнее всего, корни изучаемой культуры «следует искать к юго-юго-востоку от Центрального Алтая», в Северо-Западной Монголии и близлежащих к Алтаю районах Китая. Они считают, что «первые проникновения носителей раннескифской культуры происходят, возможно, уже в конце IX в. до н.э., в начале же VIII в. до н.э. это явление приобрело массовый характер». Вторую миграционную

волну, и вновь с юго-востока на северо-запад, авторы связывают с событиями середины VI в. до н.э., когда, по их мнению, часть носителей культуры раннескифского времени под давлением пазырыкцев переместилась «в другие районы Алтая (в основном в северо-западном направлении)» [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111–112].

Такие выводы представляются интересными, но пока недостаточно обоснованными. В частности, в книге нет перечня надёжно датированных памятников VIII в. до н.э., которые отражали бы предполагаемый для этого периода массовый приход нового населения с юго-юго-востока, из районов Монголии и Китая. То же замечание относится к источникам, по которым восстанавливаются события середины VI в. до н.э. «Что касается же конкретных датировок, то ограничимся рамками IX–VI вв. до н.э. (Марсадоллов, Зайцева и др; 1996), в которых наметим хронологические отрезки, отражающие изложенные этапы формирования традиций конской узды: конец IX — начало или середина VIII в. до н.э.; с начала или середины VIII–VII вв. до н.э.; VII — начало или середина VI вв. до н.э.» [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 75].

Материалы из Вакулихи-1 рассказывают о событиях, происходивших в VII в. до н.э. (после сооружения кургана Аржан), и, как было показано выше, намечают противоположный вектор движения населения: с запада на восток, из степей Казахстана и северо-западных предгорий Алтая — в Туву, на Саяны. Весьма вероятно, что эта миграция стала одним из тех факторов, которые привели к появлению памятников алдыбельского типа. С другой стороны, отдельные особенности Вакулихинского клада (характер памятника, сбруйная подвеска № 48) позволяют проводить осторожные аналогии с синхронными или немного более ранними всадническими комплексами Юго-Восточной Европы, содержащими уздечные наборы новочеркасского типа.

Автор надеется, что данная публикация повлечёт за собой более глубокий анализ материалов клада, и исследователи ещё не раз будут обращаться к этому историческому источнику.

Погребение раннескифского времени на р. Каракол

Летом 1985 г. при возведении мемориала в с. Каракол земляными работами были частично разрушены насыпи двух каменных курганов. Оба памятника исследованы Восточноалтайским отрядом Североазиатской экспедиции ИАиЭ СО РАН. Материалы афанасьевского кургана № 2 с впускными погребениями каракольской культуры уже опубликованы, тогда как результаты раскопок кургана № 1 длительное время оставались неизвестными археологам.

Исследованный курган находился в нескольких метрах от Чуйского тракта (624 км) и в 30–40 м на север от кургана № 2 [Кубарев, 1988, с. 9, рис. 3]. Насыпь, высотой не более 20–30 см над дневной поверхностью, была почти полностью разрушена. Но в северной части сохранилось несколько плит и крупных камней от кольцевидной ограды, которые позволили восстановить конструкцию и размеры насыпи (диаметр 13 м). При зачистке древней поверхности, в юго-западном секторе найдено несколько костей какого-то парнокопытного животного. Рядом с ними обнаружено пятно могильной ямы, несколько смещенное к западу от центра насыпи кургана. Яма, подпрямоугольной в плане формы имела размеры 310×230×190 см, и ориентирована длинной осью по линии С–Ю. В заполнении из сильно гумусированного песка, часто встречались камни, крупные плиты, обломки дерева, угля, на глубине 80 см — обломки челюсти человека.

На глубине 110–130 см обнаружен каменный ящик, сооруженный из поставленных на ребро плит (рис. 1). Он первоначально был перекрыт 5–6 плитами в поперечном направлении (т.е. с В на З). Пространство между стенками могильной ямы и плитами каменного ящика оказалось забутовано валунами и глыбами рваного камня. Погребальный сооружение (270×140×80 см) было полностью заполнено могильным грунтом. На его дне разрозненные кости одного человека, по расположению которых можно предположить северную ориентацию погребенного. Находки: каменный оселок (рис. 2.–1), бронзовые пронызи-пуговицы (рис. 2.–5, 6); в центре ящика

две костяные обоймы (рис. 2.–7, 8) и рядом с ними кабаньих клык (рис. 2.–4). Обломок железного ножа (рис. 2.–3) обнаружен у основания восточной плиты. Вдоль этих же плит восточной стенки ящика железная поясная обойма (рис. 2.–2) и костяной стержень (рис. 2.–9). Точно такой же по форме предмет неизвестного назначения (рис. 2.–10) лежал и среди костей человека. В центральной части ящика зольное пятно (мощностью 4–5 см) с углями и мелкими кальцинированными костями животных. В юго-западном углу ямы, на глубине 135–170 см найдены бронзовые детали уздечного комплекта (рис. 2.–11–21). Общее число их более 50.

Погребальный инвентарь представлен малым числом находок, однако, несколько неожиданных для курганов майэмирского круга. Прежде всего это относится к железным предметам (поясная обойма и обломок ножа), впервые найденным в раннескифских погребениях Алтая. Они уже характерны для следующего пазырыкского этапа древних кочевников, и являются хронологическим индикатором, позволяющим датировать погребение из Каракола VI в. до н.э. Именно в это время первые железные изделия появляются на Алтае [Марсадолов, 1985, с. 12]. Другая необычная находка — два костяных стержня неизвестного назначения. Они, очевидно, склеивались. Одна сторона их плоская, с насечками, — другая полукруглая и гладкая. Предметы напоминают накладку сложно-составного лука, но это лишь предположение. Обломанный плоский оселок из черного камня имеет в верхней части отверстие для подвешивания. Подобные оселки или, как их еще называют, точильные камни вполне обычны для раннескифских погребений Евразии. Погребение в Караколе сближает с одновременными памятниками Майэмира, Курту, Чиликты, Веспатыра, Аржана и отсутствие в нем керамической посуды.

Оригинальной находкой в погребении из Каракола можно назвать комплект узды. На всем протяжении начального этапа периода древних кочевников конструкция узды постоянно видоизменялась. Вырабатывались

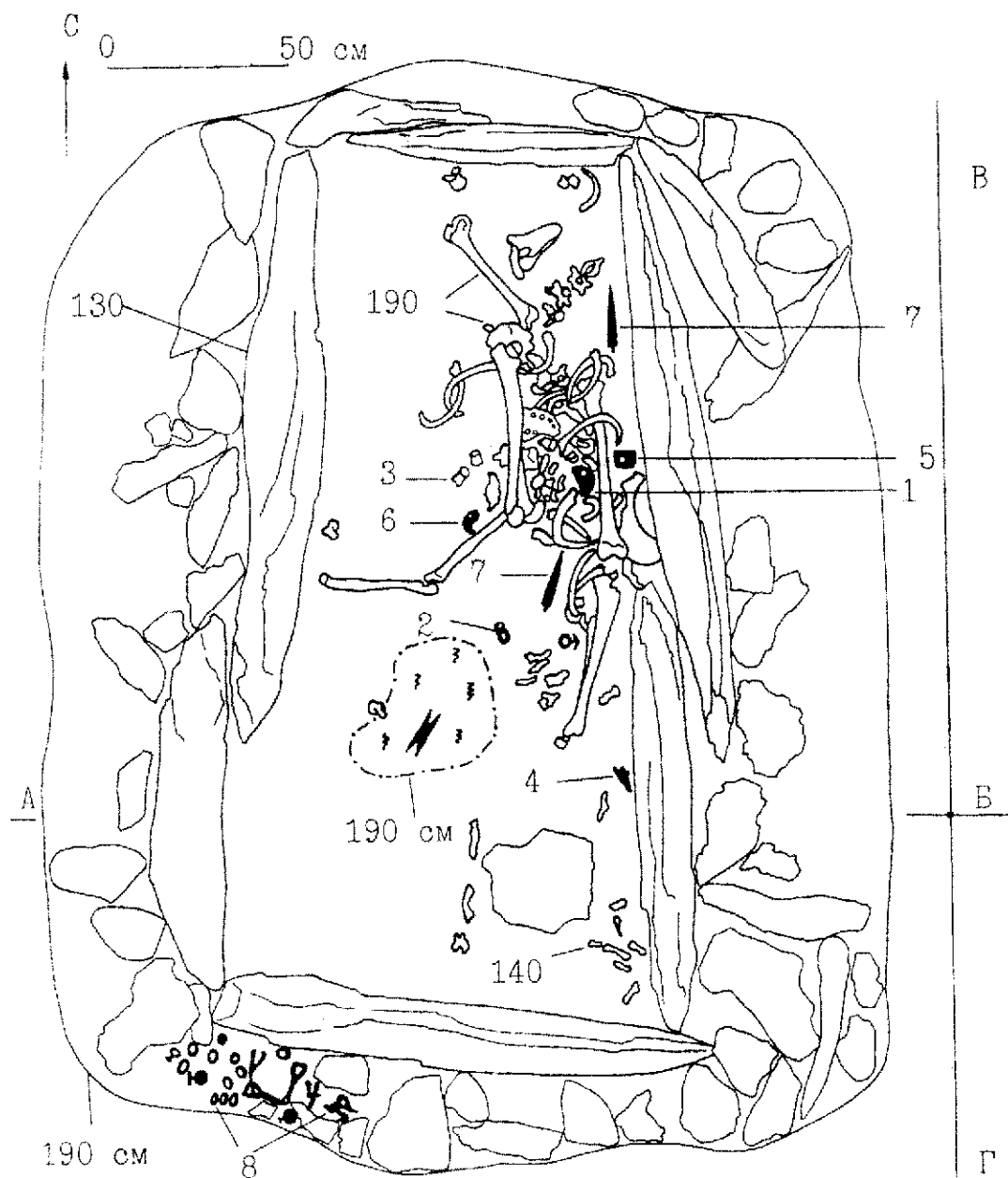

Рис. 1. Каракол. Курган № 1. План погребения:

- 1 — каменный оселок; 2 — бронзовые пронизи-пуговицы;
- 3 — костяные обоймы; 4 — обломок железного пояса;
- 5 — железная поясная обойма; 6 — кабаньий клык;
- 7 — костяные предметы неизвестного назначения;
- 8 — бронзовые детали уздечного комплекта.

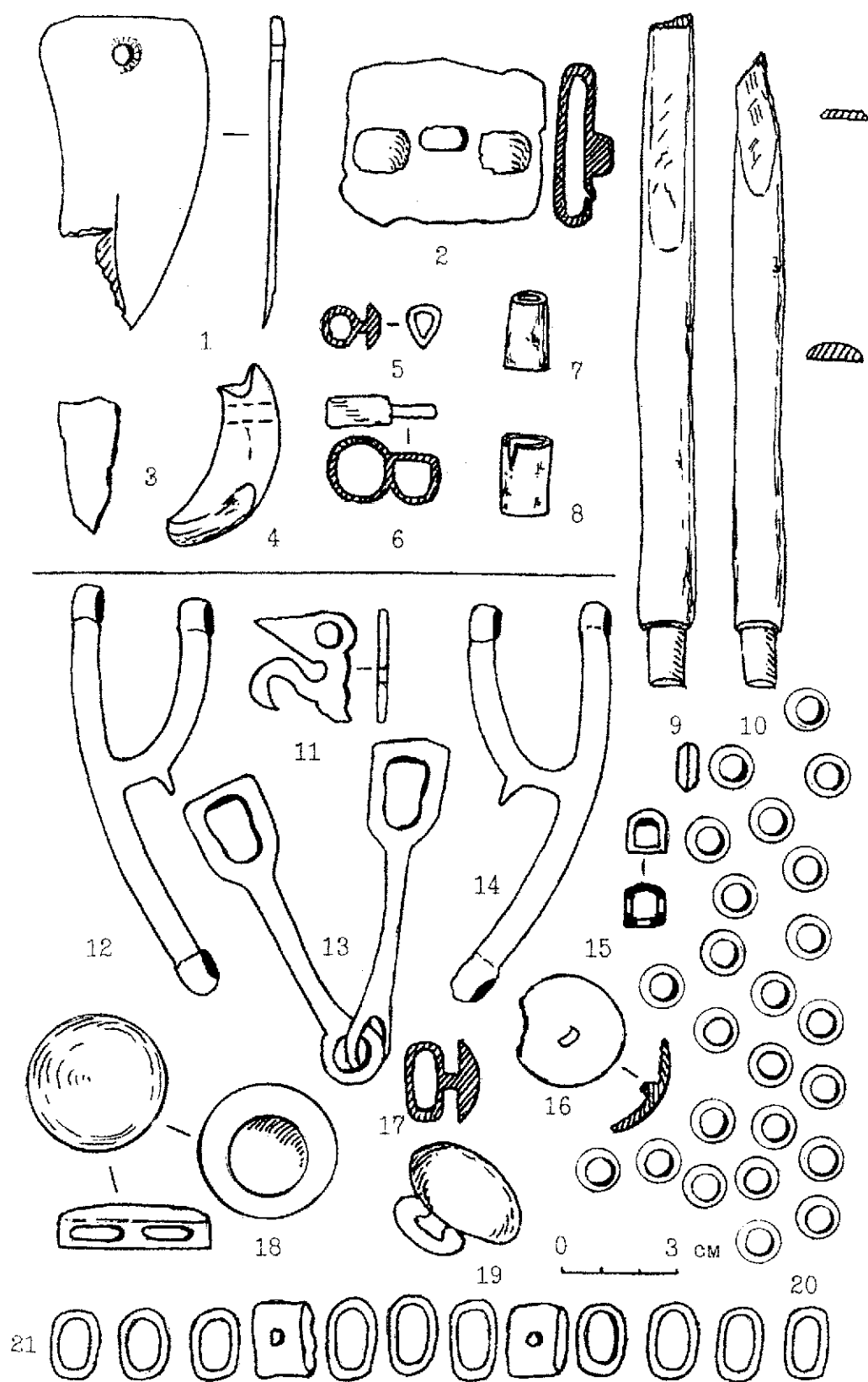

Рис. 2. Каракол. Курган № 1. Погребальный инвентарь.

оптимальные формы удил и псалиев, позволяющих легче укрощать коня и управлять им. Эволюция раннескифской узды Саяно-Алтая представлена 7 типами удил и 11 типами псалиев [Боковенко, 1986, с. 11–12]. Один из таких этапов развития узды демонстрируют и каракольские находки. У-образные псалии считаются раритетами¹, применявшимися не более полувека [Бородаев, 1993, с. 151–155]. Вероятно, уже в VI в. до н.э. они исчезают, как неудачное изобретение, затем забытое и мало повлиявшее на эволюцию скифской узды. Может быть поэтому схема крепления стремяжковидных удил и У-образных псалий в узде предполагает два варианта [Бородаев, 1993, с. 153–154, рис. 1, рис. 2; Демин, Шульга, 1995, с. 100–101, рис. 2.—2,3; Шульга, 1996, с. 262, рис. 1.–4].

Удила из Каракола и Вакулихи имеют большое сходство с алдыбельскими в Туве [Грач, 1980, с. 25]. Стремяжковидные окончания у тех и других более удлиненные, чем у алтайских и казахстанских экземпляров. Наверное они занимают промежуточное положение между удилами с дополнительными отверстиями и типичными (короткими) стремяжковидными. Сходство с тувинскими комплектами узды наблюдается и в одинаковом с каракольскими украшением головы стилизованной птицы. Точно такое же украшение есть и в одном из комплектов узды из Вакулихи. Высказанное В.Б. Бородаевым предположение о миграции древних кочевников в восточном направлении из северо-западных предгорий Алтая в верховья Енисея нужно поддерживать. Тем более, что более ранние «клады», включавшие принадлежности конского снаряжения известны в Восточном Семиречье [Акишев К., Акишев А., 1978, с. 38–63], северо-восточном Прибалхашье [Кадырбаев, 1975, с. 128, рис. 1], в Майамирской степи [Адрианов, 1916, с. 56–61, рис. 29] и у с. Камышинки [Арсланова, 1974, с. 77]. Они также как алтайские и тувинские связаны с погребально-ритуальными памятниками, конструктивные особенности которых мало раз-

личаются между собой. В основном это каменные ящики или «цисты», устроенные на поверхности земли и в неглубоких ямах. Конь, его «шкура» или комплект узды на раннем этапе находились либо в отдельных выкладках, на покрытии каменных ящиков (обычно в ногах погребенного), либо на краю могильных ям. Несомненно важную роль в погребальной обрядности майамирцев играл огонь. Остатки костра с костями животных в погребении Каракола, — характерная деталь обряда, отмеченная также в Коксу, Сентелеке, Солонечном Белке, в «кладах» Вакулихи и Котанемеля. Позднее на Алтае появляются захоронения коня в одной яме с человеком, помещенном в подбое [Адрианов, 1916, с. 24–26; Демин, Гельмел, 1992, с. 172, рис. 2; Демин, Шульга, 1995, с. 99]. Но даже в этот период, когда уже почти сложился пазырыкский погребальный канон, ориентации людей и лошадей настолько переменчивы, что не дают возможности отнести их к какой-либо одной культуре. Например, погребения под Солонечным Белком и в Сентелеке близки отдельными чертами обряда (подбой в могильной яме для человека, вытянутое положение, на спине, ориентация на С, подхоронение лошади и овцы) погребениям в курганах тасмолинской культуры соседнего Казахстана. В ритуале тасмолинцев существовал также обычай помещать в ноги погребенного голову коня с уздой [Вишневская, 1992, с. 132–133]. Этот характерный элемент обряда весьма созвучен каракольскому, когда узда была размещена за южной стенкой каменного ящика, т.е. практически в ногах покойного. Другие компоненты погребальной обрядности древних кочевников Алтая в VIII–VI вв. до н.э. также неустойчивы и разнообразны. Поэтому выделение майамирских погребений в отдельную культуру [Могильников, 1986] вряд ли сейчас целесообразно. В заключение следует сказать, что все доводы и аналогии, приведенные автором для обоснования даты сооружения кургана в Караколе, в настоящее время подтверждены радиоуглеродной датой — ГИН 2400±50 или 570 г. до н.э.

Примечание

¹ В сводке, приведенной В.Б. Бородаевым, указано 13 комплектов узды с У-образными псалиями, найденных в 12 пунктах. Почти половина их приходится на микрорайон у г. Змеиногорска, вторая половина происходит из Тувы (Улут-Хем, Алды Бель). Два комплекта найде-

ны на Алтае (Солонечный Белок и Каракол) и один в предгорьях (между селами Быстрянка и Суртайское). К ним следует добавить еще один уздечный комплект из могильника Машенка-1 (Чарышский р-он), исследованного М.А. Деминым и П.И. Шульгой в 1992 г.

Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая

Конским снаряжением в армии принято обобщено называть амуницию для верховой лошади, которая состоит из узды (оголовья), седла и попоны [Гуревич, Рогалев, 1991, с. 92]. Совокупность же принадлежностей для соединения животного с повозкой и другими тягловыми средствами обозначается **упряжью** или **сбруей** [Ожегов, 1990, с. 834; Гуревич, Рогалев, 1991, с. 216]. Узда, используемая для управления лошастью, входит в состав и конского снаряжения, и упряжи. Поэтому исследователи, занимающиеся археологией, иногда применяют названные два последних понятия, нечетко представляя их отличия, которые, главным образом, заключаются в комплектации и предназначении (конское снаряжение — для верховой лошади; упряжь (сбруя) — для тягловой), а также в деталях и приспособлениях.

Свод этнографических понятий и терминов, раскрывая содержание материальной культуры, дает определение, где все рассматриваемые выше особенности сведены в одно обозначение: **конская сбруя** (англ. harness; нем. das Pferdegeschirr), т.е. различные приспособления, надеваемые на лошадь при использовании ее для верховой езды, перевозки выюков, волокуш, в повозке, с саними, с сельскохозяйственными орудиями [Вайнштейн, 1989, с. 69–72]. При этом конская сбруя подразделяется на верховую (вьючно-верховую) и тягловую (упряжную), первая из которых включает уздечку, седло со стременами, одну или несколько (до трех) подпруг, нагрудник, подхвостник и другие дополнительные приспособления, а вторая — целый арсенал специальных предметов [Там же]. В таком случае, принципиальное различие набора предметов **конской амуниции** для их конкретного и целенаправленного использования, по сравнению с информацией первого абзаца нашей статьи, отсутствует. Своеобразен лишь подход изложения сути рассматриваемых понятий, где, опираясь на современный «Словарь-справочник по коневодству и конскому спорту» [Гуревич, Рогалев, 1991], конская сбруя — это конская амуниция, вер-

ховая (вьючно-верховая) конская сбруя — это конское снаряжение, а тягловая (упряжная) конская сбруя — это упряжь, сбруя.

Таким образом, когда найденный комплект предметов для эксплуатации лошади не вызывает сомнений, предлагаю, в целях упорядочения используемых в ходе археологических исследований терминов и понятий, руководствоваться указанным словарем-справочником.

Что же касается отдельных находок или неполных наборов комплектующих вещей той или иной части конской амуниции, то при применении имеющихся обозначений в ходе интерпретации полученных данных нужно опираться на здравый смысл и опыт предыдущих работ. Например, в Горном Алтае, где много узких речных долин и существуют труднопроходимые перевалы, верховой конь в скифскую эпоху был самым надежным средством передвижения [Руденко, 1960, с. 231]. Поэтому наиболее часто там при раскопках археологических памятников обнаруживаются остатки конского снаряжения. Однако все же имеются и единичные свидетельства использования волокуш, телег, «колесниц» [Там же, с. 231–236], для чего была необходима своеобразная упряжь.

В состав любой узды входит надеваемое на голову лошади суголовье (недоуздок), удила и поводья [Гуревич, Рогалев, 1991, с. 127–128, 214]. Для комплекта оголовья раннескифского времени еще характерны псалии [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 64–67]. Уздечку можно использовать для верховой езды на лошади без седла и попоны. Тогда такое приспособление — единственное конское снаряжение. В большинстве случаев кожаные, войлочные, деревянные, матерчатые части конской амуниции не сохраняются и до исследователей доходят лишь отдельные предметы необходимого набора, которые мы называем **элементами конского снаряжения**. Они включают в себя единичные вещи (приспособления и украшения) узды, седла, попоны: удила, псалии, бляхи, пронизки, пряжки, ремни и т.д.

Полные комплекты какой-нибудь части конской амуниции — довольно редкая удача для археологов. Чаще всего приходится иметь дело с элементами конского снаряжения. Вот как раз о некоторых из них и пойдет речь в данной статье.

Летом 1991 года во время проведения аварийных археологических раскопок на памятнике Щепчиха-I [Тишкин, 1993] автору данной публикации управляющий Локотокского отделения совхоза «25 лет Октября» Змеиногорского района А.В. Шейкин передал предметы конского снаряжения раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 29, 41, рис. 45]¹, которые были случайно найдены жителем г. Рубцовска М.В. Носковым на берегу Гилевского водохранилища.

Для выяснения обстоятельств и более точного места находок необходимо было бы сразу же встретиться с первооткрывателем памятника, но этого не удалось сделать, т.к. он находился в командировке. Лишь осенью в телефонном разговоре М.В. Носков поведал, что во время очередного рейса, переехав мост и плотину Гилевского водохранилища со стороны с. Вторая Каменка (в Локтевском районе Алтайского края), он сразу же свернул вправо и остановился для отдыха (рис. 1.-4). Древние вещи были обнаружены на берегу водоема рядом с небольшой осыпью. На вопрос: «Были ли там кости?», находчик ответил, что какие-то кости он видел, но связаны ли они с предметами конского снаряжения сказать затруднился. По мнению М.В. Носкова, поднятые им изделия были вымыты водой из берега. Убедившись, что обнаруженные вещи сделаны не из золота, он их отдал своему родственнику для передачи в Змеиногорский музей.

После консультации с информатором автор статьи выехал на указанное место находок бронзовых элементов конского снаряжения раннескифского времени. В результате тщательным образом была осмотрена территория береговой кромки водохранилища от моста на протяжении около 1 км. При этом каких-либо изделий найдено не было, однако обнаружались фрагменты черепа человека, которые лежали в значительном удалении от места находок бронзовых вещей. Кроме этого, выяснилось, что уровень Гилевского водохранилища существенным образом колеблется в течение года, и ситуация может меняться на протяжении определенного времени по разным причинам (половодье, засуха, запланированный сброс воды и т.д.). Возможно, осенние дожди не позволили обнару-

жить дополнительные свидетельства для требуемого местонахождения. Поэтому в подобных случаях необходимо проведение нескольких обследований (весной, летом и осенью), что нам сделать так и не удалось. Кроме всего, следует отметить, что рядом с плотиной водохранилища находится карьер для добычи гравия. Не исключено, что при разработке данного производственного участка бульдозером был сдвинут курган раннескифского времени в сторону водоема. Характерные следы работы такой техники отражены по склонам имеющейся там возвышенности (рис. 1.-4).

На основе всех наблюдений обнаруженный древний памятник был обозначен как местонахождение (могильник?) Гилевский мост, хотя возможно и то, что это был клад, аналогичный найденному неподалеку от обследуемой нами территории [Бородаев, 1993]². Автору А.В. Шейкин передал следующие бронзовые элементы конского снаряжения: удила, одну подпругную пряжку, налобную бляху (рис. 1.-1-3)³ и псалий (рис. 2.-1). В данном комплекте явно не хватает еще одной подпругной пряжки со шпеньком и второго псалия. Что касается других элементов конского снаряжения, характерных для раннескифского времени (пронизи, наносник, распределители ремней и др.), то их могло и не быть. Хотя не исключено и обратное. Последнее предположение, возможно, проявится при дальнейших обследованиях или раскопках на участке, где были обнаружены имеющиеся теперь в нашем распоряжении вещи.

Все найденные изделия были хорошей сохранности⁴, несильно окислившиеся. В настоящее время они практически полностью очищены при помощи раствора лимонной кислоты. Это необходимо было сделать для более детального изучения способов изготовления на Алтае таких элементов конского снаряжения раннескифского времени. Так как сильные окислы на найденных предметах отсутствовали и особых трудностей при их очистке не испытано, то стоит предполагать, что они всё это долгое время лежали в сухом или даже в специально изолированном от попадания влаги месте.

Перейдем к характеристике и анализу отдельных изделий вещевого комплекса:

1. Удила (рис. 1.-1) — бронзовые, двусоставные, соединеннокольчатые, с относительно гладкими, округлыми в поперечном сечении, стержнями звеньев; имеют стремевидные внешние окончания с отверстиями пешко-

видной формы⁵. Удила представляют элемент узды в конском снаряжении, они применялись для взнуздывания лошади и для управления животным в движении при помощи прикрепленного к ним поводка. Важным моментом при подгонке этой части оголовья всегда было то, чтобы удила лежали на языке и беззубых краях нижней челюсти, лишь слегка касаясь углов рта, на которые затем приходится основное давление при подачи сигналов во время езды на коне. Удила состоят из двух звеньев (не всегда идентичных). Каждое из них имеет два окончания: одно в виде кольца для соединения друг с другом, а вид другого (ладьевидный, подпрямоугольный, колокольчиковидный, овальный и т.д.) зависит от способа крепления удил с псалиями и ремнями узды. Соединенные кольцами стержневые участки звеньев следует считать грызлом, потому что именно эта часть удил находится во рту лошади и осуществляет болевые давления. Общая длина рассматриваемых удил в развернутом состоянии составляет 27,4 см. Одно (условно назовем его первым) звено этого изделия, цельнолитое, немного согнуто и в таком виде имеет длину 9,0 см (внутреннее кольцо — 1,7 см, внешнее стремевидное оформление — 2,8 см, стержневой участок — 4,5 см). Второе звено — прямое, окончания его находятся в разных плоскостях (перпендикулярно друг другу), а размеры следующие: наибольшая длина — 9,5 см, из них внутреннее кольцо — 2,3 см, внешнее стремевидное оформление — 2,8 см, стержневой участок — 4,4 см. Толщина стержней этих двух звеньев — около 0,8 см в центре.

Приведенные выше размеры указывают на то, что отдельные части удил практически идентичны, учитывая при этом имеющийся изгиб одного из звеньев. Исключение составляют внутренние кольца: одно меньше, а другое больше. Данное обстоятельство косвенно указывает на способ соединения этих двух звеньев. Одно, цельное звено, отливалось в двусторонней разъемной форме. Об этом свидетельствует литейный шов по периметру продольного сечения почти всего изделия, а также внутри стремевидного оформления пешковидного очертания. Лишь в некоторых местах следы такого литейного шва сохранились и внутри меньшего кольца. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что эти выступы стерлись в ходе эксплуатации изделия или были устранены механически. Таким образом, и отверстие для внутреннего кольца было сделано без применения

в литейной форме специального стержня. На внешнем, стремевидном, окончании этого же звена имеются следы действий поводом, ширина которого не превышала 1,2 см. Рассматриваемая часть удил выглядит более качественной, чем вторая. Четко определить здесь место литника затруднительно. Более вероятным, на наш взгляд, представляется то, что металл заливался через отверстие близ одного из угловых окончаний стремевидного оформления, на что косвенно указывает выделяющаяся асимметрично удлиненная выпуклость. Но расплавленная бронза могла заполнять форму и через другое место: на кольце или в центре внешнего оформления, где имеется небольшой слом. В заключении описания первого звена необходимо отметить наличие хорошо фиксируемой линии в месте соединения внутреннего кольца со стержнем, которая образовалась, вероятнее всего, при создании образца из воска, дерева, рога или другого материала. Стоит заметить, что эта модель могла быть не монолитной, а составлена из нескольких частей. Поэтому, вероятно, мы и наблюдаем следы такого рода соединения. Что касается изогнутости звена, то данное обстоятельство может отражать результат подгонки удил к конкретной лошади, либо искривление получено в ходе эксплуатации изделия. Не исключена специальная «порча» предмета. В принципе, можно вообще рассматривать и вотивный характер всего найденного комплекта.

Второе звено отличается от выше описанного многочисленными дефектами, появившимися в ходе его изготовления и соединения с предыдущим звеном. Пористая поверхность, просечки указывают на то, что использованная форма имела трещины и другие разрушения. Возможно, это произошло из-за неоднократного использования ее. Кроме этого, на стержне отчетливо видны следы механического воздействия.

В свое время нами была предложена схема соединения двух звеньев найденных на берегу Гилевского водохранилища удил [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 68]. Однако после очистки от окислов, а также при внимательном визуальном осмотре с помощью микроскопа и после консультации со специалистом⁶, пришлось несколько по-другому представить процесс изготовления цепи звеньев. Таким образом установлено, что внутреннее кольцо второго звена, вероятнее всего, не было сомкнуто механически, как нам это представлялось ранее по пористому участку и многочисленным вмятинам, а отливалось,

причем отдельно от остальной части изделия. Скорее всего этот процесс выглядел следующим образом. Сделанная и вставленная во внутреннее кольцо первого звена восковая модель другого кольца забутовывалась глиняно-песчаной формовочной массой, после засыхания которой заливался металл. Имеющийся пористый участок в этом случае образовался в процессе неплотной обкладки формовочной массой или из-за неважного качества используемых материалов. Вмятины, принятые нами за механические вдавления, возможно, являются следами ручного вылепливания восковой модели кольца. Следующей задачей изготовителя являлось завершение остальной части звена. Что касается определения конкретного способа данной операции, то можно высказать два суждения:

1. Остальная наибольшая часть звена отливалась отдельно, возможно даже в той же форме, что и цельная (первая) часть удила, а затем соединялась с кольцом с помощью кузнечной сварки.

2. К уже имеющейся цепи остальная часть подливалась через двустороннюю разъемную форму.

Не претендуя на окончательное решение данной задачи, необходимо все же указать на то, что между кольцом и стержнем звена четко видны места разъема, т.е. явные следы одновременного изготовления. Кроме этого, литейный шов имеется лишь по периметру продольного сечения указанной наибольшей части звена и внутри стремевидного внешнего оформления. Аморфные заплывы этого литейного шва видны с двух сторон и на поверхности кольца, но они явно вторичного образования и к тому же при механической обработке сплющились, образовав трещины в месте соединения их с уже готовым изделием. И последнее, стержень рассматриваемого звена, в месте соединения его с кольцом, существенным образом шире по сравнению с центральной частью.

Таким образом, наши наблюдения, наряду с общими тенденциями в производстве бронзовых изделий раннескифского времени, несколько отличаются от тех способов литья удила на территории Евразии, которые представил в свое время Р.С. Минасян [1992, с. 119–120; 1994, с. 157–160]. Данная проблема требует дальнейшего исследования и, конечно же, экспериментального моделирования. Перспективно в этом плане рассмотрение серии подобных изделий с указанием сравнительных характеристик по одной составленной программе. Обязательным усло-

вием для начала подобной работы является очистка бронзовых предметов от окислов и использование микроскопа. Комплексный подход в изучении технологии производства элементов конского снаряжения, как одной из наиболее массовой категории находок, позволит выйти на более высокий уровень интерпретации всего получаемого при раскопках материала, решать поставленные вопросы происхождения культуры раннескифского времени на Алтае, пути миграции населения, контакты с представителями других регионов и многие другие проблемы. Уже отмеченные Р.С. Минасяном [Там же] предположения (о доминировании у кочевников и в Китае разъемных форм при литье, о приходе в Европу населения из Азии и другие) указывают на перспективы более внимательного изучения имеющихся в настоящее время на Алтае необходимых данных.

II. Псалий дырчато-шпелевый (рис. 2–1), бронзовый, изогнутой У-образной формы, имеет смещенный от центра всего изделия (и от центра между двумя крайними отверстиями на стержне) шпелек в виде ответвления с шипом. Кроме этого, предмет обладает тремя отверстиями, два из которых расположены на окончаниях основного стержня, а третье — на конце ответвления. Псалий полностью отлит в двусторонней разъемной форме, о чем свидетельствуют остатки литейного шва по всему периметру продольного сечения изделия. Их отсутствие внутри отверстий позволяет говорить об использовании в такой форме стержней, т.е. отверстия не высверливались, а получались уже готовыми при отливке. Поэтому, вероятно, вокруг отверстий обозначены утолщения. В поперечном сечении основной стержень имеет овальноромбовидную (если так можно выразиться) форму. Длина изогнутого изделия 13,7 см, в выпрямленном виде этот размер увеличится до 16 см. Толщина стержня по центру — около 0,8 см. Диаметр отверстий — около 0,7 см. Имеются следы использования изделия по назначению. Наибольшая стертость отмечается на основном стержне под развилкой. Что касается шипа, то его первоначальная форма практически не претерпела изменений. В этом месте лишь подтерся литейный шов и отполировался небольшой участок окончания выступа. Незначительные следы изношенности визуально просматриваются с двух сторон ответвления в местах соприкосновения псалия с удилами. Судя по всем этим показателям, изделие эксплуатировалось совсем недолго.

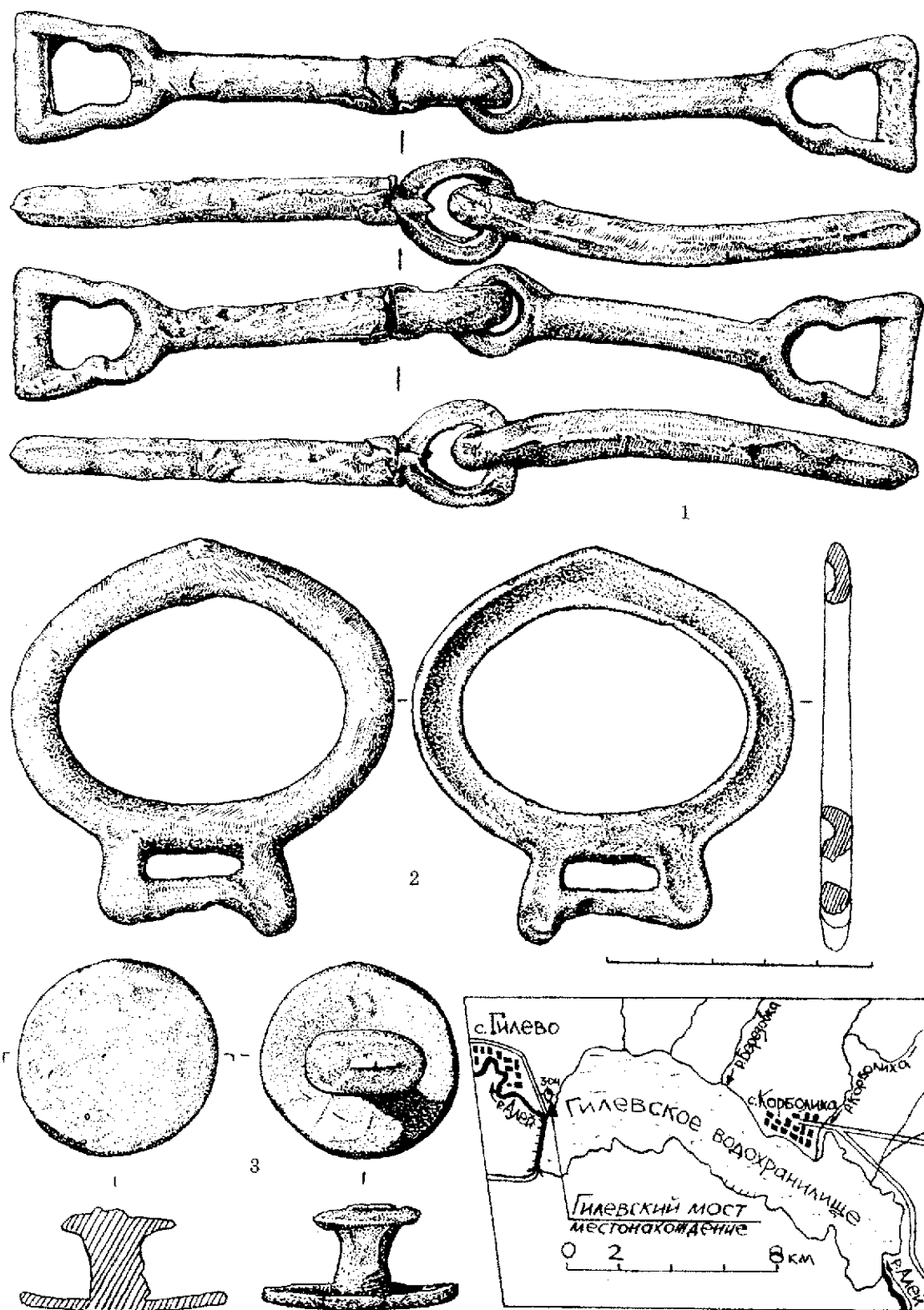

Рис. 1. Местонахождение Гилевский мост: 1 — удила, 2 — подпружная пружка, 3 — налобная бляха (все изделия — из бронзы), 4 — ситуационный план места находок.

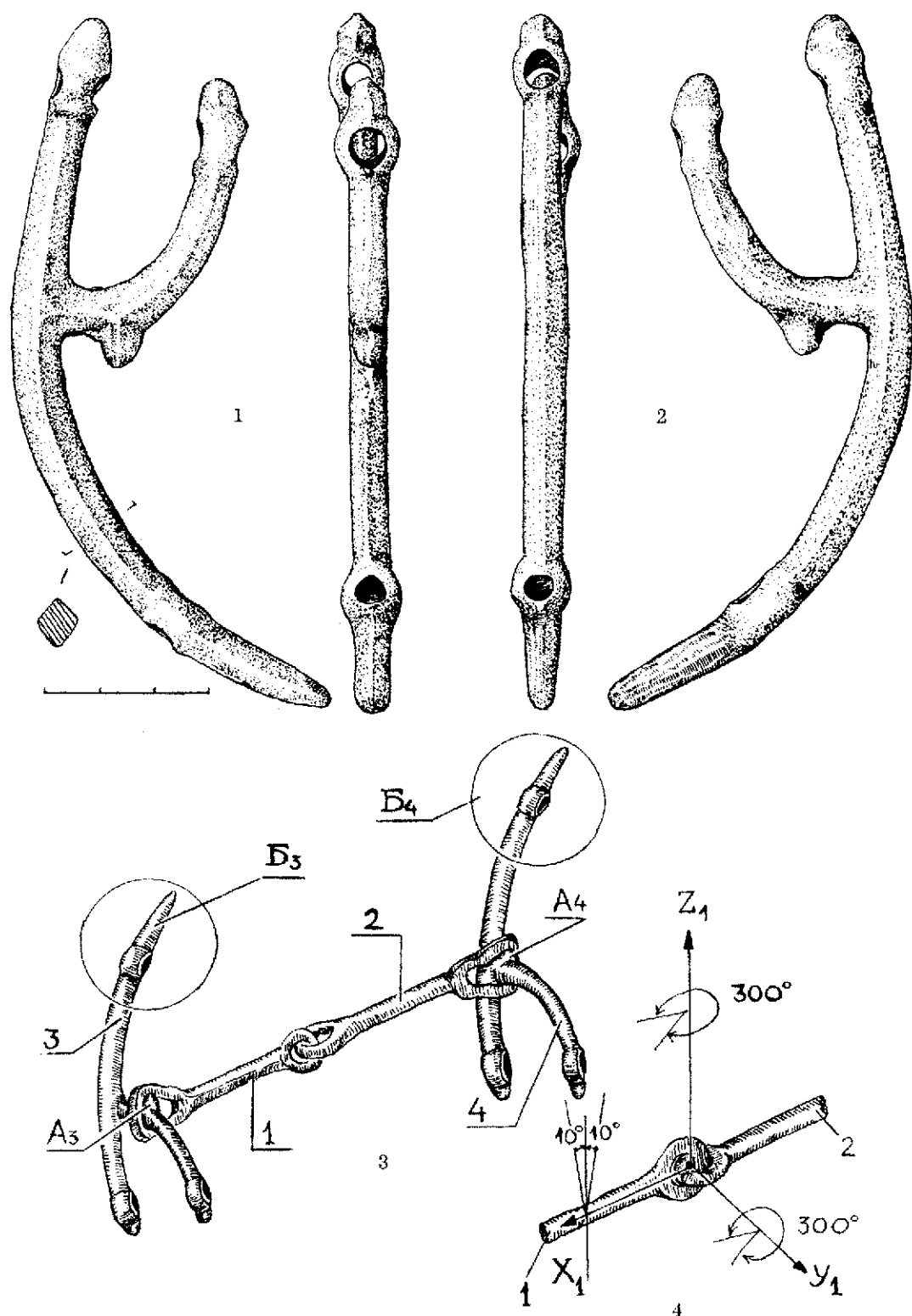

Рис. 2. 1 — бронзовое изделие (У-образный псалий) из местонахождения Гилевский мост; 2 — его копия; 3 — кинематическая цепь из бронзовых удил и псалиев, 4 — схема возможных перемещений в месте соединения звеньев удил.

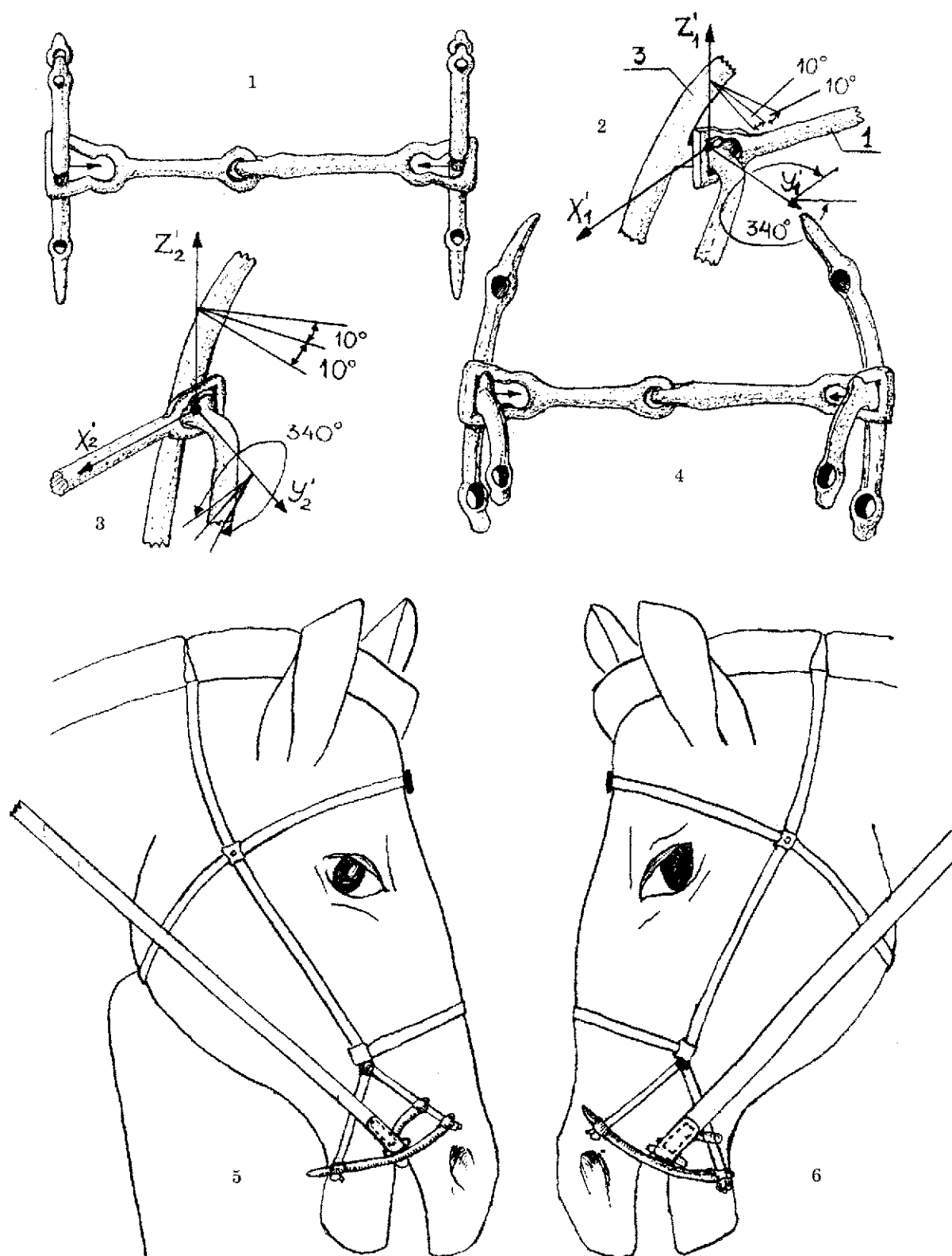

Рис. 3. 1, 4 — возможные способы соединения У-образных псалиев с удилами;
 2, 4 — возможные перемещения звеньев кинематической цепи;
 5, 6 — варианты реконструкции использования найденного комплекта в системе оголовья.

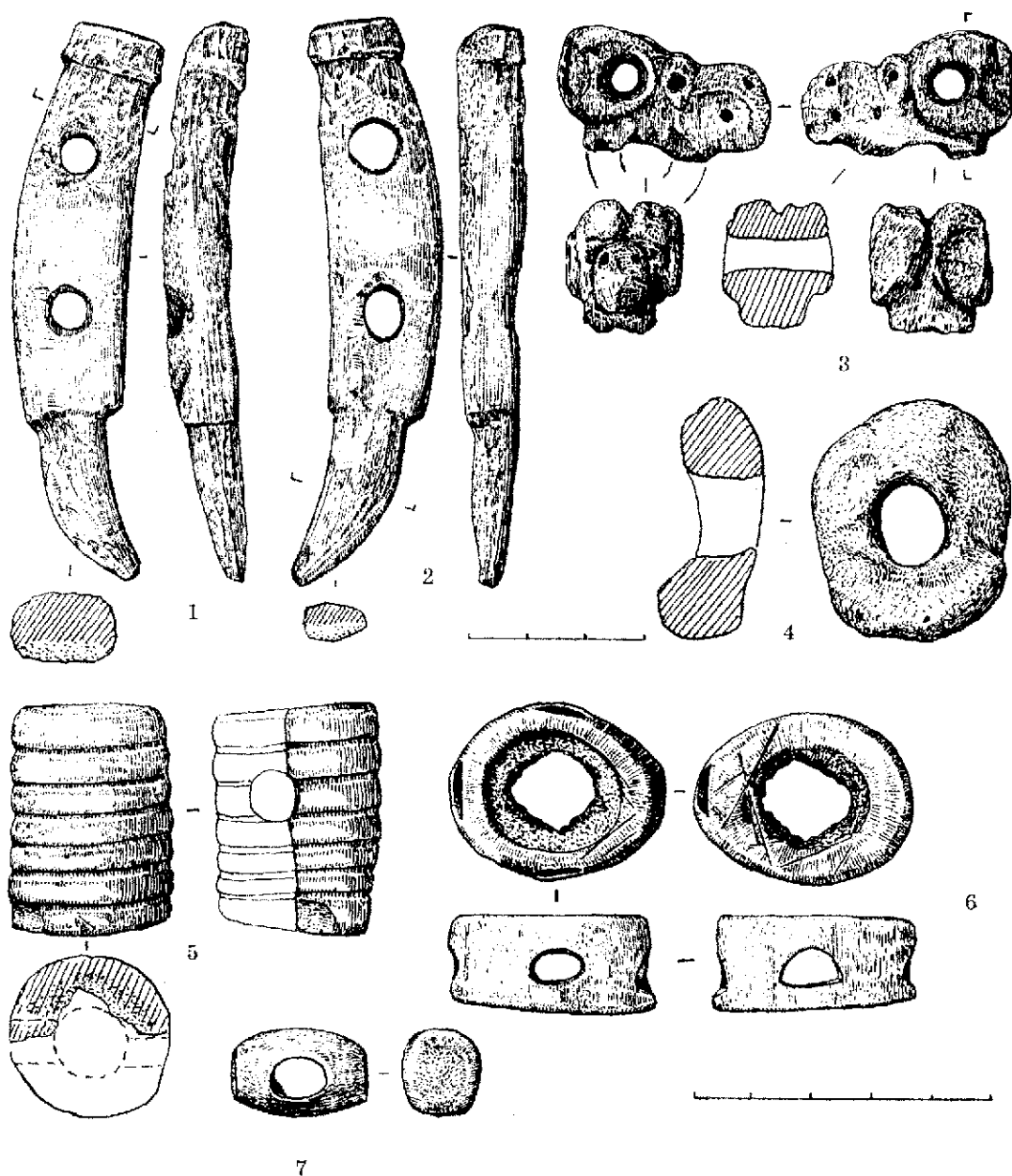

Рис. 4. Изделия из кости и рога, хранящиеся в Бийском краснעדческом музее.

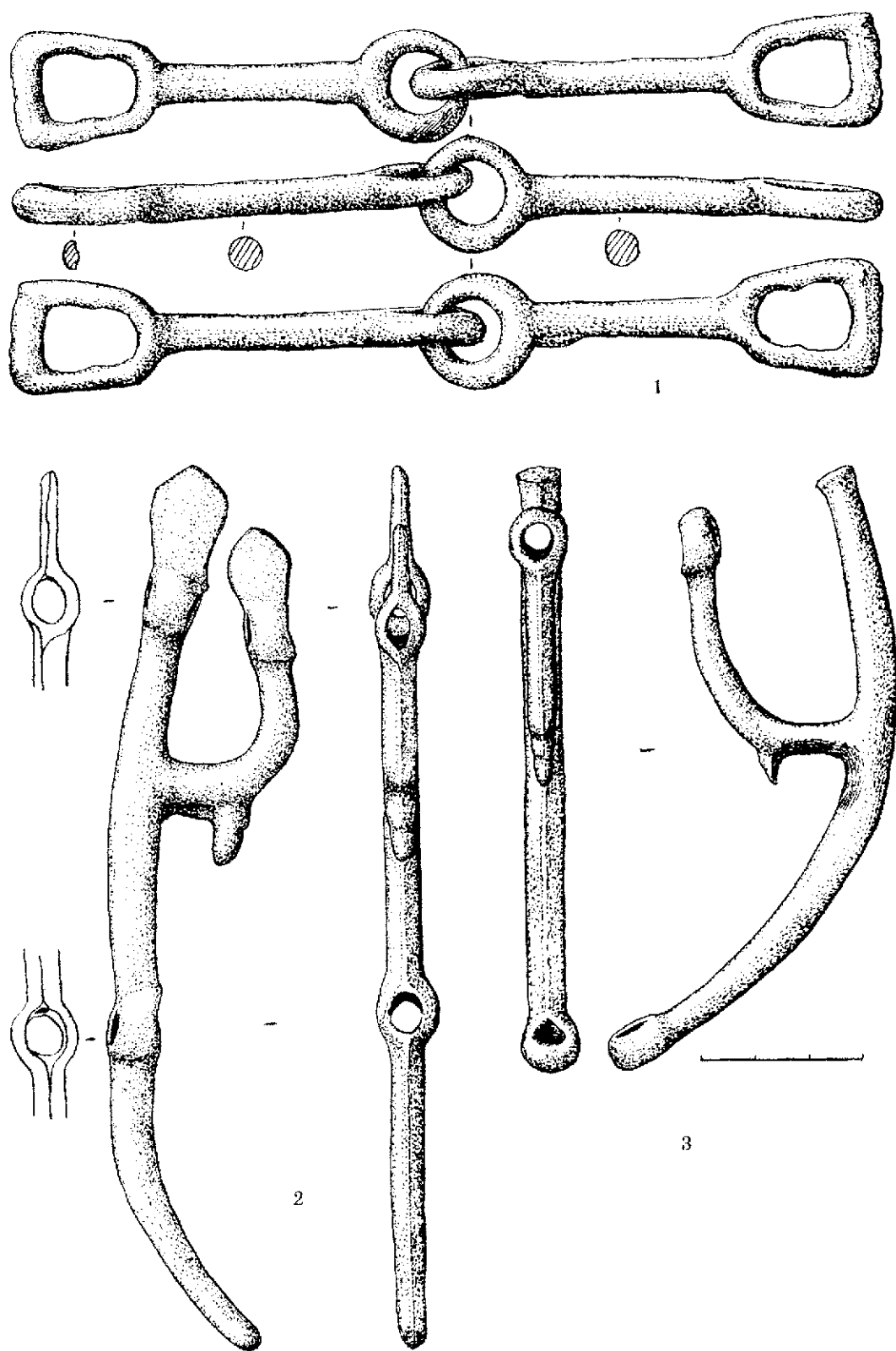

Рис. 5. Бронзовые удила и псадии из кургана 21 могильника Алды-Бель-1.

В связи с тем, что у нас имелся один псалий из необходимого комплекта, то для дальнейшего экспериментального моделирования была изготовлена его копия⁷ (рис. 2.-2). Это позволило решать проблему использования пары таких изделий в сочетании с удилами и ремнями узды. Для получения ответов на многочисленные вопросы, возникшие у нас при реконструкции оголовья, пришлось обратиться за консультациями в Алтайский технический университет⁸.

В результате выяснилось, что удила в комплекте с псалиями — это своеобразный механизм в виде кинематической цепи, состоящей из четырех звеньев (рис. 2.-3). Соединение 1 и 2 звена представляет собой подобие шарнира и является на данный момент неразборным. Соединения звеньев 1 и 3, а также 2 и 4, позволяют выводить эти части из соприкосновения друг с другом, частично разбирая кинематическую цепь. Совмещать их же можно двумя способами (рис. 3). Фиксация указанных звеньев в таких операциях осуществляется выступами-шипами A_3 и A_4 (рис. 2.-1-3). Имеющиеся соединения звеньев позволяют делать в кинематической цепи следующие возможные перемещения:

1. В соединении 1 и 2 звена — поворот вокруг оси X_1 (система координат построена на звене № 1) $\approx \pm 10^\circ$ за счет зазоров; поворот вокруг оси $Z_1 \approx 300^\circ$; поворот вокруг оси $Y_1 \approx 300^\circ$ (рис. 2.-4).

2. В соединении 1 и 3 звена (аналогично для 2 и 4) — поворот вокруг оси X'_1 (система координат также построена на первом звене) практически отсутствует ($=0$); поворот на очень небольшой угол возможен только благодаря зазорам в соединении; поступательное движение вдоль оси X'_1 выводит звенья из зацепления, но в рабочем состоянии определенным образом ограничивается ремнем повода (рис. 3.-2); поворот вокруг оси $Y'_1 \approx 300^\circ$; полный оборот звена № 3 ограничивается наличием на нем изогнутого рычага B_3 (рис. 2.-3), накладывающегося на звено № 1 при повороте; поворот вокруг оси $Z'_1 \approx 20^\circ$ ($\pm 10^\circ$) (рис. 3.-2). Для звеньев 2 и 4 система координат построена на втором звене (рис. 3.-3) и повороты вокруг осей таковы: $X'_2=0$; $Y'_2 \approx 340^\circ$; $Z'_2 \approx \pm 10^\circ$.

Таким образом, соединения бронзовых удил с псалиями, закрепляющиеся с помощью ремней на голове лошади, представляют собой определенно действующий механизм для управления животным, в котором рассмотренные выше показатели позволяют заключить следующее:

1. Пешковидная форма отверстия внешнего оформления обоих окончаний звеньев сделана специально для более жесткого сцепления У-образных псалиев с удилами. Это хорошо видно, например, при рассмотрении возможностей поворота изделия вокруг оси X'_2 ($=0$) и вокруг оси Z'_2 (рис. 3.-3), где перемещения в свободном соединении незначительны ($\pm 10^\circ$). Затем в рабочем состоянии они становятся ещё намного меньше при использовании повода и практически ликвидируются значительным ограничением за счет увеличения толщины такого ремня (например, в 2 слоя), которому достаются существенные нагрузки как раз в указанном месте. Данное обстоятельство весьма важно для улучшения возможности управлять лошадью, быстрее совершая маневры. Это особенно требуется при проведении военных операций. Не исключено, что такая узда потребовалась для военных походов или в случаях противостояния противнику.

2. Псалии могли размещаться при соединении с удилами двояко: вилкой вверх или вниз, потому что вторая функция соединения рассмотренной кинематической цепи с ремнями суголавья не столь активна как первая, а лишь позволяет своеобразно закреплять этот механизм на голове лошади. К тому же направления соединяющихся друг с другом ремней практически совпадают (рис. 3.-4,5), а незначительное смещение точки их соприкосновения существенным образом не могло повлиять на дальнейшую конструкцию ремней оголовья.

3. Если исходить из логики хорошо зафиксированной исследователями тенденции того, что многие бронзовые изделия являются усовершенствованием таких же предметов, но из менее прочных материалов (например, кожаные плетеные удила; деревянные, костяные, роговые псалии, наконечники стрел и т.д.), то форма У-образных бронзовых псалиев, возможно, создана на основе деревянных или роговых образцов и при дальнейших исследованиях не исключены находки подобных изделий. Если это так, то имеющееся ответвление — своеобразный атавизм первоначальной природной модели. Отражение целого ряда таких особенностей на более прочных бронзовых вещах отмечается очень часто [см. например, Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 64-71] и, вероятно, нашло отражение в рассматриваемых нами сейчас вещах. Особо значимого функционального назначения данное ответвление не давало, поэтому более совершенные и универсаль-

ные, на наш взгляд, вещи имеют шпенок различной формы, но без указанного атавизма. Эксплуатация изделия могло осуществляться без него и без того отверстия, которое имеется на нем. Таким образом, в ходе развития форм, следующим шагом было исчезновение ответвления с усовершенствованием шпенка, что хорошо демонстрируют изделия из памятников Кок-су-1 и Вакулиха-1 [Там же, рис. 40; рис. 44].

4. Стоит отметить в рассматриваемой конструкции существенную роль шипа, при износе которого эффективность связки существенным образом уменьшается, а при отсутствии его, — использование комплекта становится весьма проблематичным. Появление шипа связано непосредственно с изготовлением и применением металлических удил.

III. Бляха налобная (рис. 1.-3; рис. 3.-5,6) — бронзовая, округлая (в диаметре около 3,8 см), слегка выпуклая, толщиной до 0,3 см, имеет шпенок в виде Т-образного (или грибовидного) выступа. Изделие отливалось по утрачиваемой восковой модели в закрытой форме. Поэтому литейные швы отсутствуют, а обнаруживаются характерные для пластичного материала контуры, вмятины от пальцев, стыки элементов конструкции [Минасян, 1994, с. 158]. Литник четко фиксируется на овальной поверхности шпенка (рис. 1.-3). Наличие подобного Т-образного выступа дает возможность предполагать знание такого рода крепления раньше, чем подобный способ был перенесен на псалии, либо внедрение данной детали в элементы конского снаряжения произошло почти одновременно. Выяснить представленное обстоятельство, на наш взгляд, является реальным. А то, что между ними существует непосредственная связь в процессе создания элементов конского снаряжения, особых сомнений у нас не вызывает. Длина ножки рассматриваемого выступа — 1,3 см, толщина в центре — 0,9 см. Шляпка-фиксатор, как уже было сказано овальная (2,2×1,5 см), толщина — до 0,3 см. Имеющееся расстояние между круглой бляхой и фиксатором предполагает использование толстого налобника или соединение двух коротких ремней в предполагаемом месте расположения узды. Аналогичные налобные бляхи имеются в достаточном количестве среди элементов конского снаряжения раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997].

IV. Последней из рассматриваемых предметов, найденных на берегу Гилевского водохранилища, является одна из двух парных подпружных пряжек (рис. 1.-2). Стоит по-

торить, что пряжка именно подпружная, т. е. имеющаяся приемная прорезь свидетельствует о ширине и толщине пропускаемого через нее кожаного ремня, который выполнял роль подпруги. Что касается, так называемых трочных пряжек, то их размеры должны быть меньшими, а использование иное (см. трок — широкая тесьма на пряжках, свех седла, вальтрапа или попоны верхняя подпруга [Даль, 1995, т. 4, с. 434]).

Изделие отлито в закрытой форме по утрачиваемой модели, о чем свидетельствуют признаки, характерные для такого способа изготовления бронзовых вещей. Следы литника хорошо заметны на выделяющемся выступе (рис. 1.-2). Наличие выпуклости и ребра жесткости, на наш взгляд, является свидетельством экономии металла при увеличении прочности изделия. Размеры овальной приемной прорези таковы: 5,4×4,0 см. Отверстие на щитке для ремня, на котором висела подпружная пряжка имеет длину 1,7 см и ширину 0,4 см. Недостающая в рассматриваемом комплекте вторая пряжка могла быть подобна имеющейся, но со шпенком для фиксации регулируемого подпружного ремня [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 72-74].

Аналогий выше описанным элементам конского снаряжения на сегодняшний день можно найти достаточное количество. Большинство их представлено в настоящем сборнике. Кроме того, в нашу статью включен рисунок изделий из кургана 21 могильни Алды-Бель-1 [Грач, 1980]⁹. Это сделано только для сравнительной демонстрации, и для более точного воспроизведения этих вещей, т.к. опубликованные иллюстрации дают возможности детального восприятия этих важнейших элементов конского снаряжения, найденных на сопредельной с Алтаем территории.

При значительном увеличении за последние десятилетия материалов скифской эпохи Алтая широко используемый в археологии метод аналогий меньше всего эффективен, поэтому нет смысла перечислять неоднократно указанные памятники, где в находках У-образные псалии в комплекте с другими находками, тем более, что таких вещей в Алтае сравнительно больше, чем любой другой категории предметов материальной культуры раннескифского времени. Что касается вопросов датировки, происхождения и распространения указанного вида бронзовых изделий узды, то предполагаемое решение их не претерпело у нас особых изменений [Кирюшин, Тишкин, 1997].

Следующие публикуемые в статье элементы конского снаряжения сделаны из кости и рога (рис. 4). Они представлены различными находками, хранящимися в Бийском краеведческом музее (БКМ). Выяснить точное происхождение всех изделий пока не удалось. Тем не менее мы вводим в научный оборот данный материал, для того чтобы привлечь внимание исследователей к изучению археологических объектов скифской эпохи на территории северных предгорий Алтая.

В книге поступлений БКМа [ОФ, № 1, 1954 год, август] имеются свидетельства, что некоторые из представляемых предметов были собраны в 1921 году М.Д. Копытовым из раскопанных курганов в окрестностях г. Бийска. Каждое изделие имеет по несколько инвентарных номеров, опираясь на которые в Коллекционной описи 1954 года обнаружилось следующие записи, характеризующие собрание вещей под № 35:

«Коллекция глиняных сосудов, найденных в курганах в окрестностях г. Бийска, при раскопках сотрудником музея Копытовым М.Д. (Хакасский могильник?) в 1921 году.

Всего 3 предмета:

1. Высокий кувшинообразный горшок с плоским дном, по шейке грубый ямочный орнамент, с оттянутой шейкой, высота 24 см.

2. То же, у шейки поясок и ряд выпуклостей, соответствующих изнутри ряду крупных углублений. Высота 24 см.

3. Шарообразный горшок с плоским дном и оттянутой шейкой с 2-мя сквозными отверстиями, без орнамента. Высота 14 см.

Итого: 3 предмета

4. Псалии¹⁰ костяные с 2-мя круглыми отверстиями в каждой и заостренным концом, 2 шт.

5. Костылек от конской сбруи с отверстием для ремня.

6. Обойма из трубчатой кости с 3-мя отверстиями для ремня.

7. Округлая костяная пластина с круглым отверстием в середине — от конской сбруи.

8. Часть обоймы из кости, расколотая на 2 части, орнаментированная поперечными поясками.

всего 9 предметов»

Информация о происхождении скульптурного изображения барана, имеющем инвентарный № 52 (рис. 4.-3), не найдена. Что касается последнего предмета (рис. 4.-7), то выяснилось следующее. По Коллекционной описи 1954 года это изделие («обоймочка бочкообразной формы с отверстием») числится под № 4 в коллекции № 22 и там от-

мечено: «1930 год, сборы, Грязнов М.П. из курганов в окрестностях г. Бийска».

Псалии (рис. 4.-1,2) — костяные, двудырчатые. Внешний вид их практически идентичен, однако некоторые параметры немного разнятся: так один имеет длину — 9,5 см, ширину в центре изделия — 1,9 см, толщину — 1,1 см, диаметр отверстий — около 0,8 см; второй соответственно такие показатели: 9,1 см, 1,9 см, 1,2 см, 0,7 см. Между отверстий на тулове псалиев хорошо видны окислы использовавшихся железных удил. Обе вещи сделаны вручную, возможно ножом из трубчатой кости животного, поэтому одна сторона у них гладкая, а другая — пористая. Рассматриваемые предметы, на наш взгляд, происходят из погребального объекта скифской эпохи, которые в большом количестве обнаружены и раскопаны на территории г. Бийска, а также в близлежащих предгорьях Алтая [Завитухина, 1961, 1962, 1966; Сергеев, 1946; Кунгуров, Кунгурова, 1982; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992; Абдулганев, Кунгуров, 1996 и др.].

Судя по всем имеющимся инвентарным номерам, из одной коллекции с псалиями происходят еще три вещи (рис. 4.-4,5,6). Однако не исключено, что они найдены в других местах.

Так, расколотое изделие бочковидной формы, орнаментированное шестью вырезанными по диаметру канавками, опубликовано с некоторыми издержками в рисунке М.Т. Абдулганеевым и А.Л. Кунгуровым [1996, рис. 2.-5]. По их мнению, эта вещь найдена в кургане № 1 (14) могильника Бийск-1 и является пропозитом [Там же, с. 144]. Распределитель ремней (рис. 4.-6) и маленькая бочковидная подвеска (рис. 4.-7) также, наверно, были обнаружены в окрестностях г. Бийска.

Добавочные фаланги лошади или лося с отверстиями посредине (рис. 4.-3) в достаточном количестве найдены при исследованиях курганов раннескифского времени на территории Горного Алтая [Тишкин, 1996, рис. 12.-4; Демин, Гельмел, 1992, с. 174; и другие]. Причину присутствия такого предмета среди вещей несколько позднего времени еще предстоит выяснить.

Интересная скульптурная находка (рис. 4.-3) имеет длину 3,7 см, ширину носовой части — 1,0 см, рогов — 1,9 см. Это изделие, возможно, являлась подвеской или наносником, о чем свидетельствуют следы на обломанной части изделия, где должно быть отверстие диаметром 0,8-0,9 см. К скифской эпохе данную находку мы отнесли предположительно.

Заканчивая описание предметов из Бийского краеведческого музея необходимо отметить, что изучение быстринской культуры скифской эпохи в предгорьях Алтая только начинается и для этого необходимы любые свидетельства. Что касается решения вопросов генезиса указанной культуры, то к уже высказанным идеям [Тишкин, 1996, с. 26–28] можно добавить положение о миграции с территории Горного Алтая населения раннескиф-

ского времени, начиная с VII вв. до н.э. [Кирюшин, Тишкин, 1997]. Эти племена и послужили основой для сложения новой своеобразной (контактной) культуры.

Таким образом, тщательное и многостороннее изучение элементов конского снаряжения позволяет исследователям получать дополнительные сведения для реконструкции истории народов, не имевших письменности.

Примечания

- ¹ В данной монографии, в соответствии с целями издания, публикация многих изделий раннескифского времени носит преимущественно демонстрационный характер и, естественно, требуется их дальнейшее более тщательное изучение.
- ² Смотрите более подробную статью В.Б. Бородавса в настоящем сборнике.
- ³ Рисунки всех изделий для данной статьи выполнены А.Л. Кунгуровым, за что выражаю ему особую благодарность.
- ⁴ Подпружная пряжка была сломана находчиком при определении металла, из которого она была сделана. Этим же объясняются следы точила на отдельных небольших участках налобной бляхи.
- ⁵ Данная форма обозначена по хорошо знакомому очертанию шахматной фигуры — пешки.
- ⁶ Консультации проведены со специалистами лаборатории кафедры «Машины и технология литейного производства» Алтайского технического университета (г. Барнаул). Автор выражает благодарность заведующему указанной лабораторией А.Ф. Бухтоярову за ценные замечания в ходе дискуссии.
- ⁷ Автор благодарен А.Ф. Бухтоярову за содействие в организации изготовления копии У-образного псаля.
- ⁸ Автор благодарен Е.А. Дубову, преподавателю кафедры «Теория механизмов и машин», за возможность использовать в статье предоставленное им описание кинематической цепи, а также Н.В. Галушкину, преподавателю кафедры «Сопротивление материалов» за всесторонние консультации в процессе обсуждения имеющихся проблем.
- ⁹ Данный комплект по нашей просьбе был доставлен в г. Барнаул на конференцию сотрудником Тувинского музея В.Т. Могушом в 1994 года, за что выражаем ему особую признательность. С остальными же элементами конского снаряжения раннескифского времени, хранящимися в г. Кызыле, нам поработать не удалось. Надеемся на то, что эти материалы ещё привлекут внимание исследователей и будут введены в научный оборот достойным образом.
- ¹⁰ Здесь же в описи дальше следует по порядку перечисление других изделий, однако не ясно, были ли они найдены вместе с сосудами или происходят из других объектов.

Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947–1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н.э. в степной полосе Евразии

*«Все даты в скифо-сибирской археологии «висят»
на конской узде. В одном месте археологи берут узду
и вешают, как на гвоздь, в другом регионе»*

Из устного выступления С.С. Сорокина 20.04.1977 г.
на расширенном заседании по киммерийской проблеме).

Вопрос об «эволюции» конского снаряжения в I тыс. до н.э. — один из наиболее разработанных в отечественной археологии. С.С. Сорокин почти не преувеличил значение конского снаряжения при хронологическом определении памятников Евразии. Долгое время узда была одним из трех главных компонентов (снаряжение коня + оружие + звериный стиль) при датировании и передатировании археологических объектов скифской эпохи. Исследования по саяно-алтайскому конскому убору, несомненно, оказали большое влияние на решение многих трудных вопросов по поводу происхождения, использования и времени существования предметов экипировки лошади на территории Евразии. Описания и реконструкции алтайского снаряжения верхового коня скифской эпохи, наиболее полно представленные в работах М.П. Грязнова и С.И. Руденко в 1930–1950-е годы, до сих пор остаются непревзойденными.

М.П. Грязнов одним из первых восстановил конструкцию узды VII–VI вв. до н.э. с Алтая (1947)¹, Казахстана (1956), а затем и Тувы (1980). Классические работы А.А. Иессена (1953), Б.Б. Пиотровского (1959), М.К. Кадырбаева (1966), О.А. Вишневской (1973), А.И. Тереножкина (1976), М.П. Грязнова (1980) вызвали у археологов большой интерес и оживленные дискуссии. Исследование кургана Аржан в Туве в начале 1970-х годов, открытие при этом большого числа разнообразных элементов конского снаряжения позволило не только реконструировать узду VIII в. до н.э., но и привело к массовому передатированию археологических памятников почти во всех регионах Евразии, стимулировало появление множества работ, посвященных хронологии и развитию узды, а также позволило по-новому поставить вопрос о происхождении скифо-сибирских культур.

Конское снаряжение I тыс. до н.э. уже более 150 лет привлекает внимание археологов. Особенно большое число работ по этой проблематике опубликовано за последние 50 лет. Итоги изучения археологических памятников кочевников Евразии (в том числе и экипировки коня) подведены в двух томах книжной серии «Археология СССР» [Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989, Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992].

Ввиду труднодоступности некоторых книг и статей в последние 5–10 лет, возможно, ряд работ в нашей краткой библиографии не учтены. Публикации новых и старых материалов из объектов археологических раскопок, детальный анализ отдельных категорий предметов и проблемы происхождения конского снаряжения рассматривались во многих исследованиях археологов:

для **Горного Алтая** — М.П. Грязнов (1947, 1950, 1992); С.В. Киселев (1949, 1951); С.И. Руденко (1953, 1960, 1962); С.С. Сорокин (1966, 1969, 1974); Д.Г. Савинов (1975, 1978); Л.Л. Баркова (1979, 1983); Л.С. Марсадолов (1981, 1985, 1987, 1996); А.С. Суразаков (1980, 1988); Н.А. Боковенко (1981, 1986); В.А. Могильников (1983, 1988, 1991, 1994); В.А. Могильников, А.С. Суразаков (1980); В.И. Молодин, В.Т. Петрин (1985); А.И. Мартынов, А.М. Кулемзин, Г.С. Мартынова (1985); В.Д. Кубарев (1987, 1991, 1992, 1997); С.В. Неверов, Н.Ф. Степанова (1990); Н.Ф. Степанова (1987, 1996); Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев, М.В. Мороз (1990); Н.Л. Членова, В.Д. Кубарев (1990); М.А. Демин, Ю.И. Гельмель (1992); В.А. Кочеев (1992, 1996); В.Б. Бородаев (1993); Г.А. Клюкин (1993); Н.В. Полосьмак (1993, 1994); Р.С. Минасян (1992, 1994); М.Т. Абдулганеев (1994); Древние культуры... (1994); М.А. Демин, П.И. Шульга (1995); Ю.Т. Мама-

даков (1995); А.А. Тишкин (1996); А.А. Тишкин, А.А. Казаков, В.Б. Бородаев (1996); П.И. Шульга (1996, 1997); Ю.Ф. Кирышин, А.А. Тишкин (1997); П.И. Шульга, А.А. Казаков и др. (1997); Н.Л. Членова (1997); и т.д.

для **Верхней Оби** (включая близлежащие лесостепные и степные районы) — М.П. Грязнов (1947, 1956а); М.П. Завитухина (1961, 1966); А.П. Уманский (1970); Н.Л. Членова (1973, 1994, 1996, 1997); А.Л. Кунгуров, Н.Ю. Кунгурова (1982); Г.Е. Иванов, Э.М. Медникова (1982); Ю.Ф. Кирышин, А.Л. Кунгуров, А.А. Казаков (1992); С.М. Кирсев (1992); А.А. Тишкин, Э.М. Медникова (1993); А.А. Тишкин, Т.В. Тишкина (1995); Т.Н. Троицкая, А.П. Бородовский (1994); М.Т. Абдулганеев, А.Л. Кунгуров (1996); А.П. Бородовский (1997); В.А. Могильников (1997); и т.д.

для **Миусинской котловины** — Ю.С. Гришин (1960, 1971); Н.Л. Членова (1967, 1972); М.П. Завитухина (1983); Н.А. Боковенко (1986); М.Н. Пшеницина (1980); и т.д.

для **Тувы** — Л.Р. Кызласов (1958, 1979); Н.Л. Членова (1961, 1973); М.Х. Маннай-оол (1970); М.П. Грязнов (1975, 1979, 1980, 1983); А.Д. Грач (1980); Н.А. Боковенко (1986, 1994, 1995); Л.С. Марсадолов (1989); Р.С. Минасян (1994); и т.д.

для **Монголии** — С.В. Киселев (1947); В.В. Волков (1967, 1978, 1981); Э.А. Новгородова (1989); и т.д.

для **Казахстана** — М.П. Грязнов (1956б); А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев (1966); М.К. Кадырбаев (1959, 1966, 1968, 1975, 1980); К.А. Акишев (1973, 1978); К.А. Акишев, А.К. Акишев (1978); К.А. Акишев, Г.А. Кушаев (1963); Ф.Х. Арсланова (1974, 1981); А.С. Ермолаева (1983, 1987); и т.д.

для **Средней Азии** — А.Г. Максимова (1960); М.А. Сабурова, В.П. Ягодина (1963); С.П. Толстов, М.А. Итина (1966); О.А. Вишневская, М.А. Итина (1971); О.А. Вишневская (1973); Ю.А. Заднепровский (1962, 1978); Б.А. Литвинский (1972); Л.Т. Яблонский (1996); и т.д.

для **Приуралья и Поволжья** — А.П. Смирнов (1961); К.Ф. Смирнов (1964, 1975); К.Ф. Смирнов, В.Г. Петренко (1963); А.Х. Халиков (1977); А.В. Лукашов (1984); С.В. Кузь-

миных (1983); А.Х. Пшеничнюк (1983); В.Е. Максименко (1984); Е.Ф. Чежина (1991); Е.П. Казаков (1994); Б.Ф. Железчиков (1994); С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов (1996); А.Д. Таиров, С.Г. Боталов (1988); и т.д.

для **Кавказа — Закавказья (и частично Передней Азии)** — А.А. Иессен (1953, 1954); Б.Б. Пиотровский (1959); Г.М. Асланов, Р.М. Ваидов и Г.И. Ионе (1959); Е.И. Крупнов (1960); В.Б. Виноградов (1972); В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, А.П. Рунич (1980); С.Л. Дударев (1991); Б.В. Техов (1971, 1980); И.В. Аяфимов (1971); И.Н. Аяфимов (1989); А.И. Тереножкин (1971); В.И. Козенкова (1977, 1982, 1995); В.Г. Петренко (1982); В.Г. Котович (1982); И.Н. Медведская (1983); М.Н. Погребова (1984); С.А. Бесаян, М.Н. Погребова (1985); Н.Л. Членова (1984); В.М. Батчаев (1985); O.W. Muscarella (1988); О.Р. Дубовская (1987, 1989, 1997); С.В. Махоргих (1991); Р.С. Минасян (1994); В.Р. Эрлих (1991, 1997); А.В. Пьянков, В.А. Тарабанов (1997); и т.д.

для **Северного Причерноморья и Скифии** — П.Д. Либеров (1954, 1965); А.И. Тереножкин (1961, 1965, 1971, 1976); В.А. Ильинская (1961, 1968, 1973, 1975); Г.Т. Ковпаненко (1967, 1981); Б.Н. Граков (1971, 1977); А.М. Лесков (1971, 1975, 1981); М.И. Артамонов (1966); А.И. Мелюкова (1972, 1979, 1989); Г.И. Смирнова (1977, 1982); В.И. Бидзиля, Э.В. Яковенко (1974); Б.М. Мозолевский (1979); Л.К. Галанина (1977, 1983); В.Ю. Мурзин, Е.В. Черненко (1980); С.И. Татарипов (1982); В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин (1983); В.Ю. Мурзин (1984); Т. Кеменцеи (1986); Э.С. Шарафутдинова, О.Р. Дубовская (1987); Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый (1989); А.П. Манцевич (1987); А.Ю. Алексеев (1991); А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле (1991); В.А. Косиков (1992); А.В. Каряка (1994); С.В. Махоргих (1994); В.Р. Эрлих (1991, 1994, 1997); С.Б. Вальчак (1993, 1994, 1997); С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов (1996); С.Б. Вальчак, В.Р. Эрлих (1993, 1997); и т.д.

Надеемся, что приведенный обзор литературы поможет в работе начинающим археологам, а также послужит опорой для серьезных исследований по изучению конского снаряжения I тыс. до н.э.

Примечания

¹ Все подобные сноски на год выхода публикаций в данной статье соответствуют полному библиографическому описанию печатных работ указанных авторов, которое помещено в

конец настоящего сборника. Там же можно найти сведения о некоторых публикациях, не вошедших, по разным причинам, в наш перечень.

Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая

Убранство верхового коня гунно-сарматской эпохи Горного Алтая, несомненно, заслуживает специального рассмотрения, поскольку конь играл важную роль в жизни населения того времени, выполняя функции самого главного транспортного животного. Детали конского снаряжения гунно-сарматского времени известны нам, преимущественно, по погребальным памятникам, благодаря обычаю погребения человека с конем, широко распространенному в Горном Алтае с I тыс. до н.э. Однако, несмотря на наличие сравнительно большого количества предметов убранства верхового коня в коллекциях, полученных из раскопок последних лет, практически нет опубликованных материалов за исключением нескольких десятков предметов. Отсутствие публикаций не позволяет осуществить анализ всех известных категорий предметов конского снаряжения даже в предварительной форме. Поэтому в данной работе мы ограничимся рассмотрением удил и псалиев.

На сегодняшний день опубликованы: железные удила с большекрючными окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.-1,2) из к. 33 могильника Булан-Кобы-IV и из разрушенного погребения из Усть-Пустынки [Мамадаков, 1985, рис. 5.-7; Алехин, Гельмел, 1991, рис. 1.-1]; звено железных удил с петельчатым окончанием и крюком для соединения с другим звеном (рис. 1.-3), а также костяной стержневой двудырчатый псалий (рис. 1.-4) из к. 14 пп. 3,4 могильника Белый Бом-II [Глоба, 1983, табл. IV, рис. 5,6]; железные удила с петельчатыми окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.-7), железные удила с равнокрючными окончаниями и кольчатыми железными псалиями, где имеются железные обоймы (рис. 1.-8), звено железных удил с петельчатым окончанием и крюком для соединения с другим звеном, с костяным стержневым двудырчатым псалием и с восьмерковидной железной петлей для ремня (рис. 1.-9) из кк. 9,11,13 могильника Верх-Уймон [Соенов, Эбель, 1992, рис. 33.-5, рис.36.-3, рис.43.-12]. Кроме то-

го, в нашем распоряжении имеются трое железных удил с равнокрючными окончаниями и с железными кольчатыми псалиями (рис. 2.-1,2,3) из кк. 14,15,20 могильника Верх-Уймон и железные удила с петельчатыми окончаниями и петельчатым соединением звеньев (рис. 2.-4) из к. 250 могильника Сары-Бел.

Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая уже классифицировались в разные годы А.А. Гавриловой, Ю.Т. Мамадаковым, В.И. Соеновым и А.В. Эбелем. На основании различия в форме псалиев А.А. Гаврилова выделила два типа удил Горного Алтая «ранее VI в.»: кошибезвский — с кольчатыми псалиями и кудыргинский — со стержневыми псалиями [Гаврилова, 1965, с. 80-84]. Ю.Т. Мамадаков предложил два типа удил для Центрального Алтая: «тип 1 — однокольчатые, тип 2 — равнокрючные» [Мамадаков, 1990, с. 14]. При классификации инвентаря из могильника Верх-Уймон мы предложили три типа: тип 1 — железные удила с крюковым соединением звеньев и петлевидным окончанием звеньев, в которые вставлялись костяные двудырчатые дуговидные псалии и восьмеркообразная железная петля; тип 2 — аналогичные типу 1, но с «утраченными псалиями»; тип 3 — железные удила с крюковым соединением звеньев и кольцами-псалиями, у которых имелись железные обоймы» [Соенов, Эбель, 1992, с. 34].

По мнению исследователей, наиболее удачным подходом к систематизации удил, как показывает практика, является вариант, предложенный И.Л. Кызласовым для материалов аскизской культуры, где удила и псалии исследуются по отдельности [Кызласов, 1983, табл. I,II]. Он «...позволяет более конкретно проследить происхождение и видоизменяемость различных типов, установить более узкие хронологические рамки их существования» [Неверов, 1992, с. 141]. Поэтому мы в настоящей заметке тоже использовали схему классификации, где имеются единицы «категория», «группа», «разряд», «раздел», «отдел», «тип». Тем более, что данный подход уже успешно использовался для

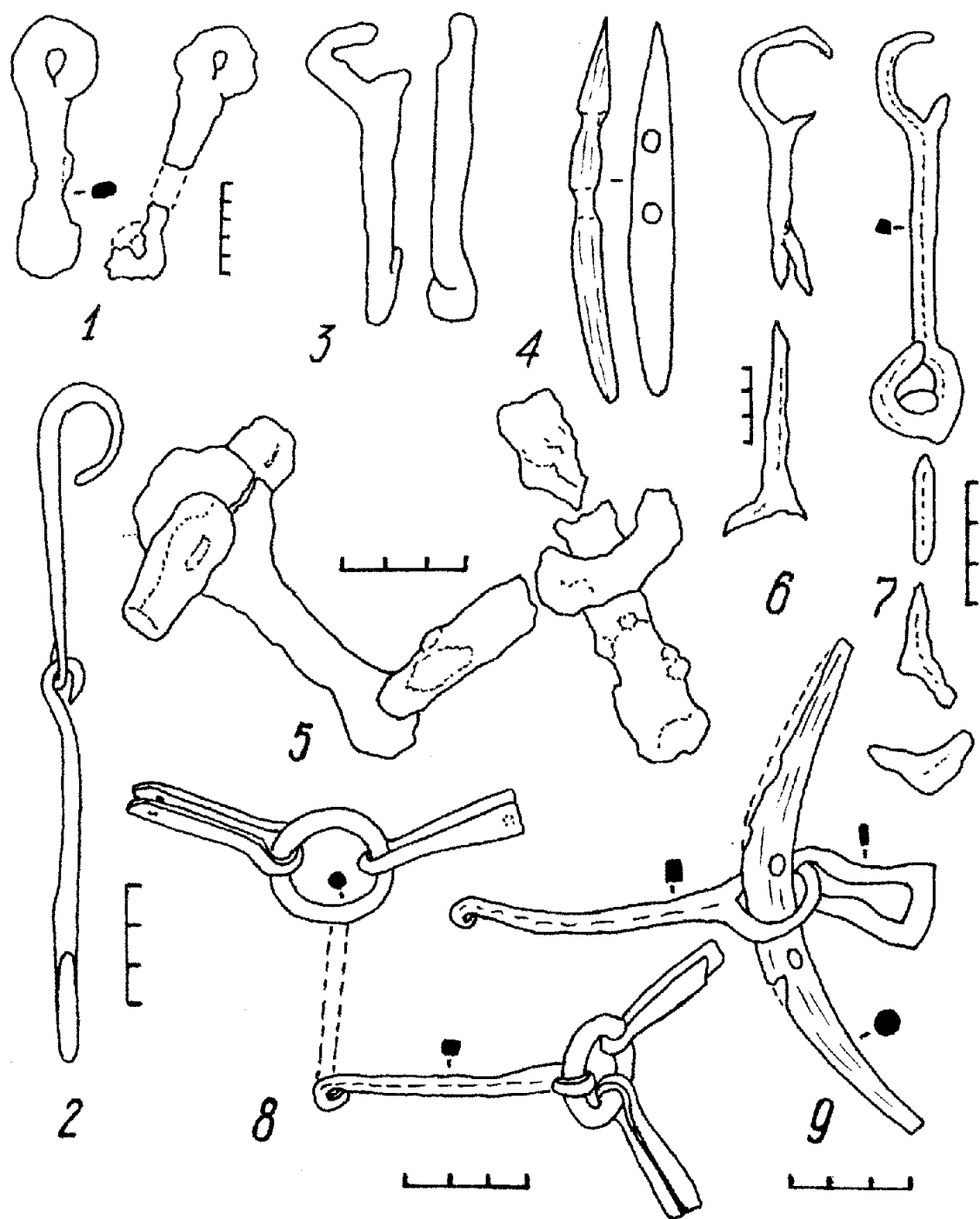

Рис. 1. Удила и псаалии гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.

1 — Булан-Кобы -IV, к. 33; 2 — Усть-Пустынка; 3 — Белый-Бом-II, к. 14, п. 3 (масштаб неизвестен); 4 — Белый-Бом-II, к. 14, п. 4 (масштаб неизвестен); 5 — Усть-Эдиган, к. 15; 6 — Усть-Эдиган, к. 60; 7 — Верх-Уймон, к. 13; 8 — Верх-Уймон, к. 11; 9 — Верх-Уймон, к. 9 (1-3, 5-8 — железо. 4 — кость; 9 — железо и кость).

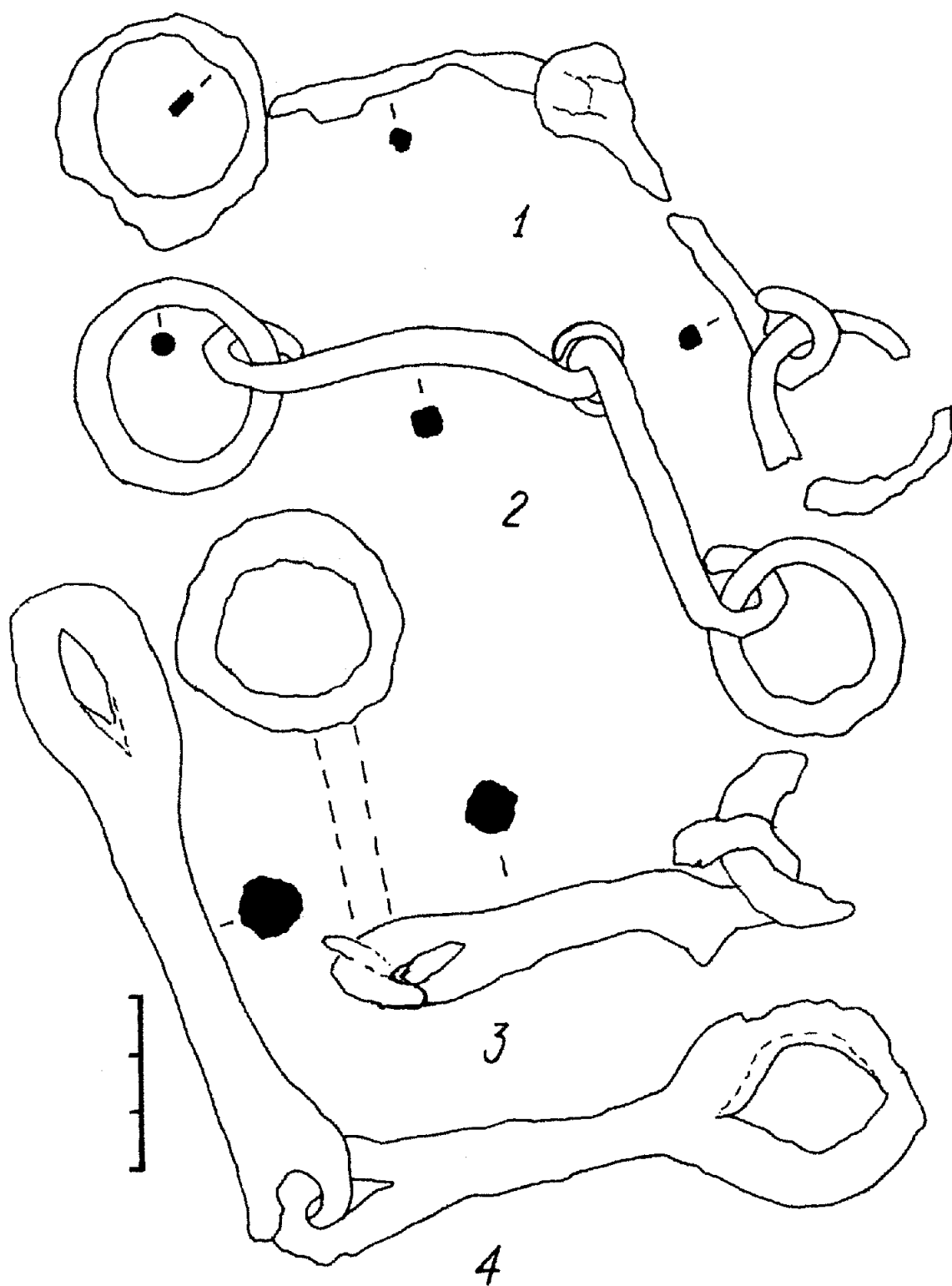

Рис. 2. Удила и псалии гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.
1 — Верх-Уймон, к. 15; 2 — Верх-Уймон, к. 14; 3 — Верх-Уймон, к. 20;
4 — Сары-Бел, к. 250 (1-4 — железо).

систематизации материалов Горного Алтая и его северо-западных предгорий С.В. Неверовым и А.А. Тишкиным: при классификации удил и псалиев первой половины I тыс. до н.э. Центрального и Северо-Западного Алтая [Тишкин, 1996, с. 15–17] и удил второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья [Неверов, 1992, с. 141–154].

В нашей классификации удила и псалии образуют две категории. По характеру использованного материала изделия делятся на группы. Разряд отражает технику изготовления изделий. Раздел фиксирует наличие или отсутствие псалиев у удил и общую форму у псалиев. Отдел отражает характер соединения звеньев удил между собой, а также количество отверстий для крепления ремней у стержневых псалиев и количество колец у кольчатых псалиев. Тип фиксирует конкретные формы изделий, а дополнительная единица классификации — подтип определяет наличие или отсутствие особых элементов.

Классификация удил. Всего учтено 12 экземпляров удил, из которых 10 — парные, 2 — половинки. Не все парные удила сохранились полностью, но, тем не менее, их можно уверенно идентифицировать.

Категория. Удила. Включает одну группу — железные удила. Группа 1. Железные удила. Включает один разряд — кованые удила.

Разряд 1. Кованные удила. Включает два раздела: удила с псалиями и удила без псалиев.

Раздел 1. Удила с псалиями. Включает один отдел — соединенно-крюковые.

Отдел 1. Соединеннокрюковые удила. Включает три типа: удила с равнокрючными окончаниями; с петельчатыми окончаниями, где имеются дополнительные восьмерковидные петли; с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель.

Тип 1. Железные кованые удила с псалиями, равнокрючными окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.–8; 2.–1,2,3). Включает 4 экземпляра (Верх-Уймон, кк. 11,14,15,20).

Тип 2. Железные кованые удила с псалиями, с петельчатыми окончаниями, где имеются дополнительные восьмерковидные петли, с крюковым соединением звеньев (рис. 1.–9). Включает 1 экземпляр (Верх-Уймон, к. 9).

Тип 3. Железные кованые удила с псалиями, с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель, с крюковым соединением звеньев (рис. 1.–5). Включает 1 экземпляр (Усть-Эдиган, к. 15).

Раздел 2. Удила без псалиев. Включает два отдела: соединеннокрюковые и соединеннопетельчатые.

Отдел 1. Соединеннокрюковые удила. Включает два типа: удила с большекрючными окончаниями и с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель.

Тип 1. Железные кованые удила без псалиев, с большекрючными окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.–1,2). Включает 2 экземпляра (Булан-Кобы IV, к. 33; Усть-Пустынка).

Тип 2. Железные кованые удила без псалиев, с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель, с крюковым соединением звеньев (рис. 1.–3,6,7). Включает 3 экземпляра (Верх-Уймон, к. 13; Усть-Эдиган, к. 60; Белый Бом-II, к. 14, п. 3).

Отдел 2. Соединеннопетельчатые удила. Включает один тип — удила с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель.

Тип 1. Железные кованые удила без псалиев, с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель, с петельчатым соединением звеньев (рис. 2.–4). Включает 1 экземпляр (Сары-Бел, к. 250).

В результате произведенной классификации мы получили шесть типов удил гунно-сарматского времени Горного Алтая.

Классификация псалиев. Всего учтено 7 экземпляров псалиев, из которых 5 — парные, а 2 — одиночные.

Категория. Псалии. Включает две группы: железные и костяные.

Группа 1. Железные псалии. Включает один разряд — кованые.

Разряд 1. Кованные псалии. Включает два раздела: стержневые и кольчатые.

Раздел 1. Стержневые псалии. Включает один отдел — двудырчатые.

Отдел 1. Двудырчатые псалии. Включает один тип — прямые, с утолщениями вокруг отверстий.

Тип 1. Железные кованые стержневые двудырчатые псалии с утолщением вокруг отверстий (рис. 1.–5). Включает 1 экземпляр (Усть-Эдиган, к. 15).

Раздел 2. Кольчатые псалии. Включает один отдел — однокольчатые.

Отдел 1. Однокольчатые псалии. Включает один тип — круглые.

Тип 1. Железные кованые однокольчатые псалии круглой формы. Включает два подтипа.

Подтип 1. С железными обоймами для крепления ремней (рис. 1.-8). Включает 1 экземпляр (Верх-Уймон, к. 11).

Подтип 2. Без железных обойм для крепления ремней (рис. 2.-1,2,3). Включает 3 экземпляра (Верх-Уймон, кк. 14,15,20).

Группа 2. Костяные псалии. Включает один раздел — резные.

Разряд 1. Резные псалии. Включает один раздел — стержневые.

Раздел 1. Стержневые псалии. Включает один отдел — двудырчатые.

Отдел 1. Двудырчатые. Включает один тип — слабоизогнутые.

Тип 1. Костяные резные стержневые двудырчатые псалии слабоизогнутой формы. Включает два подтипа.

Подтип 1. С симметричными затупленными концами (рис. 1.-9). Включает 1 экземпляр (Верх-Уймон, к. 9).

Подтип 2. С ассиметричными концами: один конец затуплен, другой — заострен (рис. 1.-4). Включает 1 экземпляр (Белый Бом-II, к. 14, п. 4).

В результате произведенной классификации мы получили три типа псалиев гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.

Небольшое количество полученных типов дает малую размерность пространства признаков. Это лишает нас возможности применения элементов статистики для построения формализованных эволюционных рядов. Малочисленность опубликованных материалов не позволяет сегодня рассматривать и взаимовстречаемость типов удил и псалиев. Исходя из этого, мы не будем делать в настоящей заметке далеко идущие выводы, а лишь отметим некоторые моменты, касающиеся вопросов хронологии и эволюции удил и псалиев гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.

Удила с большекрючными и равнокрючными окончаниями звеньев (рис. 1.-1,2,8; рис. 2.-1,2,3) известны в памятниках Евразии I тыс. до н.э. — II тыс. н.э. очень широко. Однако на территории Горного Алтая в памятниках скифской эпохи такие удила до настоящего времени не обнаружены [Суразаков, 1988, с. 23-25]. Они появились здесь только в гунно-сарматскую эпоху. Их появление на Саяно-Алтае, видимо, связано с западным влиянием [Кызласов, 1983, с. 57].

По всей видимости, удила с равнокрюковыми и большекрючными окончаниями звеньев представляют разные линии эволюции одного из вариантов удил. Близость их происхождения сомнений не вызывает, но они не являются тождественными. Определенное

внешнее сходство этих типов удил не подтверждается сочетанием удил с псалиями. Большекрючные удила, в соответствии с их конструктивными особенностями, могут иметь любые псалии, но пока в Горном Алтае они обнаружены без псалиев. Равнокрючные удила представлены только в сочетании с кольчатыми псалиями круглого или прямоугольного сечения диаметром около 4 см с обоймами для крепления ремней или без них.

В свое время удила, аналогичные нашим уймонским: с равнокрючными окончаниями и кольчатыми псалиями, найденные в Берели были отнесены А.А. Гавриловой к кошибеевскому типу и датированы III-IV вв. н.э. [Гаврилова, 1965, с. 57]. Имеющиеся у нас материалы, в принципе, не противоречат предложенной датировке данного варианта удил [Соенов, Эбель, 1992, рис. 36.-36]. В дальнейшем, удила с равнокрючными окончаниями и кольчатыми псалиями продолжают существовать в Горном Алтае и во второй половине I-II тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 12.-4, рис. 15.-7; Могильников, 1990, рис. 5.-1]. Что касается удил с большекрючными окончаниями, то они появляются в Горном Алтае хотя и в гунно-сарматское время, но раньше удил с равнокрючными окончаниями звеньев. Могильник Булан-Кобы-IV, где обнаружены удила данного типа, датируется не позже III в. н.э. [Мамадаков, 1990, с. 15]. Данные относительно верхней хронологической границы бытования удил с большекрючными окончаниями в Горном Алтае у нас нет, но в памятниках второй половины I тыс. н.э. они еще продолжают встречаться [Кубарев, 1984, табл. XXXIV.-3].

Удила с петельчатыми окончаниями и петельчатым соединением звеньев (рис. 2.-4) известны еще в памятниках скифского времени, например, Курая [Суразаков, 1988, рис. 7.-6], Юстыда [Кубарев, 1991, табл. XIV.-1, табл. XVII.-1 и т.д.] и других местностей. Данный тип удил находится в эволюционном ряду после удил с кольчатыми окончаниями и кольчатым соединением, но представляет отдельный вариант развития удил, сосуществовавшей с другими вариантами во второй половине I тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 6.-2, табл. V.-4; Могильников, 1981, рис. 19.-100].

Процесс замены соединеннокольчатых (и соединеннопетельчатых) форм соединеннокрюковыми в гунно-сарматскую эпоху [Кызласов, 1983, с. 57; Неверов, 1992, с. 143] отражают удила с петельчатыми окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.-3, 5, 6, 7, 9). Данные удила можно отнести к одно-

му варианту, вне зависимости от наличия или отсутствия дополнительных элементов, поскольку последние демонстрируют типологическое разнообразие, не влияя на конструктивные особенности самих удил. Что касается верхней хронологической границы бытования соединеннокрюковых удил с петельчатыми окончаниями, то они продолжают существовать в сочетании со стержневыми псалиями или с «утраченными псалиями» на протяжении второй половины I тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. IV.-7, табл. VII.-1, табл. VIII.-8 и т.д.].

Эволюцию форм псалиев гунно-сарматского времени Горного Алтая проследить невозможно из-за их малочисленности. Но в данный момент можно сказать, что типы стержневых псалиев, имеющие исходные корни в скифском времени Горного Алтая, продолжают развиваться дальше на протяжении I тыс. н.э. В первых веках нашей эры в Горном Алтае появляются кольчатые псалии круглой формы. Их появление, видимо, связано с западным влиянием. В дальнейшем, стержневые и кольчатые псалии составили две основные линии развития псалиев I-II тыс. н.э.

Таким образом, удила гунно-сарматского времени со стержневыми и «утраченными» псалиями, имеющие непосредственную связь с формами удил и псалиев предыдущего скифского времени, продолжают местную традицию. Основным их эволюционным из-

менением можно считать замену кольчатых и петельчатых соединений звеньев на крюковые. Новыми вариантами удил, появившимися в Горном Алтае в гунно-сарматскую эпоху являются большекрючные удила с «утраченными псалиями» и равнокрючные удила с кольчатыми псалиями. Причем большекрючные появились раньше равнокрючных. Продолжение развития всех вариантов удил с псалиями и с «утраченными псалиями» гунно-сарматского времени Горного Алтая дало то разнообразие типов, которое наблюдается в материалах тюркского времени Горного Алтая дало то разнообразие типов, которое наблюдается в материалах тюркского времени.

В целом, наша классификация, а также выводы по хронологии и эволюции удил и псалиев, изложенные в настоящей заметке, носят очень схематичный и предварительный характер. Это предполагает в дальнейшем более расширенное рассмотрение данной проблемы, с привлечением имеющихся материалов не только гунно-сарматского времени, но и скифского и тюркского времени Горного Алтая, для обоснования схемы эволюции удил и псалиев, которые, в конечном счете, привели к этнографическим формам. Надеемся, что расширенное рассмотрение позволит учесть большее количество находок, а также избежать тезисности при изложении материала.

Стремя раннего типа из Алейской степи

Во время проведения картографии археологических памятников летом 1994 года, к востоку от с. Локоть Локтевского района Алтайского края, на равнинной части правобережья р. Алей (рис. 1.-1) обнаружен курган диаметром около 20 м, высотой 0,2–0,4 м. Насыпь земляная, с незначительным содержанием рваного камня, сильно разрушена распашкой и какими-то земляными работами (возможно на этом месте находился полевой стан). При ее осмотре у южной полы найдено железное стремя (рис. 1.-2).

Данное изделие относится к числу так называемых «пластинчатых» стремян с «Т-образной» подножкой, являющихся самым ранним типом железных стремян [Грач, 1982, с. 160; Вайнштейн, 1991, с. 223; Савинов, 1996, с. 18]. Общие размеры нашего стремени: высота — 18 см, наибольшая ширина — 14,5 см. Ушко стремени пластинчатое, довольно длинное: высота — 6,1 см, ширина шейки — 2,1 см. Оно имеет выделенную головку подтрапцевидной формы, размерами 3,1×2,7 см. В основании головки пробито отверстие для стремennого ремня, его размеры 1,3×0,6 см, форма несколько «бабочковидная». Поперечное сечение ушка прямоугольное (плоское) со слегка скругленными углами, толщиной 0,33–0,34 см. Дужки стремени овальной формы, плавно переходящей в прямую подножку. Их сечение аналогично ушку, с толщиной от 0,33 до 0,4 см (ближе к подножке). Ширина дужек 1,3 см. Подножка прямая, плоская, шириной 1,75 см, толщиной 0,2 см. Под ней идет нервюра, высота до 1 см, толщина 0,2–0,25 см, являющаяся продолжением дужек. Форма стремени представляется вырубленной из листа металла определенной толщины с дальнейшей небольшой проковкой. Более тщательно была раскована внутренняя сторона прямого основания дужек, превращенная в узкую подножку. Стремя повреждено, его подножка погнута, а дужка в одном месте частично лопнула (следы в месте разлома старые). Степень коррозированности стремени средняя. На одной из сторон («лицевой»?) сохранились орнаментированные участки. Орнамент нанесен (выбит) металлическим инструментом в виде линий шириной и глу-

биной порядка 0,01 см. Линии образуют зигзаги из взаимопроникающих треугольников, идущих по всему периметру дужек и нервюре, а также украшающих ушко. По краям зигзаги окаймляют сплошные линии, расположенные по внешнему и внутреннему периметру дужек и только внешнему периметру ушка и нервюры.

Локтевское стремя пополняет собой серию плоских стремян раннего типа известных к настоящему времени на территории Горного Алтая, Тувы, Минусы, Новосибирского Приобья, Средней Азии, Среднего Поволжья [Гаврилова, 1965, табл. XIV.-7; Могильников, 1994, рис. 13.-2,3, рис.14.-2; Васютин, 1994, рис. 1.-8,9,10; Грач, 1982, рис. 2.-6,7, рис.7.-7; Новиков, 1988, рис. 2.-6; Троицкая, Новиков, 1992, рис. 25; Савинов, 1996, с. 18; Измайллов, 1990, рис. 1]. Наша находка расширяет географию этих стремян, включая в нее лесостепной Алтай, точнее его юго-западные районы и образует определенную связь между экземплярами Горного Алтая и Новосибирского Приобья. Идентичных аналогов локтевскому стремени нет. По наличию декора оно сближается с тувинскими, минусинским, новосибирскими и поволжским стремениами. Но по технике орнамента ему ближе экземпляры из Крохалевки-23 [Новиков, 1988, с. 51; Троицкая, Новиков, 1992, с. 117]. Форма дужек локтевского стремени аналогична горноалтайским изделиям из Кара-Кобы-1 [Могильников, 1994, рис. 13.-2,3], а наличие выделенной головки и наметившейся шейки сближает его со стремениами из Усть-Карасу-1 [Васютин, 1994, рис. 1.-9,10]. Обращает на себя внимание одинаковый характер повреждений плоских стремян — это лопнувшая в верхнем секторе дужка (рис. 1.-2; Грач, 1982, рис. 2.-6; Троицкая, Новиков, 1992, рис. 25). Общее число плоских стремян раннего типа, включая и локтевскую находку, насчитывает 16 экземпляров. Из них 13 найдено в закрытых комплексах. Интересно отметить, что лишь в двух случаях такие стремени составляют пары: Кудыргэ, к. 7, Улуг-Хорум, вл. 1. Все остальные найдены по одному.

Вопрос происхождения плоских стремян с пластинчатым ушком решается исследователями достаточно единодушно. Их прототипами

справедливо считаются дальневосточные стремени, в свою очередь восходящие к стремням-подножкам [Вайнштейн, 1991, с. 221–224, рис. 97–99; Грач, 1982, с. 160–162, рис. 7; Измайлов, 1990, с. 61, 63; Савинов, 1996, с. 18–20, рис. 1; и др.]. Датировка железных стремян раннего типа определяется по-разному, в целом она варьирует от V до VII вв. н.э. В большинстве случаев их датируют V (кон. V) — пер. пол. VI вв. н.э. [Грач, 1982, с. 163; Новиков, 1988, с. 51; Троицкая, Новиков, 1992, с. 117–118; Измайлов, 1990, с. 63; Могильников, 1994, с. 111]. Слишком, до рубежа VII–VIII вв. н.э. завышается дата таких стремян А.С. Васютиным [Васютин, 1994, с. 58]. По нашему мнению, железные плоские стремени с пластинчатым ушком появляются на территории Южной Сибири в середине V в. н.э. Первоначальной территорией их изготовления был Горный Алтай, на который приходится половина (8 экз.) всех известных находок. Горноалтайские плоские стремени происходят из самых ранних памятников древнетюркской культуры представленных поминально-ритуальными кольцевыми и прямоугольными оградками с захоронениями коней или без. Вещевой комплекс этих оградок по наличию «булан-кобинских» и «таштыкских» предметов, старше кудыргинского этапа и может быть датирован второй половиной V — первой половиной VI вв. н.э., что соответствует переселению на Алтай в 460 г. племени Ашина и формированию здесь тюркского этноса до создания в 552 г. государства. Именно Ашина знакомые с дальневосточными традициями могли принести технологию изготовления ранних стремян [Савинов, 1996, с. 20]. Самыми поздними

из горноалтайских плоских стремян следует признать кудыргинскую пару из кургана-7, которая очерчивает нижнюю границу Кудыргинского могильника серединой VI в. н.э. Стремени из Локтя и Крохалевки-23, видимо, датируются рубежом V/VI — 1 пол. VI вв. н.э. и появляются на северных территориях в результате торговых и культурных контактов с горноалтайским населением. Причем локтевское стремя найдено на границе (Алейская степь, северо-западные предгорья) с Горным Алтаем и вопрос его этнокультурной принадлежности, возможно, могут решить раскопки кургана. Появление плоских стремян в Туве, Минусе, Средней Азии и Поволжье тоже связано с тюркским влиянием. В двух случаях это тюркские могилы (Улуг-Хорум, Самарканд). Все эти земли стали объектом экспансии I Тюркского каганата и ранние типы стремян здесь могли оказаться в начале второй половины VI в. н.э. Для Тувы и Минусинской котловины теоретически возможны и более ранние даты учитывая их близость к Горному Алтаю и возможность торгового обмена и культурного влияния. Однако памятники самих тюрков ранее середины VI в. н.э. тут не известны, они могли появиться после 553 г. В Поволжье это могло случиться после 558 г., а в Согдиане, видимо, после 563 г. В целом, бытование железных плоских стремян с пластинчатым ушком укладывается во вторую половину V — первую половину VI вв. н.э. Далее, в третьей четверти VI в. н.э., их следует считать запаздывающими и в четвертой четверти VI в. н.э. они, скорее всего, уже не встречаются, окончательно вытесняясь более совершенными типами стремян из округлого или граненого дрота.

Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая)

К настоящему времени, среди изобразительных памятников Горного Алтая выделяется представительная серия наскальных рисунков, выполненных в технике граффити, по военной тематике. Это многофигурные композиции и одиночные рисунки со сценами сражений, построений и походов. Хронологически данная серия относится к эпохе «великого переселения народов» (III–V вв. н.э.) и раннему средневековью (VI–XI вв. н.э.).

Иконографические материалы по военному делу и вооружению населения Горного Алтая фактически не подвергались системному анализу со стороны специалистов. Между тем изобразительные источники позволяют составить цельное представление о наборах и комплексах вооружения, что далеко не всегда удается сделать по вещественным и письменным данным. Наскальным рисункам присуща определенная стилизация образа, обусловленная материалом и техникой исполнения. Наименее информативны выбитые фигуры, у которых различим лишь внешний контур. Граффити в этом плане более подробны и дают возможность рассматривать не только предметы в целом, но и детали их внутреннего устройства. Конечно обоснованная трактовка таких изображений требует широкого привлечения аналогий из вещественных, письменных и более натуралистичных иконографических источников. Эту работу облегчает наличие опубликованного материала по вооружению (особенно изобразительного) с территорий Кореи, Северного Китая, Восточного Туркестана, Согдианы I тыс. н.э. [Горелик, 1993а, 1995; Распопова, 1980; Дьяконова, 1984]. Из сопредельных с Горным Алтаем земель, наилучшее освещение получили изображения таштыкских воинов Минусинской котловины [Кызласов И.Л., 1990]. Из областей, составлявших с Горным Алтаем историческое целое: Монгольский и Гобийский Алтай, изучен только один памятник с изображением воинов — Хар-Хад, датируемый VI–VII вв. н.э. или даже V–VI вв. н.э. [Новгородова, Горелик, 1980; Горелик, 1993а]. Большие воз-

можности открывает сравнение горноалтайских рисунков с изображениями древнехакасских и курыканских воинов [Евтюхова, 1948; Кызласов Л.Р., 1969; Окладников, Запорожская, 1959].

Для системного анализа паноплии горноалтайских воинов отбирались четко опубликованные рисунки с военными сценами. Последнее обстоятельство хочется подчеркнуть, т.к. охотничьи сцены автор сознательно исключил из своей подборки, поскольку в них люди (и кони) изображены не в боевой экипировке и следовательно они не иллюстрируют реально существовавшей военной практики. Конечно на охоте применялось боевое оружие — луки, стрелы, копья, кинжалы, иногда мечи; использовалось то же снаряжение — налучья, колчаны, ножны; сохранялись способы их ношения и размещения; могли надеваться даже отдельные детали доспеха (особенно в опасных видах охоты на крупных хищников). И эти предметы необходимо использовать при анализе вооружения. Но, в целом, полное боевое облачение на охоте не применялось и было излишним. Поэтому, когда многие исследователи реконструируют легковооруженную конницу на основании изображений всадников-охотников (тоже бывает и с пешими), то они допускают ошибку. Знаменитые «кудыргинские» и «копенские» лучники (и этот список можно продолжить) не являются воинами в данных иллюстрациях и предметы вооружения показанные у них далеко не все, что они могли иметь выйдя на поле боя.

Определенное исключение при отборе материала составила поминальная сцена с кудыргинского валуна-изваяния. Она также не иллюстрирует военную ситуацию, но изображение на ней воина в доспехе (правая нижняя фигура) и коня (верхняя фигура), а возможно и всех трех коней в боевом убранстве [Гаврилова, 1965, табл. VI.–2], делает этот памятник важным военным источником. Если принять во внимание, что поминальная сцена связана с мужской личиной на изваянии, а аналогии такому сочетанию имеются

[Кубарев В.Д., 1995, с. 160–162, табл. II], то можно прийти к выводу о связи изображенных поминок с умершим воином, а следовательно с военной тематикой¹.

Всего учтено 34 фигуры воинов и 22 фигуры коней. Самый крупный памятник по числу военных изображений — Кара-Оюк. С него опубликовано 6 многофигурных композиций и 3 одиночных рисунка [Окладникова, 1988, рис. 2.–3, рис. 3.–1,4, рис. 4.–1,4,5,6]. Второй памятник Жалгыс-Тобе. Здесь зафиксировано: 1 многофигурная композиция и 3 одиночных рисунка [Окладникова, 1986, рис. 4.–2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. Часть рисунков (рис. 2.–1,4) с этого памятника была скопирована автором во время маршрутных работ по Горному Алтаю 1994 года в составе Хакасской экспедиции, руководитель И.Л. Кызласов [Кызласов, 1995]. Тогда же были скопированы 4 фигуры с Бичекту-Бомы, две (рис. 1.–4, рис. 2.–2) с плит, хранящихся в Горно-Алтайском Республиканском Краеведческом Музее им. Анохина и две (рис. 1.–5, рис. 3.–7) на месте у села, выше рунической надписи. Два последних рисунка публиковались Е.А. Окладниковой [Окладникова, 1987, рис. 2.–17,18] и, если в общем плане наши прорисовки совпадают, то в деталях имеются существенные расхождения. Одиночное изображение воина опубликовано с Бош-Туу [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6], боевого коня с Шалкобы [Окладникова, 1989, рис. 10.–4] и двух фигурная композиция с Юстыда [Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2].

Предметы вооружения, изображенные на перечисленных рисунках, можно разделить на три категории: защитный доспех, наступательное оружие, военное снаряжение.

ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ. По назначению делится на два надвида: I. Доспех воина. II. Доспех верхового коня.

I. Воинский доспех по своему размещению представлен двумя видами: 1. Панцирь (защита корпуса). 2. Шлем с бармицей (защита головы и шеи).

1. Панцири на изображениях переданы общим контуром, который либо совпадает с человеческим телом, либо, гораздо чаще, имеет самостоятельные очертания и штриховкой, которая заполняет контур панциря или человека. Штриховка нанесена горизонтальными, вертикальными или пересекающимися линиями. Последние составляют «сетку» наклонную или прямую, передающую структуру бронирования из отдельных пластин. Еще встречается штриховка в виде

черточек (рис. 2.–2, рис. 3.–7), видимо, также передающая пластины. Горизонтальную штриховку можно рассматривать как бронирование отдельными длинными полосами — ламинарная структура [Горелик, 1993а, с. 151]. «Сетка», короткие штрихи и вертикальные линии передают ламеллярную структуру [Горелик, 1993а, с. 151] бронирования. Именно ламеллярные железные пластины встречаются в памятниках Горного Алтая III–XI вв. н.э. [Горбунов, 1993а, с. 43; Горбунов, 1994, с. 110]. Для классификации панцирей в основном использованы признаки, выделенные М.В. Гореликом [Горелик, 1993б, с. 92]. Большая часть наших панцирей относится к группе — из твердых материалов (железо, возможно толстая твердая кожа). На это указывает, как археологический материал, так и более натуралистичные аналогии [Горбунов, 1994, с. 110; Горелик, 1993а, с. 151]. Из 34 фигур горноалтайских воинов, «твердые» панцири показаны на 24 [рис. 1.–1а,2,3,5; рис. 2.–1,2,3,4; рис. 3.–1, 2, 3а,б, 4,6а,7; Гаврилова, 1965, табл. VI.–2; Окладников, 1988, рис. 3.–1; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6]. У двух фигур [рис. 3.–6б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2] панцири заштрихованы не полностью, не доделаны. Еще две фигуры (рис. 1.–1б; рис. 3.–3г) имеют отдельные бронированные детали: ламинарное короткое нарукавье у пешего лучника (рис. 3.–3г) и ламинарный подол или пояс с ламеллярными лямками (?) у спешенного лучника (рис. 1.–1б). Видимо, эти детали усиливают панцири из мягких материалов (вторая группа), которые и надо предполагать на 8 незаштрихованных фигурах (рис. 1.–1в, г, 4; рис. 3.–3,в,г; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46). Их покров мог быть в виде «куртки» или «комбинезона» перехваченных в талии поясом. В широком применении мягких доспехов сомневаться не приходится [Горелик, 1993а, с. 151, 172; Горелик, 1993б, с. 83, 90, 91; Кызласов И.Л., , 1990, с. 188], но для подробного анализа на нашем материале, данных явно недостаточно. Панцири из твердых материалов относятся к одному разряду — без мягкой основы (детали панциря соединяются непосредственно между собой) и одному разделу — гетерогенные (панцирь состоит из относительно небольших частей, непосредственно не связанных с формой человеческого тела). По структуре бронирования делятся на отделы: I — ламеллярные (панцирь набирается из отдельных пластин, которые соединяются в горизонтальные, реже

вертикальные, ряды-полосы, а затем такие полосы связываются между собой. Пластины соединяются через систему сквозных отверстий при помощи ремешков, тесемок или шнуров); II — ламинарные (панцирь набирается из сплошных горизонтальных, реже вертикальных пластин-полос, которые связываются между собой по выше указанному принципу); III — комбинированные, ламеллярно-ламинарные (при наборе панциря используется две структуры, как правило более важные части состоят из отдельных пластин, а менее важные из пластин-полос). По покрою, внутри каждого отдела, выделяются типы панцирей, у последних — варианты, отмечающие наличие дополнительных деталей и их структуру.

Отдел I. Тип 1 — «кираса», состоит из двух частей: нагрудника и наспинника, соединенных оплечными и боковыми ремнями (рис. 6.—11). Защищала корпус воина до талии или до бедер включительно. Четко читается на 5 фигурах (рис. 2.—1, а, в; рис. 3.—2, 4б, в). И одна под вопросом, поскольку изображение перекрыто выбивкой (рис. 2.—4). На одной «кирасе» показаны треугольные оплечья окантовывающие проймы для рук (рис. 2.—1в). Они должны были иметь разрезы по плечам, которые после надевания шнуровались и заменяли или дополняли ремни. Вариант а) — с полными ламинарными нарукавьями (рис. 3.—4в). К оплечным ремням крепились лопастевидные, чаще в виде прямоугольника, дополнительные детали, которые закрывали руки до локтя — короткие, или до кистей — полные. С внутренней стороны руки подобные лопасти-нарукавья могли стягиваться ремнями. Они непосредственно не влияют на покрой защиты корпуса, не составляя с ним единое целое и их наличие или отсутствие не служит типологическим признаком.

Тип 2 — «длиннополая катафракта» с двухчастным подолом, состоит из нагрудника, наспинника и подола из двух прямоугольных лопастей, которые являются продолжением нагрудника и закрывают ноги спереди и боков до голени включительно (рис. 6.—15). Изображена на четырех фигурах (рис. 2.—2, 3; рис. 3.—7; Гаврилова, 1965, табл. VI.—2). Вариант а) — с полными ламинарными нарукавьями (рис. 2.—3). Вариант б) — с полными ламеллярными нарукавьями (рис. 3.—7).

Тип 3 — «длиннополый халат» скроен из одной части со сплошным вертикальным разрезом впереди и разрезом от крестца до края подола сзади. Длина подола до голени включительно. Имел оплечные ремни и шну-

ровался спереди. Для свободного движения рук предусматривались вырезы (рис. 6.—10). Подразумевается на трех фигурах (рис. 1.—3; Окладникова, 1988, рис. 3.—1). Вариант а) — с высоким стоячим воротником из пластин (рис. 1.—3). Такие воротники набирались из ламеллярных пластин крепившихся к кожаной или металлической основе, заменяющей оплечные ремни с разрезом по горлу (рис. 6.—10).

Отдел II. Тип 4 — «кираса» (рис. 6.—8). Изображена на трех фигурах (рис. 1.—1а, 2а; рис. 3.—1).

Тип 5 — «длиннополая катафракта» с двухчастным подолом (рис. 6.—12). Читается на двух фигурах (рис. 3.—3а, 4а). Вариант а) — с короткими ламинарными нарукавьями (рис. 3.—4а).

Тип 6 — «короткополый халат», по покрою во всем аналогичен типу 3, но с более коротким до колен подолом (рис. 6.—9). Подразумевается на трех фигурах (рис. 1.—2б, 5; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6).

Отдел III. Тип 7 — «длиннополая катафракта» с двухчастным подолом (рис. 6.—14). Изображена на одной фигуре (рис. 3.—6а). Вариант а) — с полными ламинарными нарукавьями.

Тип 8 — «длиннополая катафракта» с четырехчастным подолом. Помимо двух лопастей подола продолжающих нагрудник, еще две лопасти продолжали наспинник, закрывая ноги сзади. После надевания боковые разрезы подола могли связываться (рис. 6.—13). Изображена на одной фигуре (рис. 2.—16). Вариант а) — с короткими ламинарными нарукавьями.

«Кираса» является древнейшим покроем панциря, глубоко традиционным для восточноазиатского региона [Горелик, 1993а, с. 161; Горелик, 1993б, с. 125]. Аналогичные горноалтайским (тип 1,4) изображения «кирас» известны с территории Китая IV–VI вв. н.э., Кореи сер. IV в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 1.—16, рис. 3.—9, 10, 11, 13, рис. 4.—2], Минусинской котловины III–V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 2.—5, рис. 4.—1]. Из реальных панцирей такого покроя следует назвать экземпляр из Лаохэшень II–III вв. н.э. и экземпляр из Релки VII–VIII вв. н.э. [Лаохэшень, 1987, с. 138, 139; Чиндина, 1991, рис. 31.—А; Горелик, 1993а, рис. 13.—4]. На территориях с развитыми традициями бронничества «кираса», как отдельный тип доспеха, использовалась редко. В Китае пик ее применения приходится на VI в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.—9, 10, 11, рис. 4.—2; Могила с фресками..., 1995, с. 29, рис. 2]. В Ки-

тае IV–VI вв. н.э., а еще чаще в Корее IV–V вв. н.э. «кираса» усиливалась наноженками и нарукавьями [Горелик, 1993а, рис. 1.–14, 15; рис. 3.–8, 12, 15, 16; рис. 4.–6, 7, 8, 9; рис. 6.–1, 4, 7; Могила с фресками..., 1995, с. 29, рис. 4]. С середины I тыс. н.э. «кираса» начинает вытесняться более полными типами панцирей и в VIII в. н.э. практически исчезает. Что касается структуры бронирования «кирас», то наиболее древними и наиболее массовыми являются ламеллярные, ламинарные «кирасы» появляются, видимо, в IV в. н.э. в Китае и дольше всего применялись центральноазиатскими кочевниками [Горелик, 1993а, с. 171; Горелик, 1993б, с. 129; Горелик, 1987, с. 175].

«Длиннополая катафракт» самый популярный покрой панциря в эпоху средневековья. Он широко применялся в Восточном Туркестане в VII–X вв. н.э., Согдиане в VI–VIII вв. н.э., Северном Китае в VI–VIII вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 5.–11, рис. 6.–2, 5, 8; Горелик, 1995, табл. 52.–14, 15, 19; Дьяконова, 1984, рис. 12; Гумилев, 1949, рис. 1.–4, 6; Распопова, 1980, рис. 56, 60]. Встречаются такие панцири у таштыкских воинов III–V вв. н.э., можно предполагать их применение воинами одицовской культуры лесостепного Алтая в сер. IV–V вв. н.э. и кенкольской культуры Семиречья в III–V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 4.–3; Горбунов, 1993б, рис. 4.–6; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 8–10]. Изображены они у всадников на горе Хар-Хад, VI–VII вв. н.э. [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6, рис. 9.–1]. Данный покрой использовался и во II тыс. н.э. в киданьском и монгольском доспехе [Горелик, 1987, рис. 2.–1, 2, 4]. Структура набора «длиннополых катафракт» весьма разнообразна — это целиком ламеллярные (тип 2), ламинарные (тип 5) и комбинированные (тип 7, 8) панцири. В последнем случае защита корпуса (наспинник и нагрудник) чаще всего набиралась из ламеллярной структуры, а защита ног (подол) делалась ламинарной. Дополнительные защитные детали — нарукавья, судя по изображениям горноалтайских панцирей, чаще были ламинарными, несколько реже — ламеллярными.

Панцири покроя «халат» (тип 3, 6) появляются в Северном Китае со II в. до н.э. и к середине I тыс. н.э. широко распространяются у кочевников Центральной и Средней Азии [Горелик, 1987, с. 180]. «Короткополый халат» (тип 6) применялся в Японии IV–V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 1.–21, рис. 3.–17], там он делался ламеллярным и мог допол-

няться наноженками и короткими нарукавьями той же структуры и невысоким стоячим воротником. Ближе всего горноалтайским «короткополые халаты» таштыкских воинов III–V вв. н.э., которые отличаются только структурой брони, ламеллярная вместо ламинарной [Кызласов И.Л., 1990, рис. 3.–1, 2]. Панцири типа 6 наиболее широко применялись в эпоху «великого переселения народов» и очень редко в раннем средневековье, хотя сама идея короткого подола получила в последней четверти I тыс. н.э. широкое развитие. «Длиннополые халаты» (тип 3) известны в Восточном Туркестане в IV–X вв. н.э., Согдиане в IV–VIII вв. н.э., Северном Китае в IX в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–6–10; Горелик, 1995, табл. 52.–1, 3, 7, 17, 18; Дьяконова, 1984, рис. 8; рис. 9; Распопова, 1980, рис. 55, 57]. Они имеют разную структуру набора, чаще ламеллярную, реже ламинарную и более сложные варианты, снабжаются нарукавьями, а часть из них высокими стоячими воротниками. Аналогичные панцири использовались воинами таштыкской культуры в III–V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 1–4; рис. 3.–3, 4, 5]. Есть «длиннополый халат» и на одном из воинов с Хар-Хада, VI–VII вв. н.э. [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7, рис. 9.–2]. Такая деталь, как стоячие воротники, выходит из употребления к рубежу V–VI вв. н.э., сохраняясь некоторое время в Восточном Туркестане и гораздо дольше в Китае [Горелик, 1995, с. 409, 410].

Анализ изображений горноалтайских панцирей и рассмотренные аналогии позволяют прийти к следующим выводам. Панцири типа 1, 4 датируются в рамках III–VIII вв. н.э. (тип 4, вероятнее, с IV в. н.э.). Местом их происхождения является Северный Китай и, возможно, Корея, откуда через Центральную Азию они попали в Южную Сибирь и Горный Алтай, в частности. В передаче этих типов доспеха решающая роль вероятнее всего принадлежала хуннам и сяньбичам. Панцири типа 2, 5, 7, 8 появляются в Южной Сибири не ранее III в. н.э. и являются продуктом развития центральноазиатского доспеха на основе заимствованной «кирасы». Можно предположить, что не последнюю роль здесь сыграли территории периферийные по отношению к самой Центральной Азии: Семиречье, юг Западной Сибири, Горный Алтай, Минусинская котловина. Значительная типологическая вариативность «длиннополой катафракт» и длительное существование во времени на названных землях говорят об автохтонности этого покроя по отношению к

центральноазиатскому региону. Этнотипами наиболее активно использовавшими «катафракты» в своей паноплии были тюрки, кидани, монголы. Панцири типа 3,6 имели в Южной Сибири не столь широкое и длительное применение. Тип 6 бытовал в III–V вв. н.э. и для Горного Алтая и Минусы мог быть автохтонным доспехом, хотя не исключено влияние Дальнего Востока (возможно, Японии через Корею). Тип 3 фиксируется по южносибирским изображениям тоже в рамках III–V вв. н.э., о чем дополнительно свидетельствуют стоячие воротники на ряде панцирей этого типа, но без них, мог применяться и в более позднее время, судя по рисунку с Монгольского Алтая. Появление «длиннополого халата» надо связывать либо с территорией Средней Азии, либо с Северным Китаем через Центральную Азию.

2. Шлемы на горноалтайских петроглифах изображены общим контуром и, как правило, сливаются с головой человека. Часть шлемов имеет внутреннюю штриховку в виде «сетки» — ламеллярная структура (рис. 3.–2) или в виде линий, разбивающих шлем на сектора (рис. 1.–3; рис. 2.–1а,3; рис. 3.–6а). У некоторых фигур «сеткой», горизонтальными линиями или вертикальными штрихами показана бармица — ламеллярная и ламинарная (рис. 1.–5; рис. 2.–1б,в, 2; рис.3.–2,6а). В тех случаях, когда контур шлема сферический и без штриховки, не всегда можно с полной уверенностью сказать, что это шлем, но наличие плюмажей на ряде таких изображений безусловно указывает на боевое наголовье. Видимо и там, где плюмажей нет также подразумеваются шлемы, даже несмотря на косы имеющиеся на голове (рис. 1.–2а; рис. 2.–1в; рис. 3.–7). В пользу этого говорят рисунки конических и сфероконических шлемов, у которых показаны развевающиеся косы (рис. 1.–3; рис. 2.–2; рис. 3.–1). Вероятно, это один из художественных приемов для передачи боевого наголовья и прически одновременно, хотя можно предположить, что заплетенные в косы волосы выглядели из под бармицы. Находки подлинных шлемов редки, в памятниках Горного Алтая VI–IX вв. н.э. встречены железные пластины от ламеллярных бармиц и обломки от ламеллярного и клепанного шлемов [Горбунов, 1994, с. 111; Соенов, Эбель, 1997, рис. 3.–2; Кубарев Г.В., 1991, с. 61]. Классификация шлемов во многом совпадает с признаками, выделенными для панцирей. Горноалтайские шлемы можно отнести к одной группе — из твердых материалов, к од-

ному разряду — без мягкой основы (имеется ввиду, что купол шлема не нашивался на подшлемник). По принципу крепления составляющих шлема выделяются разделы: I — на ремennom креплении (части формирующие купол, наверхие, обруч шлема крепятся между собой ремешками, шнурами, тесьмой, т.е. достаточно мягким и эластичным материалом), II — клепанные (части шлема соединяются металлическими заклепками, образующими жесткое неподвижное крепление). По структуре набора главной части шлема — купола-тульи выделяются отделы: I — ламеллярные (купол набирается из 2–3 горизонтальных рядов состоящих из отдельных пластин, форма и система отверстий которых похожи на панцирные); II — из узких пластин-полос (купол составляется из вертикальнорасположенных пластин, образующих один горизонтальный ряд, ширина таких пластин небольшая, а количество от 8–10 и выше); III — из широких пластин-секторов (купол формируют крупные пластины числом от 2 до 6); IV — цельнокованные (купол шлема выкован из одного листа железа необходимой формы). Установить точное соотношение между разделами и отделами на изобразительном материале сложно. Учитывая подлинные шлемы можно сказать, что I раздел мог включать отделы I и II, причем в I отделе применялось только ремнное крепление. Ко II разделу относятся отделы II, III, IV, из которых последние два собирались только с помощью заклепок. Можно было говорить о том, что цельнокованные шлемы вообще относятся к самостоятельному разделу, но это верно лишь по отношению к конструкции купола, тогда как другие детали этих шлемов — обруч, наверхие, соединялись с тульей теми же заклепками и, следовательно, должны считаться клепанными. Типологически важной конструктивной деталью шлема является каркас, соединяющий обруч с наверхием и скрепляющий сектора купола. Однако, по наскальным рисункам выделить такую деталь практически невозможно. Рассматривая подлинные шлемы, надо заметить, что каркас не характерен для ламеллярных и узкопластинчатых шлемов и не нужен цельнокованным [Горелик, 1993а, рис. 7.–21, 23; рис. 9.–9,11,22,23,24,32,35]. Многие более частные конструктивные признаки шлемов, например, отсутствие обруча, наверхия, наличие лобовой пластины с наносником и т.д., также не различимы на наскальных изображениях. У ламеллярных и узкопластинчатых шлемов металлический

обруч мог заменяться окантовкой из кожи и материи или отсутствовать [Горелик, 1993а, рис. 9.-9,23,32; Обзор..., 1993, рис. 20; Лэохэшень, 1987, с. 140]. Цельнокованные шлемы иногда обходились без отдельных обруча и навершие [Горелик, 1987, рис. 11.-15,16]. Пока не изучены подлинные горноалтайские шлемы, суждения о их конструктивных особенностях носят лишь самый предварительный характер. Гораздо лучше обстоит дело с формой боевых наголовий, изображенных на горноалтайских рисунках. Она традиционна и легко узнаваема даже в стилизованном виде. По форме купола-тульи и навершия наши шлемы делятся на типы, а по покрою и структуре бармицы дополняются вариантами.

Тип 1 — сферический, с уплощенным навершием, имеющим втулку для плюмажа или без нее (рис. 6.-2). Вариант а) — с закрытой ламеллярной бармицей (рис. 2.-1в; рис. 3.-2). Бармица защищает шею целиком, оставляя открытым лицо, завязываясь ремешками по вертикальному разрезу на горле. Предполагается на 17 фигурах (рис. 1.-1б,г, 2; рис. 2.-1в; рис. 3.-2,3,4,6б,7; Окладникова, 1988, рис. 3.-1). О конструктивных особенностях позволяет судить один рисунок (рис. 3.-2). На нем шлем заштрихован «сеткой», следовательно, относится к отделу ламеллярных и разделу на ремennom креплении. Еще на одном рисунке, возможно, показана полоса каркаса (рис. 3.-6б) и логично предположить клепаный (раздел III) шлем с секторным куполом (отдел III). Остальные изображения не имеют внутренних деталей. Единственное предположение в этом случае — цельнокованные шлемы, но большая редкость находок таких шлемов, да и их подробных изображений в I тыс. н.э. [Горелик, 1993а, с. 165, 166] не позволяет относить наши шлемы к IV отделу. Скорее всего, перед нами стилизованное изображение шлемов I, II, возможно, III отделов.

Тип 2 — сфероконический, с полушаровидным навершием (рис. 6.-1). Вариант а) — с ламеллярной бармицей (рис. 1.-3). Вариант б) — с открытой ламинарной бармицей (рис. 1.-5). Бармица защищала шею сзади и боков, оставляя открытым лицо и горло. Изображены на трех фигурах (рис. 1.-1а, 3,5). Судя по аналогиям тульи таких шлемов собирались из специально изогнутых узких пластин-полос (отдел II), крепившихся ремешками (раздел I) или заклепками (раздел II). Полосы купола изгибались таким образом, что придавали шлему ярусность. Нижний ярус имел сферическую форму,

верхний — коническую [Горелик, 1993а, рис. 7.-21, рис. 9.-9,22].

Тип 3 — сфekonический, со сферическим куполом и коническим навершием, глухим или в виде втулки для плюмажа (рис. 6.-5). У некоторых экземпляров втулка переходит в высокий шпиль, к которому крепится флажок (рис. 2.-3; рис. 6.-6). Вариант а) — с ламеллярной бармицей (рис. 2.-3). Вариант б) — с ламинарной бармицей (рис. 3.-6а). Читается на четырех фигурах (рис. 1.-1в,4; рис. 2.-3; рис. 3.-6а). Два изображения заштрихованы вертикальными линиями (рис. 2.-3; рис. 3.-6а), передающими узкопластинчатую структуру (отдел II). Два других либо секторные (отдел III) или, скорее всего, тоже узкопластинчатые.

Тип 4 — конический, форма купола и навершия совпадают, последнее может иметь втулку для плюмажа или нет (рис. 6.-4). Вариант а) — с ламеллярной бармицей (рис. 2.-2). Изображены на четырех фигурах (рис. 2.-2; рис. 3.-1; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6). Все рисунки не имеют штриховки, вероятнее предполагать у данных шлемов узкопластинчатую или секторную структуру.

Тип 5 — вогнутоконический, лобовая часть тульи и навершие имеют характерный изгиб, придающий шлему указанную форму (рис. 6.-7). Читается на одной фигуре (рис. 2.-4). Конструкция шлема не ясна, менее всего вероятно его принадлежность к отделу IV, более всего вероятно изображение секторного купола (отдел III) без прорисовки деталей.

Тип 6 — яйцевидноприостренный, с яйцевидным куполом и коническим глухим навершием (рис. 6.-3). Зафиксирован на одной фигуре (рис. 2.-1а). Внутри рисунок шлема имеет штриховку в виде знака «/», передающего четырехсекторную структуру купола. Данный тип, соответственно, относится к III отделу и II разделу.

Всего из 34 рассмотренных фигур воинов, шлемы подразумеваются у 30. На одном рисунке воин, видимо, показан без шлема [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. У трех изображений головы воинов испорчены (рис. 2.-1б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2). Правда, у двоих из этих воинов читаются ламеллярные бармицы (рис. 2.-1б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2), что безусловно говорит о наличии шлемов.

Сферические шлемы (тип 1) — одни из самых распространенных и древних форм боевых наголовий. В ламеллярном (отдел I)

исполнении они впервые появляются в Китае в III в. до н.э. [Горелик, 1993а; с. 166], позднее известны у кушан Северной Индии в III–IV вв. н.э., в Китае — в VI и XI вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.–10, рис. 4.–1; рис. 7.–6; рис. 9.–32]. Более широко распространены сферические шлемы узкопластинчатой конструкции (отдел II); в Согдиане — в IV в. н.э., Восточном Туркестане — в IV–VII вв. н.э., Китае — в III–VIII вв. н.э., Корее — в IV–V вв. н.э., Японии — в IV–VI вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–6,9; рис. 3.–4, 7,16; рис. 5.–11; рис. 9.–14,19,20; Горелик, 1995, табл. 54.–16; Дьяконова, 1984, рис. 8, 9]. Шлемы первого типа с куполом, сделанным из секторов (отдел III), использовались в Восточном Туркестане в VII–X вв. н.э., Китае — в VI в. н.э., Корее — в VIII–IX вв. н.э., у киданей — в X–XII вв. н.э. и монголов — в XIII–XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.–9; рис. 6.–7,8; рис. 7.–25,26; Горелик, 1995, табл. 54.–9, 10, 12, 15, 19, 28, 31, 32; Дьяконова, 1984, рис. 12; Горелик, 1987, рис. 2.–1,4; рис. 6.–1,13; рис. 11.–8]. Наконец, цельнокованные сферические шлемы (отдел IV) изредка фиксируются на изобразительном материале Согдианы в IV в. н.э. и Китая в VI в. н.э. и гораздо чаще у монгольских воинов XIII–XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–8, рис. 3.–11, рис. 6.–6; Могила с фресками..., 1995, с. 29.–4; Горелик, 1987, рис. 6.–7,8,11,12; рис. 11.–10,11,12]. В одном случае сферический шлем изображен на таштыкском воине III–V вв. н.э. [Кызласов, 1990, рис. 4.–5], но как и на многих горноалтайских структура его не понятна.

Сфероконические шлемы второго типа с массивным полушаровидным навершием являются оригинальным боевым навершием, характерным для территории Кореи и Японии IV–V вв. н.э., с одной стороны, и для Северного Кавказа III–V вв. н.э. и Центральной Европы VI–VII вв. н.э., с другой [Горелик, 1993а, рис. 4.–6,8; рис. 7.–21; рис. 9.–9,10,22]. Они всегда узкопластинчатой структуры (отдел III). В Южной Сибири, помимо Горного Алтая, такие шлемы изображены у воинов таштыкской культуры Минусы III–V вв. н.э. Там, в одном случае, структура шлема не показана, а на другом рисунке изображен ламеллярный купол с налобной пластиной-наосником и назатыльником-бармицей [Кызласов И.Л., 1990, рис. 2.–3; рис. 4.–2], сильно напоминающий аварский образец [Горелик, 1993а, рис. 7.–21].

Сфероконические шлемы третьего типа — самые популярные боевые наголовья, начиная

с эпохи средневековья. Они известны в Согдиане в VI–VIII вв. н.э., Восточном Туркестане — в VII–IX вв. н.э., Китае — в III–VI вв. н.э., Корее — в IV в. н.э., у киданей в X–XII вв. н.э. и монголов в XIII–XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.–5,6; рис. 4.–7; рис. 6.–2,3; Горелик, 1995, табл. 54.–7, 17, 22,29; Распопова, 1980, рис. 50.–1, 51, 56, 57,59; Горелик, 1987, рис. 2.–3,10,11–17,9, 14–16]. Для них присуща любая структура купола, за исключением, пожалуй, ламеллярной. В сопредельных с Горным Алтаем территориях шлемы третьего типа использовались таштыкскими воинами в III–V вв. н.э., тюрками Монгольского Алтая в VI–VII вв. н.э., воинами релкинской культуры в VI–IX вв. н.э. [Кызласов, И.Л. 1990, рис. 1.–2; рис. 2.–4; рис. 3.–5, рис. 4.–1,3; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 10.–1; Чиндина, 1991, рис. 31.–10].

Шлемы конической формы (тип 4) применялись достаточно широко еще с эпохи поздней древности. В IV–V вв. н.э. в Восточном Туркестане, в Китае — в III–IV вв. н.э., Корее — в IV–V вв. н.э., Японии — в V–VI вв. н.э., у воинов Минусинской котловины — с III по X вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–3–5; рис. 3.–4, 12,15; рис. 4.–9; рис. 9.–6,8,11, 15–17; Кызласов И.Л., 1990, рис. 1.–4, рис. 3.–1; Евтюхова, 1948, рис. 187; Кызласов Л.Р., 1969, рис. 41]. Чаще они имели узкопластинчатую конструкцию (отдел II), реже — ламеллярную, секторную и, возможно, цельнокованную конструкцию.

Боевые наголовья вогнутоконической формы (тип 5) очень редки. В Восточном Туркестане есть изображение шлема точно такой же формы, ламеллярной структуры на статуэтке тюркского всадника VII–VIII вв. н.э. [Гумилев, 1949, рис. 6]. Шлемы подобной формы, несколько меньшей высоты, применялись европейскими рыцарями в XI–XII вв. н.э.

Яйцевидные шлемы известны в Китае во II–VI вв. н.э., Японии — в V–VI вв. н.э., с одной стороны, в Восточной и Центральной Европе — в IV–VI вв. н.э., с другой [Горелик, 1993а, рис. 3.–17; рис. 6.–5; рис. 9.–5, 13, 23, 27, 28; Лаохэшень, 1987, с. 140]. Конструкция их купола узкопластинчатая или секторная. Более точные аналогии горноалтайскому изображению шлема шестого типа встречаются в Минусе и Восточном Туркестане — это яйцевидноприостренные наголовья ламеллярной структуры у таштыкских воинов III–V вв. н.э. и на статуэтках тюркских воинов VII–VIII вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 3.–4; Гумилев, 1949, рис. 1.–4; Лубо-Лесниченко, 1984, рис. 48а, 49; Горелик, 1995, табл. 54.–35,37, с. 425].

Рассмотрев материал, касающийся изображений горноалтайских шлемов, можно наметить хронологические рамки существования отдельных типов, а также коснуться возможных путей их происхождения. Шлемы первого типа бытовали очень длительное время — с конца I тыс. до н.э. по середину II тыс. н.э. Их появление в Горном Алтае связано с эпохой «великого переселения народов», видимо, не ранее III в. н.э. из Китая и Дальнего Востока, через Центральную Азию посредством хуннов и сяньбийцев. Нельзя также исключать влияния через Среднюю Азию. Различные сочетания формы этих шлемов с конструкцией тульи имеют более конкретные периоды применения: I отдела — III в. до н.э.—IX в. н.э., II отдела — III–VIII вв. н.э., III отдела — VI–XIV вв. н.э., IV отдела — IV–XIV вв. н.э. Шлемы второго типа использовались в Восточной Азии лишь в III–V вв. н.э. и именно в это время они известны в Южной Сибири. Скорее всего, их появление следует связывать с влиянием из Кореи и Японии, но нельзя исключать и самостоятельного возникновения данных шлемов в Горном Алтае и Минусе. В дальнейшем шлемы второго типа с волнами «великого переселения» попадают в Европу. Шлемы третьего типа формируются в центральноазиатском регионе и уже в III–V вв. н.э. известны в Южной Сибири. Здесь вероятнее центральноазиатское влияние на Китай и Дальний Восток и продвижение на Запад. Подавляющее преобладание шлемы данной формы получают в монгольское время. Четвертый тип формируется на территории Китая в III в. н.э., откуда распространяется на Центральную Азию и Южную Сибирь, где используется дольше всего до конца I тыс. н.э. Шлемы пятого типа возникают на основе конических и в Восточной Азии применялись тюрками недолгое время, возможно, только в третьей четверти I тыс. н.э. Наконец, яйцевидные шлемы своим происхождением связаны с Северным Китаем, где появляются около II в. н.э. и откуда попадают в Южную Сибирь. Здесь они несколько модифицируются, получая приостренное навершие (тип 6) и в дальнейшем активно используются тюрками до VIII в. н.э. включительно. Нетрудно заметить, что почти все типы горноалтайских шлемов появляются в эпоху «великого переселения народов» (тип 1, 2, 3, 4, 6) и большая часть из них продолжает применяться в раннем средневековье (тип 1, 3, 4, 6). В последней четверти I тыс. н.э. происходит постепенное сокраще-

ние используемых типов и конструкций шлемов. Со II тыс. н.э. ведущей формой становится сфероконическая (тип 3), сохраняется сферическая (тип 1), преобладающей структурой является цельнокованный купол, хотя еще долго используются тульи, собранные из секторов.

II. Конский доспех по своему размещению делится на два вида: 1. Попона (защита корпуса и шеи коня). 2. Наголовье (защита головы коня).

1. Попона на петроглифах передается либо самостоятельным контуром, надетым на корпус коня и заштрихованным, либо показана только штриховкой внутри контура коня. Броня изображена теми же приемами, что и на людях. Это горизонтальные (ламинарная), вертикальные и пересекающиеся (ламеллярная) линии. Отсутствуют только короткие штрихи. Из 22 учтенных фигур коней попона изображена у 19 (рис. 1.–1а, 6, 26; рис. 2.–1а, 6, 2, 3; рис. 3.–1, 2, 3а, 4, 5, 6а; Гаврилова, 1965, табл. VI.–2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46). На двух конях из этой серии она не доделана (рис. 2.–2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46). Небронированны всего три фигуры (рис. 1.–2а; рис. 3.–66; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2), причем одна из них не закончена, а точнее дорисована в спешном порядке (рис. 3.–66). Еще у двух всадников кони испорчены (рис. 2.–4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2). Классификация попон совпадает с панцирями. Все попоны относятся к одной группе — из твердых материалов, одному разряду — без мягкой основы и одному разделу — гетерогенные. По структуре бронирования выделяются отделы: I — ламеллярные, II — ламинарные, III — комбинированные. По покрою попоны делятся на типы. За основу покроя здесь принимаются отдельные части попоны, набранные из пластин и полос, которые прикрывают определенный участок корпуса коня и соединяются с другими частями посредством ремней, сохраняя необходимую гибкость конструкции.

Отдел I. Тип 1 — одночастная, попона состоит из одного листа, закрывающего шею коня — нашейника (рис. 4.–1). Эта часть обрачивалась вокруг шеи коня и крепилась ремнями на гриве, для чего последняя прокладывалась мягким материалом. Фиксируется на трех фигурах (рис. 1.–26; рис. 3.–1, 5). Еще у трех коней с кудыргинского валуна изваяния можно предполагать такие нашейники [Гаврилова, 1965, табл. VI.–2]. Там они показаны несколько иным способом. Если

на конях с Кара-Оюка и Шалкобы нашейники изображены вертикальными линиями, закрывающими всю шею, то у кудыргинских коней это короткие горизонтальные линии, идущие по горлу и гриве. Штриховка по гриве, как и на многих других рисунках, обозначает ремни, крепящие нашейник через подкладку-нагивник. Сам нагивник, видимо, мог иметь специальные отверстия, из которых выпускалась подстриженная тремя зубцами грива (рис. 1.-1а,б; рис. 2.-2; рис. 3.-5). А вот линии по горлу могут трактоваться как нашейник ламеллярной структуры.

Тип 2 — четырехчастная, попона состоит из нашейника, двух боковин-нагрудников и накрупника (рис. 4.-4). Корпус коня закрывается двумя крупными листами, крепящимися между собой на груди и сзади. Нагрудная часть крепится также через гриву коня, а задняя — к отдельному листу, закрывающему круп. Не исключено дополнительное крепление ремнями крест на крест в центре боковин через спину коня. Подразумевается на двух фигурах (рис. 3.-2,4б).

Тип 3 — пятичастная, попона состоит из нашейника, нагрудника, двух боковин и накрупника (рис. 5.-3). Нашейник крепится между своими сторонами через гриву, нагрудник — через гриву и с боковинами, которые пристегнуты между собой сзади и с накрупником. Подразумевается на четырех фигурах (рис. 1.-1б; рис. 2.-1б,2,3).

Отдел II. Тип 4 — шестичастная, попона из двухстворчатого нашейника-полумаски, нагрудника, двух боковин и накрупника-назадника (рис. 5.-4). Нашейник представляет сложную конструкцию из двух самостоятельно набранных листов, связанных с ламинарной полумаской. Между собой листы крепятся ремнями через гриву и горло коня. Крепление на горле могло быть глухим, тогда нашейник напоминал две створки с одной отстегивающейся стороной. Нагрудник обычный, а вот боковины набраны из вертикальнорасположенных, связанных наглухо полос. Круп и задняя часть корпуса коня прикрыта одним листом, имеющим разрез от крестца до нижнего края, после надевания застегивающийся. Боковины пристегиваются к нагруднику и накрупнику-назаднику. Фиксируется на одной фигуре (рис. 2.-1а).

Отдел III. Тип 5 — четырехчастная, попона из нагрудника, двух боковин и накрупника (рис. 4.-2). Структура нагрудника ламеллярная, боковин и накрупника — ламинарная. Изображена на одной фигуре (рис. 3.-4а).

Тип 6 — четырехчастная, попона из ламеллярного нагрудника, двух ламинарных боковин и ламеллярного накрупника-назадника (рис. 4.-3). Показана на одной фигуре (рис. 3.-4в).

Тип 7 — четырехчастная, попона из ламеллярного нашейника-нагрудника, двух ламинарных боковин и ламеллярного накрупника (рис. 5.-1). Нагрудная часть и нашейник набраны одним листом, обернутым вокруг груди и шеи, скрепленным ремнями через гриву. Нагрудная часть крепится также к боковинам, которые скреплены между собой сзади и с накрупником. Фиксируется на одной фигуре (рис. 3.-6а).

Тип 8 — шестичастная, попона из двухстворчатого ламинарного нашейника, ламеллярного нагрудника, двух ламинарных боковин и ламинарного накрупника (рис. 5.-2). Изображена на двух фигурах (рис. 1.-1а; рис. 33,а; рис.3.-3а).

В Восточной Азии конский доспех появляется в Китае в V в. до н.э., откуда он был заимствован центральноазиатскими кочевниками — хуннами и сяньби [Горелик, 1993а, с. 170; Горелик, 1995, с. 428, 429]. Более широкое применение защиты верхового коня приходится на эпоху «великого переселения народов». Конские попоны, аналогичные горноалтайским, начинают применяться с этого времени. Их покрой весьма разнообразен, особенно вариabельны комбинации отдельных частей попоны. Не для всех выделенных типов можно найти точные подобия. Зато встречаются практически все конструктивные элементы, отмеченные у горноалтайских попон.

Покрой, идентичный типу 3, известен в Корее в IV в. н.э., в Китае — в IV–VII вв. н.э., на Монгольском Алтае — в VI–VII вв. н.э., у монголов — в XIII–XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-6,8; рис. 5.-4; рис. 6.-1,2,8; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7; Горелик, 1987, рис. 13.-2,4].

Аналогии типу 5 можно найти в Корее в III–IV вв. н.э., правда не ясно, имел ли там такой покрой накрупник [Горелик, 1993а, рис. 4.-5, рис. 11.-9].

Наиболее многочисленен покрой типа 7. Он применялся в Корее в IV–V вв. н.э., Китае — в VI–IX вв. н.э., на Монгольском Алтае — в VI–VII вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-7,9; рис. 5.-8,11; рис. 6.-3,7,9,14–26; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6].

Остальные типы горноалтайских попон не имеют точных аналогов. Типу 2 наиболее близок покрой попоны, используемый киданями.

нями и монголами. Отличие киданьского варианта в применении накрупника-назадника, у монголов нашейник двухстворчатый [Горелик, 1987, рис. 2.-6-8; рис. 13.-3,8]. Такая деталь горноалтайских попон, как накрупник-назадник (тип 4,6), известна в Корее в IV-V вв. н.э., Китае — в V-VI вв. н.э., у киданей — в X-XII вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 5.-9,12,14; рис. 6.-4; Могила с фресками..., 1995, с. 29.-4; Горелик, 1987, рис. 2.-6,7,8]. Двухстворчатый нашейник (тип 4,8) зафиксирован у монголов в XIII-XIV вв. н.э. и, вероятно, у тюрков в VI-VII вв. н.э. [Горелик, 1987, рис. 13.-1,3,8; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7].

Что касается структуры попон, то ламеллярная использовалась везде, где был конский доспех. Ламинарное бронирование характерно для Китая в V-VII вв. н.э., встречено в Корее в IV-V вв. н.э. и Восточном Туркестане середины VIII в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 5.-4; рис. 6.-12,13; Могила с фресками..., 1995, с. 29.-4; Горелик, 1995, с. 429, табл. 54.-5а]. Комбинированная, ламеллярно-ламинарная структура, кроме Горного Алтая, есть только на конях тюркских воинов с Хар-Хада [Новгородов, Горелик, 1980, рис. 6,7].

Из сопредельных с Горным Алтаем территорий конский доспех, помимо Монгольского Алтая, известен на изображениях III-V вв. н.э. таштыкской культуры, на единичных рисунках у древних хакасов VI-XII вв. н.э. и курыкан VI-X вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 3.-2,3; Евтюхова, 1948, рис. 174; Николаев, 1991, рис. 1.-1,3]. Таштыкские попоны ламеллярной структуры, но фрагментарность материала не позволяет судить о их покрое, курыканские также ламеллярные типа 3 и, возможно, типа 5, у древних хакасов — это ламинарный нашейник.

Находки деталей конской попоны редки. Они представлены железными пластинами из Кореи IV в. н.э. и Японии IV-V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 11.-7,8]. Ламеллярный накрупник из железных пластин был найден в тюркском погребении VIII-IX вв. н.э. в Туве [Овчинникова, 1990, с. 84, рис. 39.-5].

Говоря о развитии горноалтайской защитной попоны, надо отметить, что ее возникновение связано с территорией Северного Китая, где носителями данного доспеха являлись, прежде всего, сяньбийцы, чьи государства господствовали там в IV-VI вв. н.э. В Центральной Азии конский доспех использовался жужанями [Горелик, 1993а, с. 171], а затем тюрками, которые наладили его собственное

широкое производство. Горный Алтай, как один из металлургических центров тюркских земель [Зиняков, 1988], играл в этом отношении важную роль. Не случайно серия рисунков с изображением конского доспеха отсюда столь представительна и типологически разнообразна. Определенная роль в сложении горноалтайской попоны принадлежит корейскому доспеху. Типы 5 и 6 сформировались под воздействием ранних образцов корейской попоны III-IV вв. н.э. Типы 3 и 7 также повторяют более полный корейский покрой, известный там с IV в. н.э. Скорее всего, корейское влияние было опосредованным и шло через Китай. Остальные горноалтайские типы оригинальны и не имеют южных истоков. Видимо, они являются продуктом местного развития конского доспеха, который уже на раннем этапе приобрел самостоятельные черты. К таким особенностям относится широкое применение ламинарной и комбинированной структуры брони, которое давало возможность более массового ее производства. Не исключено, что ламинарная попоны появляется в Китае и Корее от центральноазиатских кочевников. Еще одной особенностью является использование максимально облегченного конского доспеха из одного нашейника (тип 1). Этот покрой наименее трудоемок и наиболее пригоден для массового вооружения. Именно попоны первого типа были заимствованы аvaraми, персами и византийцами в VI в. н.э. при продвижении тюркских войск на запад. Правда, помимо нашейника применялся также нагрудник [Горелик, 1993а, с. 171, рис. 14.-27], но сама идея восходит к типу 1. Многие горноалтайские типы попоны и ее отдельные элементы унаследовали кидани и сменившие их в Центральной Азии монголы. Кидани использовали накрупник-назадник, модифицировав его, сплошные боковины-нагрудники в сочетании с нашейником (тип 2), монголы — пятичастную (тип 3) и шестичастную попоны с двухстворчатым нашейником (тип 4, 8). Хронологические рамки существования горноалтайской попоны в целом охватывают III-X/XI вв. н.э. Конкретная датировка отдельных типов пока затруднительна. Предварительно можно сказать, что часть из них и отдельные элементы попоны бытовали и позднее в X-XIV вв. н.э. — это типы 2, 3, 4, 8, а типы 1, 5, 6, 7 видимо закончили свое развитие на рубеже I/II тыс. н.э.

2. Защитное наголовье коня на петроглифах нашей серии зафиксировано у 9 фигур (рис. 2.-1а,б,2,3; рис. 3.-5,6а; Гаврилова, 1965,

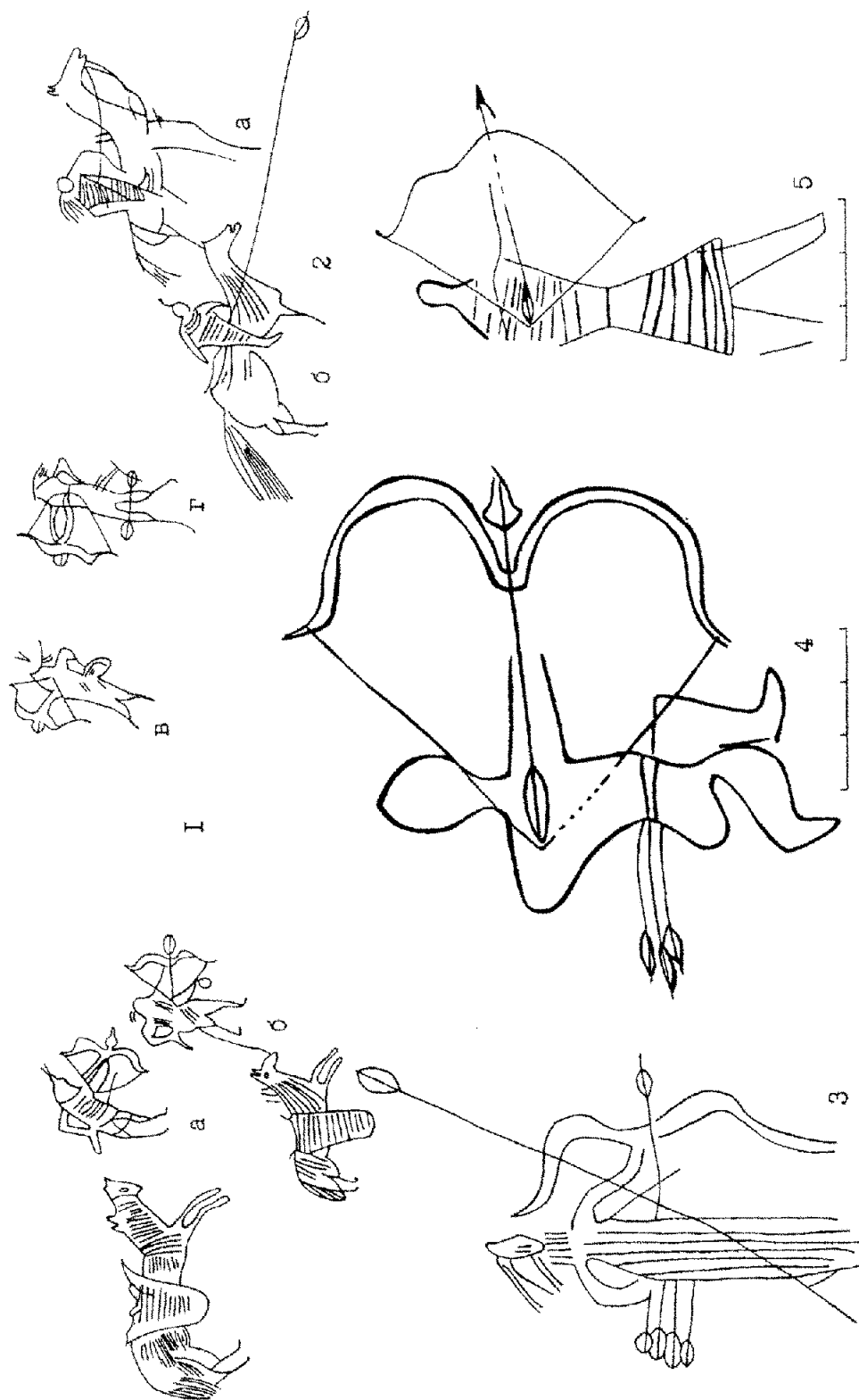

Рис. 1. 1, 2, 3 — Кара-Оюк (по Е.А. Окладниковой); 4, 5 — Бичекту-Бом (прорисовка автора).

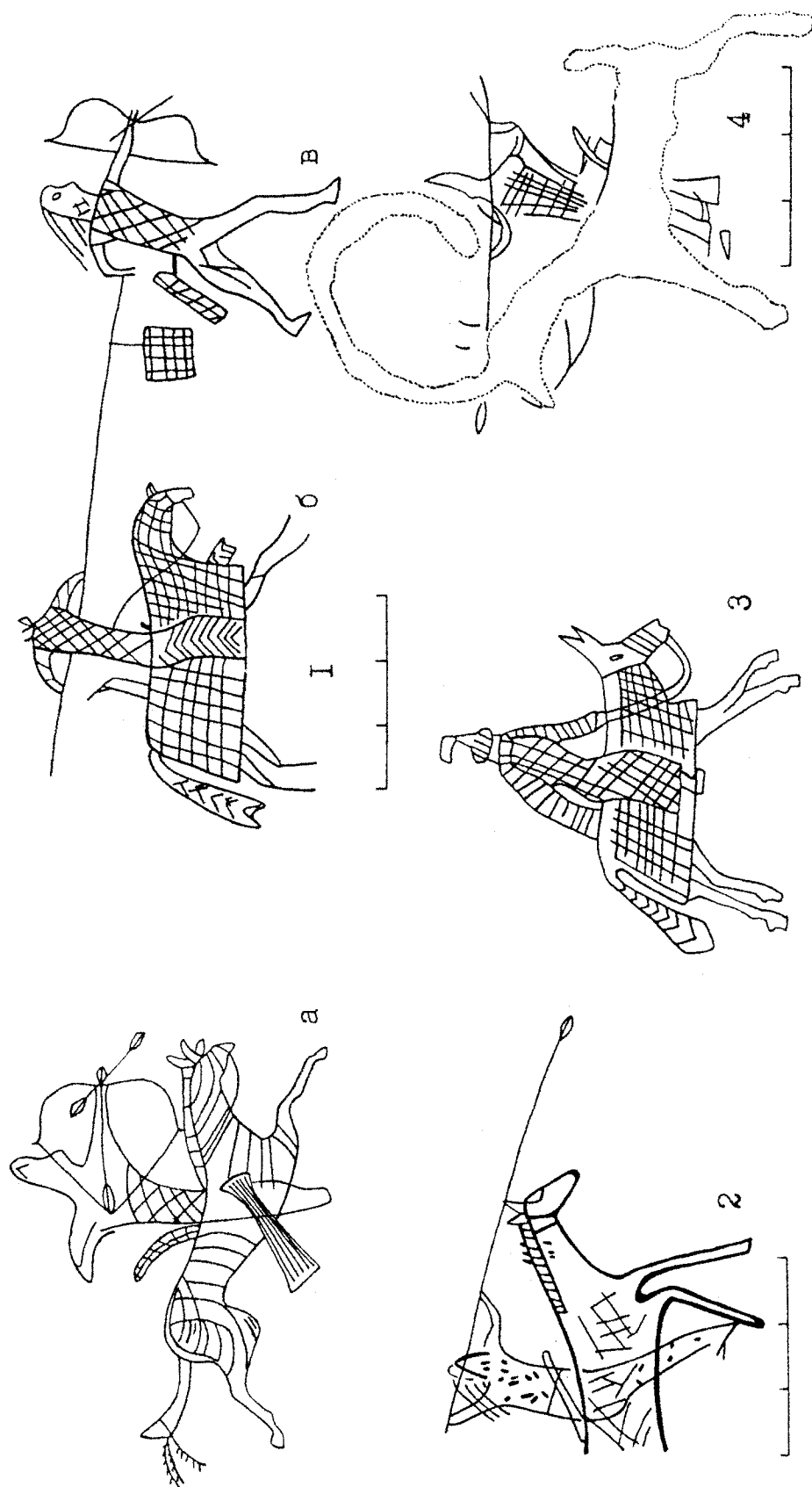

Рис. 2. 1 — Жалгыс-Тобе (прорисовка автора); 2 — Бичекту-Бом (прорисовка автора); 3 — Жалгыс-Тобе (по Е.А. Окладниковой); 4 — Жалгыс-Тобе (прорисовка И.Л. Кызласова).

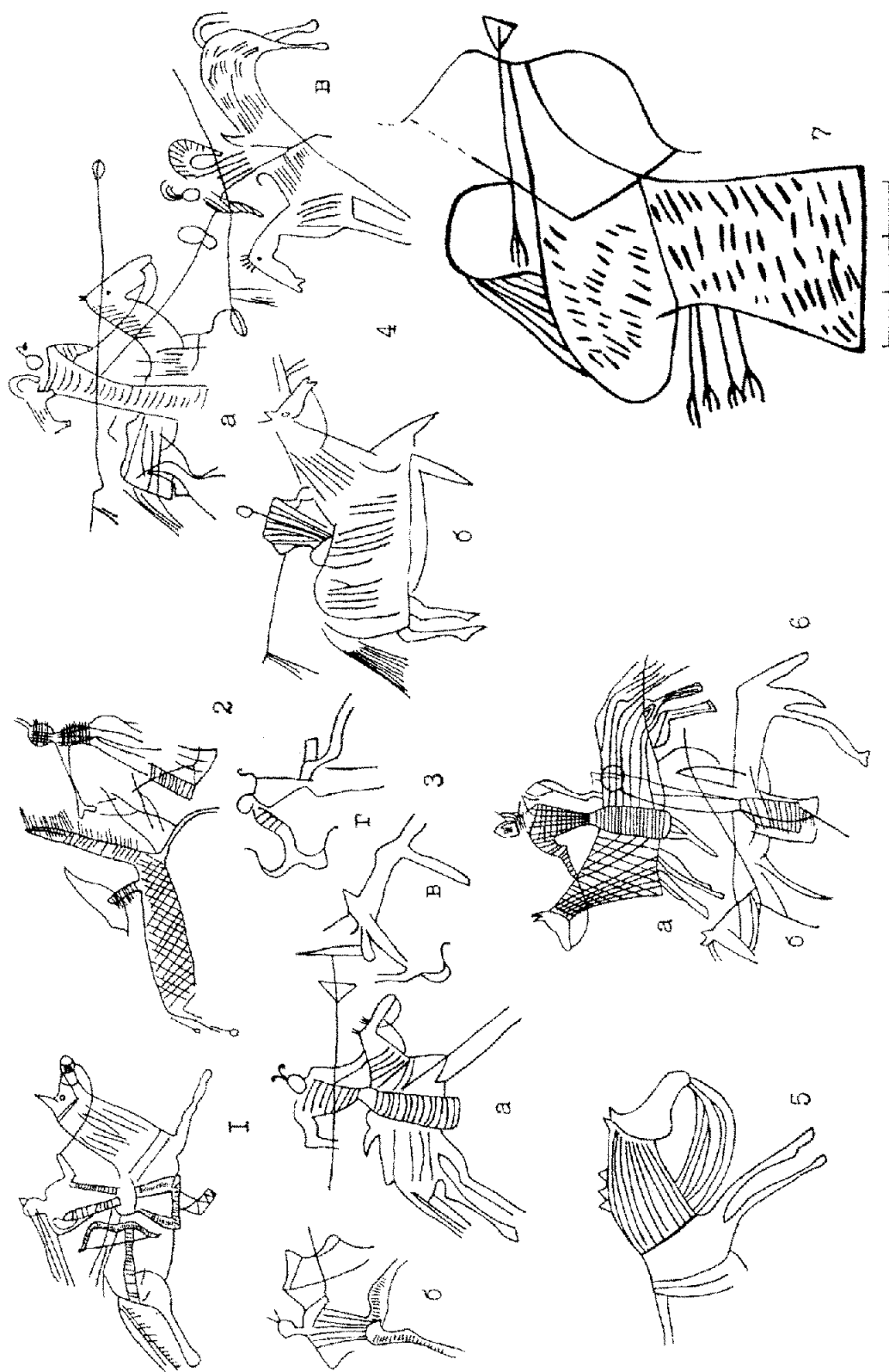

Рис. 3. 1, 2, 3, 4, 6 — Кара-Оюк (по Е.А. Окладниковой); 5 — Шалкобы (по Е.А. Окладниковой); 7 — Бицекту-Бом (по Е.А. Окладниковой).

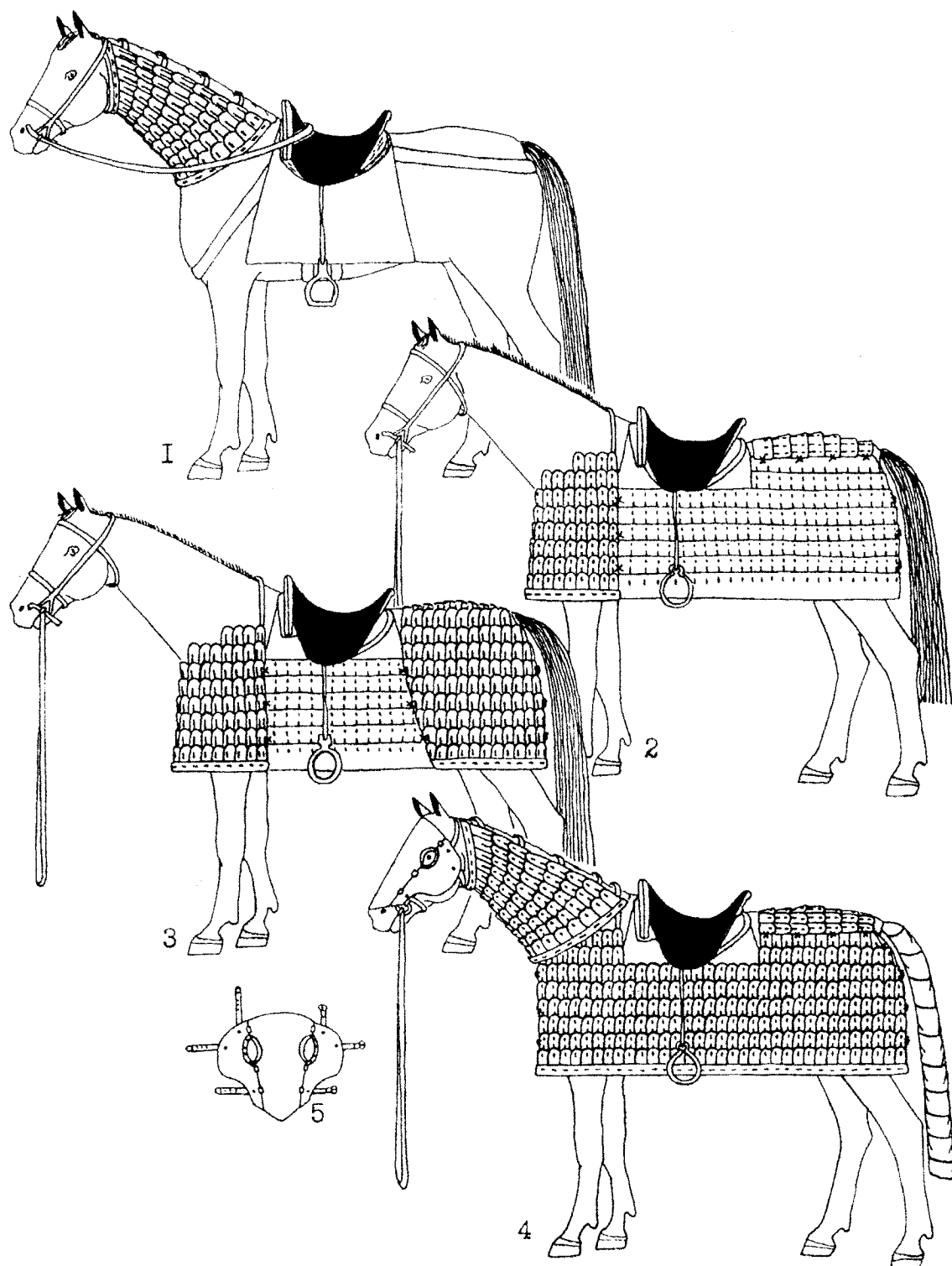

Рис. 4. Типы защитной попоны и наголовья (реконструкция).

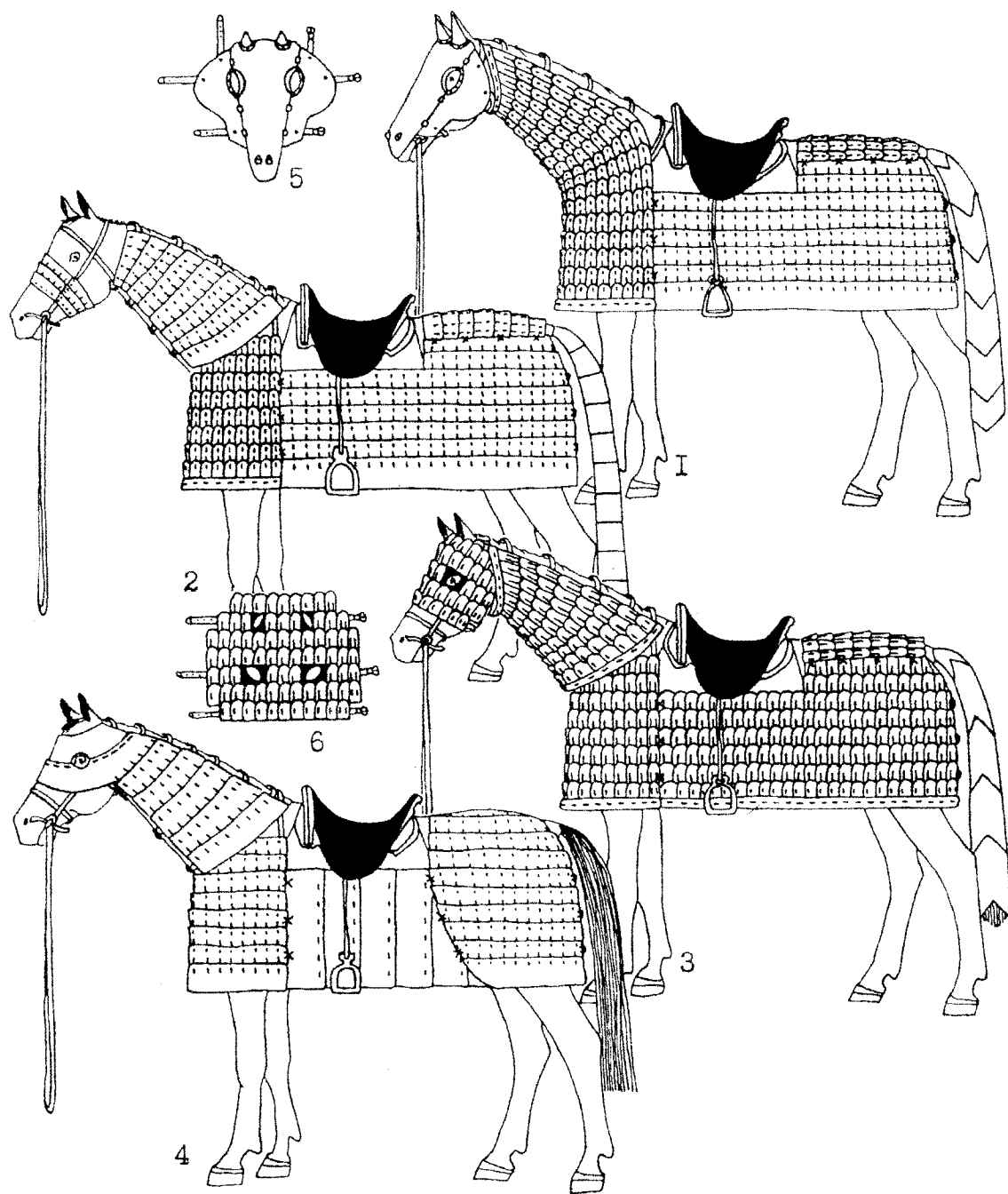

Рис. 5. Типы защитной попоны и наголовья (реконструкция).

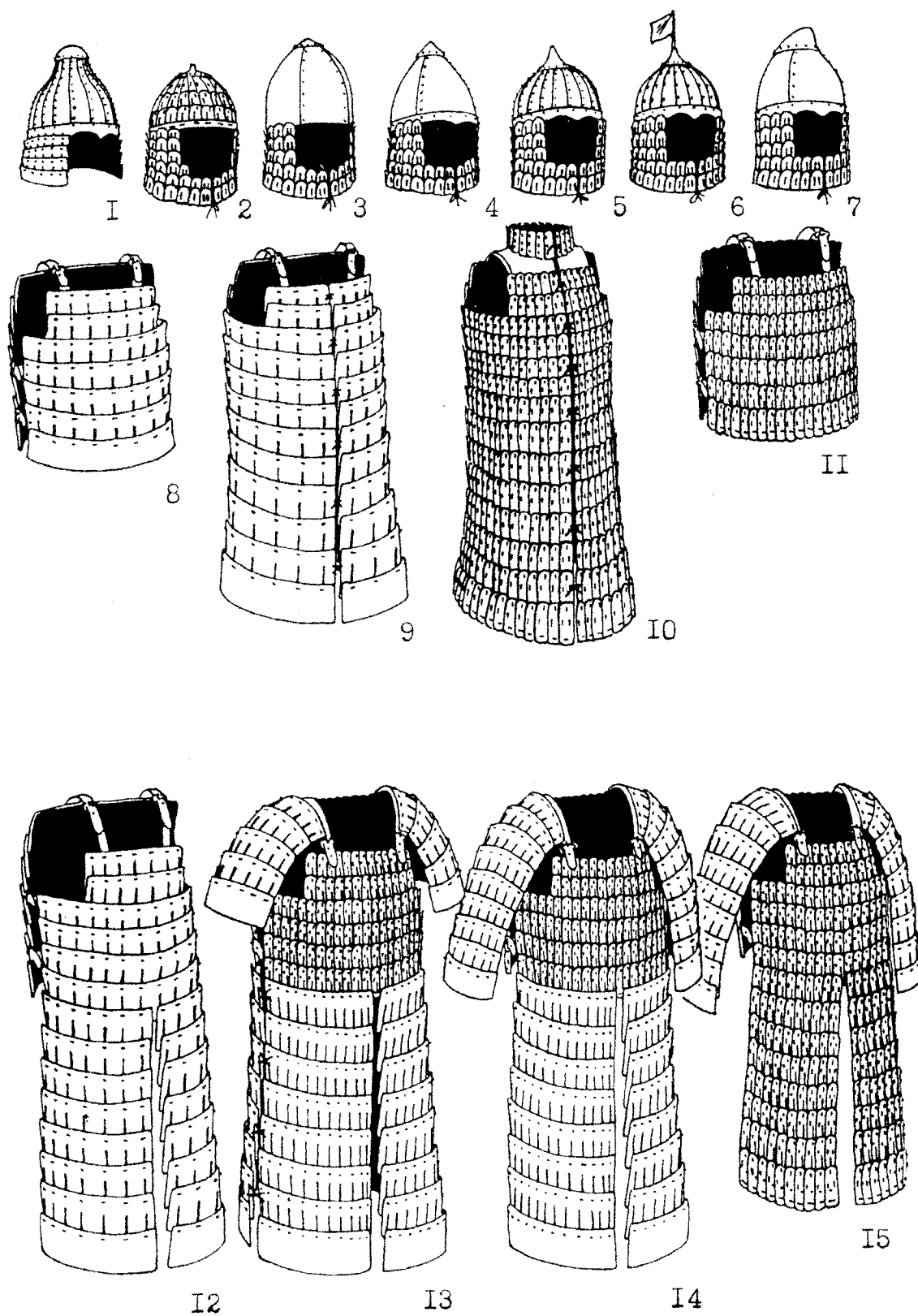

Рис. 6. Типы шлемов и панцирей (реконструкция).

табл. VI.-2). Оно передается самостоятельным контуром, отделяющим голову коня от шеи (рис. 2.-2; рис. 3.-5,6а; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2) или является продолжением нашейника (рис. 2.-1а,б), в одном случае — это полосы, закрывающие среднюю часть головы коня (рис. 2.-3). Часть наголовий имеет внутреннюю штриховку в виде «сетки» — ламеллярная броня, в виде полос — ламинарная, встречаются точки, видимо, просто оттеняющие наголовье. Более половины наголовий — без штриховки и выделяются в основном контуром. Особенностью при изображении головы коня, когда она защищена наголовьем, является расположение и форма глаза. Он не круглый, как обычно, а в виде каплевидного или подтреугольного выреза, совмещенного с линией лба (рис. 2.-16,2; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2: верхняя и нижняя фигуры коней). Только у одного коня с кудыргинского валуна-изваяния: средняя фигура, показан обычный глаз при наличии разделительного контура между головой и шеей. На трех фигурах с наголовьем глаза не нарисованы (рис. 2.-1а; рис. 3.-5,6а). Эту же черту можно отметить для одного из коней в наголовье с Хар-Хада [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6: центральная фигура], но есть там конь в наголовье с обычным глазом, правда слившимся с разделительным контуром [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7]. Горноалтайские наголовья относятся к одной группе — из твердого материала и одному разряду без мягкой основы (здесь имеется в виду, что твердое покрытие головы коня не нашивалось на мягкий подклад, хотя последний мог применяться, особенно при железном материале и пришиваться к наголовью по краям). По общей структуре брони выделяются разделы: I — гетерогенные, II — гомогенные (броня выполнена из крупных монолитных частей, учитывающих особенности анатомии). По структуре набора бронирующего материала выделяются отделы: I — ламеллярные, II — ламинарные, III — цельносоставные (наголовье составляется из нескольких цельнокованных частей, крепящихся между собой на ремешках, кольцах или шарнирах). Учитывая натуралистичный изобразительный материал с других территорий, можно предполагать наличие еще одного отдела — цельнокованного, когда наголовье в полном объеме сделано из одной части [Горелик, 1993а, рис. 5.-8,10,12; рис. 6.-4,9]. Однако такие наголовья, как правило, являются лишь несколько расширенным вариантом налобника, который целиком охватывает глаза, но не закрывает

полностью щек. Горноалтайские же наголовья, судя по контуру, защищают боковые стороны головы коня максимально и должны состоять хотя бы из трех частей. Подтверждают это и аналогии подлинных наголовий такого покроя [Горелик, 1993а, рис. 11.-4,5]. I и II отделы относятся к разделу I, а III отдел — к разделу II. Внутри отделов выделяются типы, учитывающие покроем наголовья.

Отдел I. Тип 1 — полумаска (рис. 5.-3,6), состоит из одного листа, набранного из отдельных небольших пластин. Закрывает голову коня наполовину или чуть больше. Изображена на одной фигуре (рис. 2.-16). На рисунке данное наголовье является продолжением нашейника, что подразумевает охватывание головы коня, включая затылок, для чего необходимы не только отверстия для глаз, но и ушей. Должна была иметь ремни, при помощи которых застегивалась на голове: один затылочный и два подбородочных (рис. 5.-6).

Отдел II. Тип 2 — короткая полумаска (рис. 5.-2), состоит из шести полос, закрывающих среднюю часть головы коня. Показана на одной фигуре (рис. 2.-3). На рисунке полосы всего три, но для удержания на голове такая конструкция не пригодна. Необходимо предположить, что полосы делились. Деление по подбородку и лбу тоже не способствовало удержанию, требовались бы дополнительные ремни. Вероятнее всего, наличие трех верхних и трех нижних полос, которые сходились на щеках и крепились между собой и с нащечными ремнями уздечки. Внутреннее соединение верхних и нижних полос могло быть ламинарным.

Тип 3 — полумаска-нашейник (рис. 5.-4), состоит из двух широких, наглухо скрепленных полос, между которыми должны иметься отверстия для глаз. Изображена на одной фигуре (рис. 2.-1а), где является продолжением нашейника. Вероятно, данное наголовье крепилось ремешками к нашейнику, подвижным способом, составляя с ним единый конструктивный элемент (попона 4 типа). Помимо этого, полумаска держалась на голове затылочными и подбородочными ремнями.

Отдел III. Тип 4 — укороченная трехчастная маска (рис. 4.-4,5), состоит из налобника и двух нащечников, крепящихся к нему шарнирами или другим способом. В месте их соединения у глаз предусмотрены вырезы. Налобник оставляет открытыми уши и, в некоторых вариантах, ноздри с верхней губой. На голове держится затылочным, подбородочным и подгубным ремнями (рис. 4.-5). Подразу-

меваются на четырех фигурах (рис. 2.-2; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2).

Тип 5 — полная трехчастная маска (рис. 5.-1,5), состав и конструкция аналогичны типу 4. Отличается более длинным налобником, снабженным пластинами для защиты ушей и отверстиями под ноздри. Подразумевается на двух фигурах (рис. 3.-5,6а).

Наиболее ранние аналоги горноалтайским наголовьям происходят с территории Кореи и Китая. Ламеллярная полумаска (тип 1) встречается в Китае VI в. н.э., но китайские экземпляры длиннее и больше соответствуют маскам укороченной формы [Горелик, 1993а, рис. 5.-9, рис. 6.-5]. Тип 2 точных аналогов не имеет, но можно отметить близкую ему деталь в виде ламеллярной полосы, закрывающей среднюю часть головы коня на одной из китайских статуэток IV-V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 6.-1]. Полумаска-нашейник (тип 3) тоже не находит похожего аналога, но наголовья, представляющие единую конструкцию с нашейником, применялись в Китае в VI-VII вв. н.э. и делались из мягких материалов [Горелик, 1993а, рис. 6.-6, рис. 11.-10]. Трехчастные маски с укороченным налобником (тип 4) использовали в Китае в VI-IX вв. н.э., Восточном Туркестане — в VIII в. н.э., Иране — в VII в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 6.-7, 14-26, 27, 30]. Позднечайские и иранские аналоги отличаются структурой бронирования, они ламинарные, а восточнотуркестанский экземпляр с мягкими нащечниками. Вообще же конструкция в виде укороченного налобника характерна для Китая в V-VII вв. н.э., где она использовалась как самостоятельно [Горелик, 1993а, рис. 5.-11], так и гораздо чаще, в форме цельнокованной маски [Горелик, 1993а, рис. 5.-8, 10, 12; рис. 6.-8, 9; Могилы с фресками..., 1995, с. 29.-4]. Такие короткие маски, не закрывающие ушей, носа и половину щек, позднее стали популярны у монголов, в XIII-XIV вв. н.э. [Горелик, 1987, рис. 13.-1, 2, 3, 4, 7]. Полные трехчастные маски (тип 5) абсолютно преобладали в корейском конском доспехе IV-V вв. н.э. и были знакомы в Японии в IV-V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-3, 6-9; рис. 5.-6, 13, 14; рис. 11.-4, 5]. От горноалтайских их отличает защита ушей, выполненная в форме трехчастного, реже — одночастного, гребня из металлических пластин. Применялся данный тип и киданями в X-XII вв. н.э. [Горелик, 1987, рис. 2.-6, 7, 8]. Его особенность — ламеллярные нащечники и пятичастный гребень.

Из соседних с Горным Алтаем земель конские налобники есть только на изображе-

ниях тюркских всадников VI-VII вв. н.э. с Монгольского Алтая. Они относятся к типу 4 [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7] и типу 5 [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6].

Появление защитного наголовья в Горном Алтае следует связывать с эпохой «великого переселения», но видимо не ранее IV в. н.э. Наголовье распространилось несколько позднее попоны, первые экземпляры которой, как и раннекорейские, использовались без защиты головы. Пятый тип горноалтайского наголовья происходит от корейских образцов, несколько модифицированных в местной среде. Тип 4 сформировался под влиянием Китая не ранее V в. н.э. Причем свою классическую трехчастную, цельносоставную конструкцию, он мог приобрести уже в центральноазиатском регионе, где «китайский» короткий налобник получил «корейские» нащечники. За это говорит то, что в самом Китае трехчастные маски применялись довольно редко, уступая первенство одночастным. Что касается типов 1, 2, 3, то их происхождение до конца не ясно. Скорее всего имело место определенное влияние со стороны Китая в плане конструкции, а конкретная форма и структура приобрели самостоятельные черты. Хронология горноалтайских наголовий может быть очерчена в рамках IV-X/XI вв. н.э., причем их активное применение началось, видимо, не ранее VI в. н.э. Наголовья 4 типа были заимствованы у тюрков персами и аvaraми в VI-VII вв. н.э. Они же восприняли структуру бронирования типов 1, 3, применив ее в более совершенной форме. Пятый тип оказал определенное влияние на формирование данного вида защиты у киданей Центральной Азии в X в. н.э.

Если посмотреть на сочетание наголовья с попоной в горноалтайских изображениях, то получится, что более половины коней, защищенных попоной, наголовья не имеют (10 из 19). Использование одной попоны встречается в Корее в III-IV вв. н.э. и Китае в VI в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-5; рис. 6.-2, 3, 11-9]. Однако, там полный конский доспех абсолютно преобладает. Из четырех бронированных коней с Хар-Хада двое наголовий не имеют [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6]. Не изображена защита головы у коней курыканских и древнехакасских воинов [Евтюхова, 1948, рис. 174; Николаев, 1991, рис. 1.-1, 3]. Вероятнее всего центральноазиатские кочевники эпохи раннего средневековья далеко не всегда применяли полный конский доспех, зачастую ограничиваясь только попоной.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ. По функциональному назначению делится на три вида: I. Оружие дальнего боя. II. Оружие таранного удара. III. Оружие ближнего боя.

I. Оружие дальнего боя представлено двумя видами: 1. Луки. 2. Стрелы. В отличие от доспеха, оружие на петроглифах изображено не столь подробно и здесь применим лишь более общий описательный метод.

1. Луки показаны у 21 воина (рис. 1.-1, 3,4,5; рис. 2.-1,4; рис. 3.-1,2,3б,в,г,6,7; Кубарев, Маточкин, 1982, рис.6,46). И еще два лука есть на кудыргинском валуне-изваянии [Гаврилова, 1965, табл. VI.-2]. В 10 случаях луки находятся в налучьях, а из 12 луков стреляют. На одном рисунке можно предполагать наличие сразу двух луков (рис. 2.-1а), из одного воин стреляет, а другой зачехлен в налучье. Исходя из формы и пропорций луков, можно выделить несколько типов: Тип 1 — М-образные большие (длина кибики превышает $2/3$ человеческого роста) луки с покатыми плечами и не сильно изогнутыми концами. Фиксируются у семи фигур (рис. 1.-1,3,4; Кубарев, Маточкин, 1982, рис. 6). Соответствуют сложносоставным лукам «хуннского типа» длиной 1,5 м. Остатки таких луков встречаются в курганах Горного Алтая I в. до н.э. — V в. н.э. [Худяков, 1993, рис. 5.-9]. Тип 2 — М-образной формы с изгибом, смещенным к верхнему плечу и сильно загнутыми концами (длина около $2/3$ человеческого роста). Показан у 1 фигуры (рис. 1.-5). Данному типу аналогично изображение таптыкского лука III-V вв. н.э., правда имеющего меньшие пропорции [Кызласов И.Л., 1990, рис. 3.-1]. Тип 3 — М-образные с покатыми плечами и изогнутыми концами, длиной около $2/3$ человеческого роста. Изображены у пяти фигур (рис. 2.-1а,в; рис. 3.-3б,в,г). Соответствуют сложносоставным лукам «раннетюркского типа» длиной 1,2-1,3 м. Остатки таких луков и их изображения в Горном Алтае встречены на могильнике Кудыргэ сер. VI — сер. VII вв. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. VIII, XV, XVI, XVII, XXII, XXIV; Савин, Семенов, 1992, с. 79]. Тип 4 — М-образной формы с покатыми плечами и слабо изогнутыми концами, длиной менее половины человеческого роста. Фиксируются у трех фигур (рис. 3.-1,2,7). Исходя из пропорции плечей можно предположить ассиметричность. Соответствуют сложносоставным лукам «классического тюркского типа» длиной 0,8 м. Их остатки встречаются в памятниках Горного Алтая сер. VII-X/XI вв. н.э. [Худяков, 1993, с. 125; Кубарев Г.В., 1992,

с. 91]. На нескольких рисунках хорошо показан способ натяжения тетивы — до левой части груди (рис. 1.-4,5; рис. 2.-1а), что говорит о прицельной стрельбе профессиональным (неоптическим) способом [Горелик, 1993б, с.77].

2. Стрелы изображены у 12 воинов (рис. 1.-1,3,4,5; рис. 2.-1а,в; рис. 3.-3б,7). Они имеют листовидное и ромбовидное оперение, в одном случае оперение вильчатое (рис. 3.-7). Датируемая часть стрел — наконечники. Из них типы листовидной, ромбовидной, треугольной формы применялись длительное время. Более узко использовались ярусные наконечники стрел, хорошо показанные у трех фигур (рис. 1.-1а, 4; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6) и, возможно, у еще одной (рис. 1.-3). В Горном Алтае ярусные наконечники применялись с I в. до н.э. по V в. н.э. [Неверов, Мамадаков, 1991, рис. 2, с. 132]. Твердую нижнюю дату имеет наконечник в форме треугольного срезня (рис. 3.-7). Такие наконечники появляются не ранее середины IX в. н.э. и существуют до этнографического времени [Овчинникова, 1990, с. 74; Соловьев, 1987, с. 43]. Видимо, все наконечники, изображенные на нашей серии трехлопастные, кроме срезня, который вероятно плоский. Обращает на себя внимание, что не все стрелы на рисунках у воинов хранятся в колчанах. Часть из них «заткнута» за пояс (рис. 1.-3,4; рис. 3.-7; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6), причем только у пеших стрелков. На одной композиции показан интересный прием — при стрельбе воин держит вторую стрелу наготове в левой руке (рис. 2.-1а,в).

II. Оружие таранного удара включает один вид: копья. Изображение копий встречено у 12 воинов (рис. 1.-2б,3; рис. 2.-1б, 2,4; рис. 3.-3а,4; Окладникова, 1988, рис. 3.-1; Кубарев, 1984, табл. XLVII.-2). Длина древков копий судя по соотношению с человеческими фигурами от 2 до 4 м. Наконечники копий листовидной формы. Их силуэт стилизован и не позволяет говорить о конкретных типах. Такой же признак, как листовидность встречается во времени и пространстве очень широко. Часть копий (рис. 2.-1б; рис. 3.-3а,4б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2) не имеет выраженного наконечника, три из них показаны вонзенными, а одно, видимо, сломано. Некоторые копья украшены бунчуками из конского (?) волоса подвязанными не только под наконечником, но и на конце древка (рис. 2.-4; рис. 3.-4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2). Одно копьё снабжено двумя

треугольными флажками (рис. 3.-3а), другое квадратным заштрихованным в «сетку» предметом, подвешенным на ремне или прибитым на планке (рис. 2.-16). Этот предмет может трактоваться, как своеобразный штандарт или обозначать снятый с врага панцирь (всадник явно напал на идущего впереди лучника). Заштрихованные в «сетку», как доспехи флаги встречаются на рисунках курыкан [Окладников, Запорожская, 1959, табл. XL.-808]. Выделяется несколько способов боевого положения копий: 1 — в одной руке на уровне живота — нижней части груди, когда вторая рука держит поводья (рис. 3.-3а,4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2); 2 — двумя руками в нижней позиции (рис. 1.-26; рис. 2.-16); 3 — двумя руками в верхней позиции (рис. 2.-2,4).

III. Оружие ближнего боя представлено одним видом: мечи. Изображение меча есть на одном рисунке у конного воина (рис. 2.-2). Его силуэт стилизован. Можно отметить легкий наклон рукояти, отсутствие перекрестия и судя по пропорции к человеческой фигуре, короткий клинок. Необычно положение меча, он заткнут за пояс с правой стороны. Короткие мечи показаны на рисунках таштыкских воинов III-V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 1.-6; рис. 4.-4]. Мечи без перекрестий с короткими клинками встречаются в памятниках Горного Алтая в III-V вв. н.э. [Васютин, Илюшин и др., 1985, рис. 3.-24; рис. 6.-1]. Такой признак, как наклонная рукоять, появляется на мечах не ранее середины VIII в. н.э.

ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ. По назначению к родам оружия представлено двумя видами: 1. Налучья; 2. Колчаны.

1. Изображение налучий имеется у четырех всадников (рис. 2.-1а,б,4; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46) и два экземпляра показаны на кудыргинском изваянии [Гаврилова, 1965, табл. VI.-2]. Еще у четырех воинов луки «как бы» находятся в налучьях, хотя последние не нарисованы (рис. 3.-1, 2,6). Общая форма налучий близка — это изогнутые, С-видные чехлы, которые повторяют форму лука со спущенной тетивой. Окончания чехлов более разнообразны: в виде «сапожка» [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46], простые закругленные (рис. 2.-1а, 4), скошенные (рис. 2.-16; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2, правая фигура), с приостренным низом и фигурно-скошенным верхом [Гаврилова, 1965, табл. VI.-2, левая фигура]. Часть налучий имеет внутреннюю штриховку из «сетки» и горизонтальных линий. Исходя из конструк-

ции налучья, можно выделить два типа: 1 — закрытый, с растегивающимся верхом (рис. 2.-1а,4; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2), 2 — открытый, оставляющий свободным верхний рог лука (рис. 2.-16). Первый тип налучий изображен, с вынутыми луками, у кудыргинских всадников с седельных обкладок [Савин, Семенов, 1992, с. 79]. Закрытые налучья с «сапожковым» окончанием известны у древне-хакасских воинов IX-X вв. н.э., в Восточном Туркестане VII-VIII вв. н.э., закругленные — в Северном Китае VI в. н.э. и Восточном Туркестане VIII-IX вв. н.э., скошенные — в Восточном Туркестане VII-IX вв. н.э., у курыкан в VI-VIII вв. н.э., приостренно-скошенные — у тюрков Монголии в VI-VII вв. н.э. [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 41; Горелик, 1995, табл. 46.-12,14-16; Горелик, 1993а, рис. 6.-5; Дьяконова, 1984, рис. 12; Окладников, Запорожская, 1959, табл. I.-19; Кубарев В.Д., 1995, табл. 1.-1,3]. Налучья второго типа широко применялись в Согдиане VI-VIII вв. н.э. [Распопова, 1980, рис. 43, 57, 60,72]. Логично предположить также существование у горноалтайских воинов налучий третьего типа, предназначенных для луков с натянутой тетивой. Покрой их чехлов повторял половину натянутого лука и именно они подразумеваются у трех всадников с Кара-Оюка (рис. 3.-1,2,66). Зафиксировано такое налучье в Горном Алтае и археологически, в древнетюркском погребении X-XI вв. н.э. [Кубарев Г.В., 1992, с. 91; Горбунов, 1994, с. 113]. Данные налучья появляются с III-IV вв. н.э., но только с IX в. н.э. их употребление становится массовым [Горелик, 1995, с. 380]. Горноалтайские рисунки показывают, что налучья носились, как с левой стороны (рис. 2.-1а,б), так и с правой, рядом с колчаном (рис. 2.-4; рис. 3.-1,6; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46). Подвешивались они почти вертикально, с легким наклоном назад, выгнутой частью вперед или, гораздо реже, назад (рис. 3.-6).

2. Колчаны изображены у девяти воинов и два экземпляра на кудыргинском изваянии (рис. 1.-1а,б,в; рис. 2.-1а,в,4; рис. 3.-2,3г; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2). Часть из них имеет внутреннюю штриховку в виде вертикальных, горизонтальных и пересекающихся («сетка») линий. Кудыргинские колчаны покрыты более сложным узором, видимо, передающим аппликацию или орнамент футляра. На фигурах все колчаны подвешены на поясе справа, вертикально или наклонно, устьем вперед. По форме футляра можно вы-

делить два основных типа: 1 — прямоугольные или слегка подтрапиевидные (рис. 2.—1в, 4; рис. 3.—2, 3г; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46); 2 — трапиевидные с карманом, тоже трапиевидной формы (рис. 2—1а; Гаврилова, 1965, табл. VI.—2). Подобные колчаны хорошо известны из археологических памятников Горного Алтая III—XI вв. н.э. [Горбунов, 1993а, с. 43; Горбунов, 1994, с. 114]. Колчаны с карманом появились, видимо, несколько позднее футляров с ровным устьем, ближе к середине I тыс. н.э. С VI в. н.э. их изображения фиксируются в Китае и Согдиане, с VII в. н.э. в Восточном Туркестане [Горелик, 1993а, рис. 6.—5; Горелик, 1995, табл. 46; Распопова, 1980, рис. 57], но происходят они, скорее всего, с территории Алтая. Несколько необычны колчаны изображенные у лучников на одной из композиций Кара-Оюка (рис. 1.—1а, б, в). Они напоминают мягкие футляры (кожаные?) скифского времени [Кубарев В.Д., 1981, с. 67].

Проанализировав предметы вооружения с горноалтайских петроглифов нашей серии, рассмотрим хронологию рисунков и композиций в целом. Взаимовстречаемость типов вооружения, показанных на фигурах воинов и коней, позволяет выделить две хронологические группы изображений.

I группа датируется III—V вв. н.э. и соответствует эпохе «великого переселения народов». В нее входят 12 фигур воинов и 4 коней, с Кара-Оюка, Бичекту-Бомы и Бош-Туу (рис. 1; Окладникова, 1988, рис. 3.—1; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6). Нижняя граница определяется панцирями — типы 3а, б, шлемами — типы 2, 3, 4, попоны — тип 8, луками 2 типа и архаичными колчанами. Верхняя граница очерчивается панцирями — типы 3а, б, шлемами — тип 2, попоны — тип 1, луками 1 типа и ярусными наконечниками стрел. Внутри этой группы можно выделить две композиции, нижняя дата которых устанавливается по IV в. н.э. (рис. 1.—1, 2), о чем свидетельствуют панцири — тип 4 и попоны — тип 3. Помимо вооружения, датирующими являются детали конского снаряжения: высокие седельные луки и длинные крылья-лопасти (рис. 1.—1а, б), изобретенные в конце III—IV вв. н.э. [Вайнштейн, 1991, с. 223, рис. 98; Горелик, 1993а, рис. 5.—5]. Для прорисовки людей характерен ряд приемов: разворот головы и нижней части тела в профиль, передача торса с развернутыми плечами в фас (как со стороны груди, так и спины). Ноги людей и коней, наряду с объемным контуром, часто ниже колен прорисованы од-

ной линией (иногда также нарисованы руки). Эта техника сближает горноалтайские петроглифы с таштышскими рисунками Енисея [Жызласов И.Л., 1990, с. 182, рис. 1.—6] и свидетельствует в пользу приведенных датировок.

II группа датируется V/VI—X/XI вв. н.э. и относится к древнетюркской эпохе. В нее включены 22 фигуры воинов и 18 коней с Кара-Оюка, Жалгыс-Тобе, Бичекту-Бомы, Шалкобы, Юстыда и кудыргинского изваяния [рис. 2, 3; Гаврилова, 1965, табл. VI.—2; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.—2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. Нижняя граница определяется попоны — тип 1, наголовьями — типы 1—4, луками 3 типа, налучьями 1, 2 типов, колчанами 2 типа. Верхнюю границу очерчивают шлемы — тип 4, попоны — типы 1, 5, 6, 7, наголовья, луки 4 типа, налучья 1 типа. Внутри группы выделяются три более мелких периода, по которым могут быть распределены рисунки и композиции.

1 период (V/VI — сер. VII вв. н.э.), его верхнюю границу ограничивает существование «раннетюркских» луков (тип 3). В первую очередь сюда относятся: трехфигурная композиция с Жалгыс-Тобе (рис. 2.—1) и четырехфигурная композиция с Кара-Оюка (рис. 3.—3), к последней стилистически примыкает композиция с тремя всадниками того же памятника (рис. 3.—4) и, наконец, поминальная сцена с кудыргинского изваяния. Датировка последней может быть конкретизирована до 2 пол. V—1 пол. VI вв. н.э., времени существования кудыргинских поминальных оградок. Техника изображения людей и коней в этот период еще та же, что у рисунков I группы, но фигуры выполнены более тщательно и подробно. При копировании композиции с Жалгыс-Тобе (рис. 2.—1) удалось проследить последовательность нанесения рисунков. Первыми здесь были изображены тонкими неглубокими линиями фигуры конного и пешего лучников (рис. 2.—1а, в), потом, более глубокими и широкими линиями, нарисован конный копейщик и этими же линиями обведена фигура пешего лучника, кроме головы, с нарушением контура ноги (рис. 2.—1б, в).

2 период (сер. VII — VIII вв. н.э.), нижняя граница очерчена луками 4 типа, верхняя — панцирями 1, 4 типов, шлемами 5 типа. Это фигуры всадников с Кара-Оюка, Жалгыс-Тобе и коня с Шалкобы (рис. 2.—3, 4; рис. 3.—1, 2, 5, 6). Они стилистически близки рисункам первого периода, но в фигурах людей наблюдается переход к полупрофильному изображению торса.

3 период (VIII/IX — X/XI вв. н.э.), его нижняя граница растянута, от середины VIII в. н.э. (меч с наклонной рукоятью), до середины IX в. н.э. (наконечник стрелы — срезень). Видимо, в дальнейшем этот период можно будет разделить еще на два, пока же узкодатирующие фигуры единичны. К данному периоду отнесены: всадник и пеший лучник с Бичекту-Боме (рис. 2.-2; рис. 3.-7), а также двухфигурная композиция с Юстыда [Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2] и всадник с Жалгыс-Тобе [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. Передача структуры панцирей у первых двух фигур короткими черточками характерна для штриховки доспеха древнехакасских воинов IX-X вв. н.э. [Евтюхова, 1948, рис. 187; Кызласов Л.Р., 1969, рис. 41]. В технике линейного штрихования доспеха наблюдается небрежность и неполнота. Линии, чаще «сетка», как бы намечают доспех не заполняя его контура целиком (рис. 2.-2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46).

Важно определить и этнокультурную принадлежность петроглифов нашей серии. Хорошая изученность и разработанность горноалтайской археологии позволяет решить эту задачу с достаточной степенью достоверности. Время бытования рисунков I группы соотносится с последним этапом булан-кобинской культуры (III—1 пол. V вв. н.э.). Предметы вооружения из памятников этой культуры находят соответствия изображаемым на петроглифах [Горбунов, 1993а, с. 42-44]. Сложнее обстоит дело с этнической принадлежностью булан-кобинского населения. Несомненным представляется его решающая роль в сложении древнетюркского этноса. Рисунки II группы непосредственно связаны с памятниками древнетюркской культуры Горного Алтая (2 пол. V — X/XI вв. н.э.). Это подтверждается не только их датировкой, но и присутствием части таких изображений на поминальных памятниках тюрков (плиты оградок, каменные изваяния). Не противоречит этому и вооружение из древнетюркских погребений [Горбунов, 1994, с. 110-114]. Этносом, оставившим горноалтайские граффити с военными сценами V-XI вв. н.э., безусловно, являются древние тюрки.

Весьма информативна содержательная часть рассматриваемых петроглифов. Композиционно рисунки разбиваются на два блока: I — одиночные фигуры, II — многофигурные композиции. Внутри каждого блока можно выделить различные сюжеты изображения.

I. Одиночные фигуры:

1 сюжет — сражающийся пеший лучник (рис. 1.-4,5; рис.3.-7; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6).

2 сюжет — пеший воин с копьем и луком (рис. 1.-3).

3 сюжет — конный воин в походе, скачущий всадник (рис. 2.-3; рис.3.-1; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46).

4 сюжет — спешенный всадник с конем (рис. 3.-2).

II. Многофигурные композиции:

1 сюжет — бой между спешенными и пешими лучниками (рис. 1.-1).

2 сюжет — строй пеших копейщиков [Окладникова, 1988, рис. 3.-1].

3 сюжет — строй конных воинов (рис. 1.-2; рис.3.-6).

4 сюжет — бой между всадниками (рис. 3.-4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2).

5 сюжет — бой всадника с пешими лучниками (рис. 2.-1,2,4; рис. 3.-3).

Поминальная сцена с кудыргинского изваяния составляет отдельный сюжет, не повествующий о военных действиях. Затруднительна трактовка боевого коня с Шалкобы, поскольку рисунок не доделан или испорчен (рис. 3.-5). Трехфигурная композиция с Жалгыс-Тобе (рис. 2.-1), видимо, первоначально представляла сражающихся конного и пешего (или спешенного?) лучников, а затем была переделана в сюжет повествующий о победе конного копейщика над пешим лучником. Здесь следует отметить, что напротив каждого из всадников-копейщиков с Бичекту-Боме и Жалгыс-Тобе (рис. 2.-2,4) нарисовано по два пеших лучника. В первом случае эти изображения перекрыты множеством других, видны очень слабо и только при определенном освещении, что не позволило их скопировать. Во втором случае рисунки лучников слишком схематичны, что вызывает сомнение в синхронности всаднику. Поэтому они не приведены в иллюстрациях, но сами всадники, условно, отнесены к соответствующему блоку и сюжету. За такое решение говорит и их поза — с поднятыми вверх копьями, типичная для сцен сражения конных копейщиков именно с пешими лучниками.

Одиночные фигуры, скорее всего, изображают индивидуальных воинов (героев) и высечены в их честь. Они могли наноситься после удачного похода (сражения) или наоборот перед началом такового и иметь своей целью не просто «портретное олицетворение», но и молитву (с просьбой или посвящением), облеченную в изобразительную форму. Приобретали такие рисунки и эпиче-

ское содержание. Многофигурные композиции отражают военные события своего времени. На них запечатлены сражения и боевые порядки. Мотивы, вызвавшие их появление видимо те же — религиозные и эпические. Можно предположить, что эти рисунки олицетворяют войско в целом, но, возможно, и повествование о подвигах отдельных героев. В любом случае они иллюстрируют реально существовавшую боевую практику.

На горноалтайских петроглифах изображены, как пешие, так и конные воины, что говорит минимум о двух родах войска. Наборы вооружения, показанные на войнах и конях позволяют подойти к составу войск более дифференцированно. Пехота представлена: легковооруженными лучниками, где воины имеют неполный или мягкий доспех, а в качестве главного наступательного оружия — лук (рис. 1.-1б, в, г, 4; рис. 3.-3в, г); тяжеловооруженными лучниками, где воины защищены полным доспехом из твердых материалов (рис. 1.-1а, 5; рис. 2.-1в; рис. 3.-3б, 7; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6); тяжеловооруженными копейщиками, с главным наступательным оружием в виде длинного копья (рис. 1.-3; Окладникова, 1988, рис. 3.-1). Конница подразделяется: на средневооруженную, где воин имеет полный доспех, а конь не защищен (рис. 1.-2а; рис. 3.-6б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2); и тяжеловооруженную, где воин и конь защищены доспехом (рис. 1.-2б; рис. 2.-1а, б, 2, 3; рис. 3.-1, 2, 3а, 4, 5, 6а; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2). Главным наступательным оружием конницы являются длинные копьеносы, хотя у многих всадников есть и луки.

Если сравнить состав войска, показанный на рисунках и их хронологию и этнокультурную принадлежность, то можно проследить определенные изменения военного дела у горноалтайского населения на стыке поздней древности и раннего средневековья.

При этнокультурной характеристике родов войска в сюжетах сражений, надо учитывать, кем из противоборствующих сторон оставлен рисунок, «где свои, а где чужие?». Когда повествуется о внешних войнах этот вопрос решается легко. Так в сюжете боя между лучниками (рис. 1.-1). относящемся к булан-кобинской культуре, булан-кобинские воины изображены слева. Они лучше защищены, в доспехе даже кони. Их противники явно справа, в незащитированных панцирях и один вражеский воин уже поражен, его ноги пробиты стрелой. В древнетюркском сюжете боя конного копейщика с лучниками

(рис. 3.-3), тюрк — конечно всадник. Он лучше и подробнее прорисован и поражает одного из противников. Окружающие его пешие воины — враги. Они переданы более схематично, не у всех заштрихованы панцири. Возможно, что лучник за спиной всадника, тоже тюрк, хотя по стилю он ближе к остальным пехотинцам. Сложнее определить кто есть кто в сюжете боя двух всадников с третьим (рис. 3.-4) и в композиции с Жалгыс-Тобе (рис. 2.-1). Скорее всего, все воины тюрки, а сюжеты связаны с междуусобными войнами. В первом случае это, может быть, сражение между войсками восточных и западных тюрков. Во втором — сначала была изображена тюркская армия, а впоследствии сюжет переделан в междуусобное столкновение.

Изображения воинов булан-кобинской культуры: свидетельствуют о наличии трех родов пехоты (легкие лучники, тяжелые лучники и копейщики) и двух родов конницы (тяжелой и средней). На раннем этапе булан-кобинской культуры (I в. до н.э. — II в. н.э.), судя по данным археологии, войско состояло из легкой пехоты и конницы [Мамадаков, 1985, с. 180-186; 1996, с. 75-78; Худяков, 1997, с. 31]. С III в. н.э. в Горном Алтае начинается распространение воинского доспеха из твердых материалов, что фиксируют, как иконографические источники, приведенные в данной работе, так и археологические находки [Гаврилова, 1965, рис. 4.-13; Васютин, Илюшин и др., 1985, рис. 5, 7, 8; Соенов, Эбель, 1992, рис. 3]. Именно с этого времени состав горноалтайского войска усложняется, появляется тяжелая пехота из лучников и копейщиков и, возможно, средняя конница. О тактике булан-кобинских легковооруженных воинов в иконографическом материале данных нет. Судя по изображению их противников (рис. 1.-1в, г) — это рассыпной строй. Такой способ ведения боя традиционен и наиболее приемлем, как для легкой пехоты, так и конницы. А вот боевые порядки хорошо защищенных воинов совершенно иные. У тяжелых лучников и копейщиков — это шереножное построение (рис. 1.-1а, б; Окладникова, 1988, рис. 3.-1) типа «фаланги», характерное для регулярной пехоты.

Появление тяжелой конницы в Горном Алтае происходит на рубеже III-IV вв. н.э. и ведет к дальнейшему изменению тактики. Наглядно это демонстрируют две композиции с Кара-Оюка. Одна из них (рис. 1.-1), видимо, более ранняя (конец III — сер. IV вв. н.э.), показывает применение коней, защи-

ценных доспехом, не по назначению. Они находятся позади воинов на поводу, а воины ведут дистанционный бой спешившись. Скорее всего, на изображении запечатлен момент, когда у горноалтайского населения только появился конский доспех (вместе с деталями другой экипировки — седла), заимствованный с южных территорий от жузжаней или сяньбийцев (первые экземпляры могли быть подарками или трофеями). Его применение первоначально ограничивалось небольшим числом знатных воинов, которые не составляли самостоятельных подразделений и какое-то время новое вооружение использовалось при прежней тактике. Иную ситуацию мы видим на второй, возможно, более поздней (сер. IV — сер. V вв. н.э.), композиции (рис. 1.–2). Здесь изображен строй конных воинов (шеренга), один из которых держит длинное копье для таранного удара, а его конь защищен ламеллярным нашейником. У другого воина доспех на коне не показан и не ясно каким оружием он снабжен. Тем не менее, перед нами строй, иллюстрирующий «классическое» применение такой конницы. Исходя из анализа двух рассмотренных выше композиций, можно сделать вывод, что на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры складывается новый род войск из тяжелой (и средней?) конницы и появляется новая тактика конного боя, основанная на массированном таранном ударе копьями, который наносится плотно сомкнутым строем в виде конной «фаланги».

Вероятнее всего, в булан-кобинском войске новые подразделения и тактика не успели вытеснить прежние способы ведения боя и произошло это уже в раннетюркский период. Возможно, что ситуация окончательно изменилась благодаря переселению на Алтай племени Ашина в 460 г. и созданию собственной широкой металлургической базы, сделавшей производство тяжелого вооружения более массовым и завершившей военную реформу. Ашина могли быть лучше знакомы и с правилами применения тяжелой конницы, учитывая их связь с позднехунскими государствами Северного Китая и Восточного Туркестана [Восточный Туркестан..., 1992, с. 123–124]. В целом, позднебулан-кобинский комплекс вооружения во многом аналогичен одновременному таштыкскому [Кызласов И.Л., 1990, с. 190]. Появление таких комплексов в обществах Южной Сибири следует связывать с влиянием военного дела государств Северного Китая, Кореи, Восточно-

го Туркестана эпохи «великого переселения народов». Военное искусство этих стран в указанный период, соединило в себе достижения кочевников (массовое применение конницы) с возможностями оседлых культур (массовое производство вооружения) и создало предпосылки для дальнейшего развития уже северных территорий.

Группа древнетюркских рисунков позволяет говорить о трех родах войска: тяжелой пехоте (лучники), тяжелой и средней коннице. Изображения тюркских пехотинцев единичны (рис. 2.–1в; рис. 3.–7). Есть пеший лучник в шлеме на Хар-Хадской скале, следующий за тюркским всадником [Новгородова, Горелик, 1980, с. 102, рис. 6]. Археологические памятники Горного Алтая не подтверждают существования пехоты, как самостоятельного рода войск, т.к. почти все воинские погребения тюрков сопровождаются верховыми конями и лишь единицы их не имеют [Гаврилова, 1965, с. 22, табл. VIII]. В китайских письменных источниках тюркское войско всегда характеризуется как конница [Бичурин, 1950, с. 232–291, 302, 341: 23 случая]. В рунических текстах самих тюрков пехота упоминается четыре раза. Один раз речь идет о китайской армии [Малов, 1959, с. 22], в остальных — о тюркском войске. И.Л. Кызласов видит в этих примерах доказательство существования пехоты у тюрков [Кызласов И.Л., 1996, с. 80, 82]. Не оспаривая того факта, что тюрки умели сражаться в пеших порядках, хочется обратить внимание на нестандартность подобных ситуаций, которые каждый раз оговорены особо. Это, когда отряд Ильтерес-кагана ютился в «Черных песках», среди деревьев и камней, добывая провиант охотой [Малов, 1951, с. 65]. Когда случился падеж скота перед походом Бильге-кагана на уч-огузов [Малов, 1959, с. 21]. И, наконец, когда сражению с китайцами предшествовал поход в Джунгарию [Малов, 1951, с. 40]. В первых двух случаях явная нехватка коней, в последнем случае могли иметь место большие потери в конном составе в результате предыдущего похода или применение пехоты было вызвано чисто военными обстоятельствами (условия местности, военный расчет и т.д.). В оценке тюркской пехоты интересно мнение противника. Уч-огузы, планируя сражение с Бильге-каганом, думали, что тюрки «пешие (без лошадей) слабы к бою» [Малов, 1959, с. 21]. На мой взгляд, здесь прямое свидетельство того, что тюркское войско воспринималось и ценилось как конное, но, будучи профессиона-

лами, тюрки с успехом могли применять и пеший строй, обманывая надежды неприятеля.

Подавляющее большинство древнетюркских граффити нашей серии изображают тяжеловооруженных конников. На двух композициях конница показана в шереножном строю (рис. 3.-4,6). Такой же сюжет есть на Хар-Хадской скале [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7]. Это не что иное, как передача плотно сомкнутого строя, которым только и могла действовать тяжелая конница. В китайских письменных источниках такая конница называется «отборной», «лучшей», «На кит. Тху-ки, врубающаяся конница» [Бичурин, 1950, с. 272, 341]. Главным тактическим приемом тяжелой конницы был таранный удар копыями. Именно копыями вооружены горноалтайские тюрки в сюжетах сражений (рис. 2.-1,2,4; рис. 3.-3,4) и всего один раз всадник стреляет из лука (рис. 2.-1а). Атаки тяжелой конницы ярко описаны в орхонских текстах [Малов, 1951, с. 40-42, 67; 1959, с. 28, 29]. По ним можно восстановить последовательность фаз боя. Первая фаза — это обстрел из луков при сближении с противником: «одного мужа он поразил стрелою» (Ктб, 36). Судя по текстам и рисункам стрельба была прицельной и, видимо, ее вели лишь первые шеренги боевого порядка. Велась она недолго, т.к. воины за время сближения должны были успеть положить луки и взяться за копыя. Вторая фаза (главная) — таранный удар: «двух мужей заколол (копьем) одного после другого» (Ктб, 36), «... проложили (путь) копыями» (Т. 28), «пронзил трех мужей...» (КЧ, 15) и пр. Такой удар наносили тоже только передние шеренги — две, три, которым позволяла длина копий. От них зависела точность удара, а его сила зависела от всей массы плотно сомкнутых конников, от набранного разбега и инерции движения после удара, когда задние ряды подпирали передние вбивая их в порядки противника. В момент соприкосновения этот строй уже ничто не могло остановить, ни частокол выставленных копий, ни щиты или иные легкие заграждения, пожалуй только равная по силе другая стена конницы. Третья фаза заключалась в рукопашной схватке верхом: «в свалке он порубил мечом седьмого» (Ктб, 45). Чаще всего она являлась добиванием врага, боевые порядки которого уже расстроены и необходимо подавить отдельные очаги сопротивления. На этой же фазе рубили бегущих: «девять человек он убил при преследовании» (Ктб, 46).

Письменные источники редко упоминают конский доспех [Бичурин, 1950, с. 200]. Между тем, именно он является главным преимуществом тяжелой конницы. Рунические тексты тюрков отдельно не говорят о защите коня и воина. Обычно сообщается о вооружении (защитном) в целом [Малов, 1951, с. 39, 40, 69]. Здесь интересно обратить внимание на характер повреждений тюркских коней при атаках. Нигде не сказано, что они погибли от копий и стрел, зато в одном месте указана травма ясно полученная при столкновении: «При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро» (Ктб, 36). Эти косвенные факты подтверждают хорошую защищенность тюркских коней, дополняя данные иконографии. Надежная защита коня была необходима для сохранения плотно сомкнутого строя во время сближения и в момент удара по противнику. Видимо, наиболее полный доспех имели кони первых шеренг (рис. 4.-4; рис. 5), а задние ряды использовали облегченную попону (рис. 4.-1,2,3) или комплектовались средневооруженной конницей. Впрочем, последняя у тюрков, судя по изобразительным материалам, уступала численно тяжелой, которая благодаря типологическому разнообразию конского доспеха (полный и облегченный) могла действовать самостоятельно. Все сказанное не означает, что в тюркском войске не было легковооруженной конницы. Она формировалась из зависимых и покоренных племен в виде самостоятельных подразделений конных лучников, в задачу которых входила завязка сражения (до подхода тяжелой конницы на нужную позицию и дистанцию), обеспечение флангов, прикрытие перестроения, действие в тылу, дальнейшее преследование [Бичурин, 1950, с. 215, 250, 301].

Среди горноалтайских батальных сюжетов ведущее место занимает бой всадника-копейщика с пешими лучниками. Причем только против пехоты используется прием держания копья обеими руками (особенно в верхней позиции). Противопоставление конных копейщиков пешим лучникам, очевидно, отражает основные военные традиции характерные для тюрков и их противников. Тюркская традиция заключалась в применении тяжелой конницы, плотно сомкнутого строя («фаланги»), таранного удара. Их противники — это легкие и тяжелые лучники, действующие в пешем (рассыпном или сомкнутом) строю, обстрелом на дистанции. Ближайшим, наиболее опасным врагом тюрков, основную часть войск которого составляла пехота, были китайцы.

Но враги на горноалтайских петроглифах скорее похожи на жителей Центральной Азии. Из рассмотренного выше материала мы знаем, что пехота существовала у народов центральноазиатского региона и в первой половине I тыс. н.э., а согласно анализу лексики древних тюрков, проведенному И.Л. Кызласовым — пехота была первоначальной формой войска тюркоязычного населения [Кызласов И.Л., 1996, с. 88]. Более широкое, с III в. н.э., распространение доспеха привело к изменению тактики центральноазиатской пехоты — появился сомкнутый строй. Необходимость подобной меры была обусловлена тем, что, начиная со II в. до н.э. наиболее развитые в военном деле кочевые объединения (сначала хунны, затем сяньби) уже использовали (хотя и не в массовом порядке) конные «фаланги» средневооруженных копейщиков. Поэтому, когда развитие других обществ (персидских и зависимых от ведущих этносов) позволило обеспечить более надежную защиту своим войскам, они заимствовали китайский пеший строй, противопоставив его конной тактике. Преобладание в пешей «фаланге» получили лучники. Их главной задачей являлся массированный прицельный обстрел приближающихся плотных шеренг конницы. Эффективность такого «огня» повышалась благодаря устойчивости стрелка. Сколь не искусен всадник в стрельбе из лука, он по скорострельности и точности проигрывает равному по способностям пешему бойцу. Для пеших лучников конная «фаланга» была прекрасной мишенью. Основной целью служили не всадники (к тому же хорошо защищенные), а их кони. При больших потерях последних боевой порядок конной «фаланги» смешивался, сбивался и она не успевала набрать нужного для удара разбега, ей приходилось останавливаться (отходить на безопасное расстояние) и перестраиваться для повторной атаки. Использование пехоты в центральноазиатских обществах со скотоводческим укладом хозяйства имело свои особенности, воины сражались в пешем строю, а передвигались на конях — это можно назвать ездящей пехотой, которая легко превращалась в конницу. Яркий пример такой пехоты — войско Сиеяньто: «сиеяньтосцы в войне ... одерживали победы пехотой:

... спешив конников, поставили по пяти человек, из которых пятый держал четырех лошадей, а четверо впереди дрались...», «Сиеяньтосцы начали стрелять в лошадей, и оне погибали...» [Бичурин, 1950, с. 341]. Именно такая тактика изображена на булан-кобинском рисунке с Кара-Оюка (рис. 1.-1). Пешая «фаланга» была устойчивее рассыпного строя легких воинов, ее меньшая маневренность компенсировалась лучшей защитой. Однако, конная «фаланга», как средняя, так и тяжелая в маневренности превосходила пешую, что оставляло коннице реальные шансы одерживать победу: «Тукюеский предводитель... с отборною конницею прежде устремился на держащих коней; почему сиеяньтосцы не могли уйти» [Бичурин, 1950, с. 341]. Появление в конце III–IV вв. н.э. конского доспеха у центральноазиатских кочевников и было связано с желанием обезопасить конные «фаланги» от лучников, в первую очередь, действующих в составе пеших порядков. Массовое использование нового доспеха могли себе позволить лишь наиболее сильные в экономическом и политическом отношении этносы. В Центральной Азии и Южной Сибири таким народом в раннем средневековье являлись тюрки.

Древнетюркский комплекс вооружения сформировался на местной (алтайской) основе, вобравшей в себя наследие эпохи «великого переселения народов». Военное дело тюрков оказало огромное влияние на народы, попавшие в орбиту их военных предприятий. Тюрки первыми сделали тяжеловооруженную конницу массовым родом войска и довели ее тактическое применение до оптимального уровня. Прямыми наследниками их военного искусства можно считать киданей и монголов.

В заключении хочется отметить, что иконографические источники Горного Алтая по военной тематике позволяют заполнить большой пробел в наших знаниях о военном деле древних тюрков. То, что не сохранилось или редко помещалось в погребения и в силу обыденности своего применения не попало на страницы хроник, есть возможность увидеть на рисунках высеченных в камне. Надо только внимательно смотреть.